

Edwin R A Seligman
1885

АНГЛІЙСКАЯ

СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РАЗВИТІЯ ИДЕЙ

СВОБОДНОЙ КОНКУРРЕНЦІИ

И

НАЧАЛЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ВМѢШАТЕЛЬСТВА.

И. Янжулъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Періодъ меркантильный.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5.

1876.

Съ разрѣшенія Юридическаго Факультета Императорскаго Московскаго Университета печатать дозволяется, съ тѣмъ, чтобы узаконенное число экземпляровъ было представлено въ Московскій Цензурный Комитетъ. Москва, 23 сентября 1876 года.

Деканъ Юридическаго Факультета *Ѳ. Мильгаузенъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ПОКОЙНАГО ПРОФЕССОРА

НИКОЛАЯ КИРИЛЛОВИЧА

СОКОЛОВА.

Предисловіе.

„To be indifferent which of two opinions is true, is the right temper of the mind that preserves it from being imposed on, and disposes it to examine. *This is the only direct and safe way to* truth.“

Locke.

Однимъ изъ важнѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе трудныхъ для разрѣшенія вопросовъ науки народнаго хозяйства, нѣтъ сомнѣнія, можетъ считаться опредѣленіе границъ государственнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность народа. Прошло ровно сто лѣтъ, какъ Адамъ Смитъ издалъ въ свѣтъ свое изслѣдованіе о „Богатствѣ народовъ“ и установилъ начала системы свободной конкуренціи. Послѣ него эта система получила дальнѣйшее развитіе у такъ называемой манчестерской школы и широкое приложеніе въ экономической политикѣ Великобританіи. Лозунгъ этой школы, заимствованный впрочемъ у физіократовъ: „laissez faire, laissez aller“— сдѣлался почти руководящимъ принципомъ британскаго правительства. Благодаря его вліянію

были произведены огромныя реформы въ государственномъ хозяйствѣ и торговомъ законодательствѣ Англіи: множество налоговъ, стѣснявшихъ экономическую дѣятельность и давившихъ промышленность, было уничтожено; та же участь постигла и всѣ покровительственныя пошлины, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій строго охранявшихъ туземное производство отъ иностраннаго соперничества. Старая колоніальная политика и навигаціонные законы также пали и британское судоходство было предоставлено исключительно собственнымъ силамъ; средневѣковые законы о таксахъ, о коалиціяхъ и т. д. одинаково были уничтожены. Короче, все британское законодательство подъ вліяніемъ новыхъ воззрѣній потерпѣло сильныя измѣненія и почти всѣ законы, стѣснявшіе дѣйствіе свободной конкуренціи, были или уничтожены, или значительно ослаблены. Государственная власть сокращала право вмѣшательства въ экономическія отношенія и ограничивала сферу своей дѣятельности. Но, несмотря на такое видимое и сильное вліяніе этой системы воззрѣній на народную жизнь Англіи, несмотря на то, что всѣ реформы въ ея духѣ привели за собой колоссальное развитіе богатства и политическаго могущества страны,—несмотря на все это,—начала свободной конкуренціи до сихъ поръ являются вопросомъ весьма

спорнымъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Начать съ того, что всѣ экономисты не могутъ условиться относительно предѣловъ этой свободы. Джонъ Стьюартъ Милль, напримѣръ, противоположно съ другими англійскими экономистами, признаетъ нѣкоторыя ограниченія свободы промышленности и дѣлаетъ одно важное исключеніе для свободы торговли *). Мало того, въ послѣдніе годы жизни, онъ даже отказался совсѣмъ отъ теоріи заработаннаго фонда, этого краеугольнаго камня всей системы свободной торговли. Обратно съ нимъ проф. Фоссеттъ, который когда-то весьма приближался по своимъ научнымъ воззрѣніямъ къ Миллю, въ настоящее время самымъ рѣшительнымъ образомъ въ парламентскихъ рѣчахъ противится всякому ограниченію женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ, какъ вредному посягательству, по его мнѣнію, на свободу труда **). Мы не говоримъ уже о нѣмецкой исторической школѣ, которая, въ своихъ представителяхъ, опять-таки отводитъ очень широкую, но и весьма различную у разныхъ экономистовъ, сферу дѣятельности государственной власти для ея вмѣшательства и прямаго содѣйствія экономическому благу народа.

*) Милль допускаетъ временно покровительственную систему для націй юныхъ и развивающихся. Principles of Political Economy, 1868. Book V, Chap. X, § 1.

**) См. H. Fawcett: Speeches on some current political Questions. 1873.

На практикѣ система свободной конкуренціи можетъ считаться вопросомъ еще менѣе рѣшеннымъ, нежели въ теоріи, и получаетъ весьма различное приложеніе въ разныхъ странахъ Европы: какъ извѣстно, напримѣръ, большинство государствъ еще держится въ большей, или меньшей мѣрѣ охранительныхъ тарифовъ. Но даже и въ законодательствѣ Великобританіи вопросъ этотъ разрѣшается весьма различно: едва британскія колоніи въ Австраліи и Канадѣ получили послѣднее время большую долю самостоятельности, какъ тотчасъ же поспѣшили установить у себя покровительственную систему для защиты своей промышленности противъ конкуренціи мануфактуръ своей матери — метрополіи. Что касается до свободы труда, такъ въ этомъ отношеніи Англія едва ли даже не сдѣлала съ сороковыхъ годовъ рядъ шаговъ въ противоположномъ направленіи, установляя строгія нормы своего фабричнаго законодательства и допуская также широкое вмѣшательство общественной власти, въ санитарныхъ видахъ, въ постройку зданій и судовъ. Сверхъ того сознаніе потребности такого вмѣщательства, повидимому, все болѣе и болѣе распространяется въ англійскомъ обществѣ и вызываетъ протесты противъ неограниченной конкуренціи, часто дающей начало самой узкой и вредной монополіи. Недавно англійское пра-

вительство пріобрѣло въ свою собственность телеграфы, а теперь все чаще и чаще слышится голосъ общественнаго мнѣнія въ пользу государственныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Эта неопредѣленность воззрѣній въ столь важномъ вопросѣ, опредѣляющемъ всю систему экономической политики, достаточно оправдываетъ выборъ темы нашего сочиненія. Мы отнюдь, конечно, не имѣемъ претензіи рѣшать такой сложный и трудный вопросъ, столько лѣтъ занимавшій множество изслѣдователей. Цѣль наша—въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ намѣтить тѣ условія, при которыхъ развивались начала англійской экономической политики, указать тѣ вліянія, при которыхъ появились на свѣтъ идеи свободной конкуренціи, а затѣмъ постараться опредѣлить ихъ относительное значеніе и самые результаты, къ которымъ привела страну система экономической свободы. Историческій путь, по нашему крайнему убѣжденію, составляетъ лучшій способъ при настоящемъ положеніи науки, для изслѣдованія вопросовъ экономической политики, и если онъ еще не даетъ окончательныхъ и рѣшительныхъ выводовъ и формулъ, то, по крайней мѣрѣ, доставляетъ готовый обработанный матеріалъ для будущихъ изслѣдованій и приноситъ условныя разрѣшенія вопроса, опирающіяся на опытъ дѣйствительной жизни.

Мы ограничились въ нашемъ очеркѣ одною только стороной вопроса—развитіемъ идей собственно свободной торговли; что же относится до свободы промышленности и труда, то мы касаемся ихъ только въ нѣкорыхъ случаяхъ, по тѣсной связи съ главнымъ предметомъ изслѣдованія. Разсматривая исторію экономическихъ воззрѣній до Адама Смита, мы встрѣтили большое затрудненіе въ крайне скудной обработкѣ этого періода въ историко-экономическомъ отношеніи. Самый важный трудъ по исторіи англійской науки народнаго хозяйства въ XVI и XVII в. составляетъ извѣстное сочиненіе Вильгельма Рошера *). Но написанное въ Германіи, это добросовѣстное изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ, какъ говорится въ его предисловіи, обзоръ книгъ за эти два вѣка, найденныхъ авторомъ въ германскихъ библіотекахъ, которыя отнюдь, конечно, не могутъ похвалиться полнотой для иностранной литературы такого сравнительно отдаленнаго времени. Поэтому Рошеръ зависѣлъ въ своемъ трудѣ весьма много отъ случая: ему приходилось ограничиваться разборомъ книгъ, которыя онъ находилъ въ нѣмецкихъ библіотекахъ, знакомясь съ другими только изъ чужихъ рукъ—по выпискамъ, или извлеченіямъ, и наконецъ многія не маловажныя сочиненія бы-

*) Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre in 16 und 17 Jahrhundert. 1852.

ли имъ и совсѣмъ пропущены. Такъ, онъ знакомъ съ главнѣйшимъ представителемъ экономической литературы XVI столѣтія Вилліамомъ Стаффордомъ только на основаніи цитатъ и краткихъ изложеній Джона Смита, Мортонъ Эдена и Артура Юнга, почему и не могъ оцѣнить надлежащее историческое значеніе этого писателя и, отчасти, представилъ его даже въ невѣрномъ свѣтѣ. Точно тому же обстоятельству нужно приписать причину, по которой Рошеръ опустилъ совершенно важное сочиненіе начала XVII в. Эдуарда Миссельдена о свободной торговлѣ. Съ помощью богатствъ Британскаго музея въ Лондонѣ, гостепріимно открытыхъ каждому изслѣдователю, намъ удалось нѣсколько, въ предѣлахъ своей задачи, пополнить этотъ пробѣлъ Рошера. Но, не ставя себѣ цѣлью написать исторію экономической литературы, мы, разумѣется, въ своемъ очеркѣ могли касаться только тѣхъ немногихъ старыхъ экономистовъ, труды которыхъ казались намъ особенно существенными для нашей задачи.

Во второй половинѣ нашего опыта, заключающей въ себѣ обзоръ новѣйшаго періода господства началъ свободной конкуренціи, мы особое вниманіе обращаемъ на оригинальную сторону англійской народной жизни—развитіе этихъ идей въ литературѣ и жизни различными политическими обществами, поставившими

себѣ цѣлью—легальнымъ путемъ печатнаго и устнаго слова распрастранять и поддерживать принципы свободной торговли въ народѣ и въ парламентѣ. Не можемъ здѣсь кстати не выразить нашей признательности г-ну Мэккуину (Macqueen), секретарю Liverpool Financial Reform Association и Томасу Бриггсу (Briggs)—секретарю Free Trade League, за обязательное сообщеніе нѣкоторыхъ письменныхъ данныхъ относительно ихъ обществъ, а также летучихъ изданій, доступныхъ исключительно однимъ членамъ.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ упомянуть, что нашъ очеркъ исполненъ при очень различныхъ условіяхъ относительно книжной обстановки: матеріалъ для него мы собирали въ Англіи, преимущественно въ Британскомъ музеѣ, а написанъ онъ, главнымъ образомъ, въ глуши русской провинціи, почему относительно нѣкоторыхъ источниковъ, даже весьма распространенныхъ, пришлось довольствоваться переводами (преимущественно нѣмецкими), и нѣсколько разъ цитовать даже на память.

Москва.
Сентября 23 дня, 1876 г.

ГЛАВА I.

Историческое развитіе меркантилизма и причины, которыя его обусловливали. — Теорія денежнаго баланса: система складовъ, королевскіе мѣняла, хозяева и гости. — Государственная опека и ея воздѣйствіе на различныя стороны народной жизни.

Средневѣковый строй государственной жизни въ западной Европѣ рѣзко отличается отъ настоящаго. Отношенія отдѣльныхъ лицъ къ государству и верховной власти къ подданнымъ главнымъ образомъ были построены на началахъ и воззрѣніяхъ частнаго права. Это частноправовое отношеніе проходитъ черезъ всѣ средніе вѣка и только къ концу ихъ начинаютъ развиваться и получать право гражданства новыя воззрѣнія, уже основанныя на общественно-или государственно-правовыхъ началахъ. Подданный того времени въ своихъ отношеніяхъ къ государству признавалъ за собой только такія обязательства, которыхъ требовали непосредственно его личные интересы. Глава государства въ свою очередь смотрѣлъ на свои верховныя права какъ на родъ своихъ частныхъ правъ и принадлежность его власти.

Такія взаимныя отношенія въ средневѣковыхъ государствахъ являются въ согласіи и аналогіи со всѣхъ строемъ и порядкомъ феодальнаго хозяйства. Цѣли и

стремленія отдѣльныхъ лицъ не различаются отъ общественныхъ цѣлей. Каждое частное лицо при этомъ порядкѣ государственной жизни, отдѣльно или въ связи съ другими лицами, ищетъ удовлетворенія только своихъ частныхъ интересовъ, стараясь съ наивозможно меньшею государству жертвой пріобрѣсть отъ него наивозможно больше. При удачѣ такихъ стремленій водворяется, естественно, крайняя и видимая неравномѣрность отягощенія и различіе въ размѣрѣ правъ подданныхъ, какъ въ цѣлыхъ классахъ, такъ и въ отдѣльныхъ лицахъ. Право, напримѣръ, участвовать въ законодательствѣ не есть всеобщее право, существующее для общихъ интересовъ народа, а только преимущество, *привилегія* отдѣльныхъ индивидовъ, корпорацій, классовъ. Обратно съ нашимъ временемъ, государство разсматривалось какъ простая связь индивидуальныхъ интересовъ властелина и подданныхъ, а не какъ цѣль сама по себѣ. Въ правовой сферѣ точно также еще не проводилось извѣстной границы для общихъ и частныхъ интересовъ той и другой стороны. Рѣзкое различіе между ними дѣлается замѣтнымъ уже на позднѣйшихъ высшихъ ступеняхъ культуры. При этомъ развитіе общественно-правовыхъ идей въ различныхъ странахъ Европы совершается не съ одинаковою быстротой: оно опредѣляется особенностями политическаго устройства и другими мѣстными условіями. Такъ, Англія, напр., которая въ XIV и XV вв. была страной еще весьма отсталой въ экономическомъ отношеніи, по степени своего общественно-правоваго развитія быстро оставляетъ, однако, позади себя остальную Европу.

Согласно частно-правовому характеру, средневѣковое государственное хозяйство держалось главнымъ образомъ на доменахъ или государственныхъ имуществахъ. Верховная власть удовлетворяла свои нужды

изъ источниковъ однородныхъ съ частными лицами. За доменами слѣдовали пошлины, особенно судебныя, которыя по своему внутреннему содержанію — платы государству за пользованіе особыми правами — подходили подъ частно-правовыя воззрѣнія среднихъ вѣковъ и потому встрѣчались довольно рано. Позднѣе всего явились налоги: по своему характеру они наименѣе соотвѣтствовали средневѣковымъ взглядамъ, а потому сравнительно были мало развиты. Налоги были большею частью временные и, взимаясь въ исключительныхъ случаяхъ, причислялись къ экстреннымъ источникамъ дохода *).

Этотъ индивидуализмъ средневѣковыхъ воззрѣній нашелъ еще лучшее выраженіе себѣ во взглядѣ на деньги, какъ единственное богатство. Частный человѣкъ считается богатымъ и независимымъ, когда имѣетъ много денегъ, и этотъ взглядъ цѣликомъ переносился на государство, какъ на простую совокупность индивидуальныхъ интересовъ. Государство богато, когда имѣетъ много денегъ, отсюда всѣ усилія должны быть направлены къ наивозможно большему накопленію въ странѣ денегъ и вообще драгоцѣнныхъ металловъ, легко превращаемыхъ въ деньги. Историческія событія второй половины среднихъ вѣковъ сообщали новые доводы и средства для raison d'être подобныхъ воззрѣній. Какъ извѣстно, въ концѣ среднихъ вѣковъ происходитъ цѣлый рядъ важныхъ географическихъ открытій, имѣвшихъ огромное вліяніе на всю экономическую жизнь западной Европы. Португальцы открываютъ новый путь въ Остъ-Индію и кладутъ начало своей

*) Напр. извѣстный Блакстонъ уже въ XVIII в. въ своихъ комментаріяхъ на англійскіе законы и его продолжатель Стивенсъ (Stephens) въ наше время дѣлятъ государственные доходы на *обыкновенные* и *экстраординарные*, относя къ послѣднимъ всѣ налоги.

обширной торговли съ Азіей, испанцы открываютъ Мексику, Перу, Чили и получаютъ изъ нихъ массу золота и серебра, способствуя черезъ это переходу средневѣковаго натуральнаго хозяйства въ новое, денежное. Мѣновой характеръ торговли теряетъ мѣсто въ Европѣ, и деньги получаютъ большее значеніе, чѣмъ онѣ имѣли прежде. Колоніи и иностранная торговля являются главными источниками прилива драгоцѣнныхъ металловъ и политическаго значенія сказанныхъ странъ. Чтобъ удержать у себя пріобрѣтенныя въ Америкѣ сокровища, Испанія предпринимаетъ рядъ ограничительныхъ мѣръ противъ вывоза денегъ и для исключительнаго господства въ колоніяхъ. Той же системы держатся и другія государства: съ одной стороны появляются законы противъ вывоза денегъ за границу, съ другой — мѣры къ привлеченію ихъ оттуда. Въ Англіи, которая до второй половины XVI вѣка была страной почти исключительно земледѣльческой и малоторговой, необходимость подобной запретительной системы чувствовалась еще ощутительнѣе, чѣмъ въ Испаніи. Отсутствіе вѣрнаго и постояннаго рынка для ея сырыхъ продуктовъ и неимѣніе колоній, богатыхъ драгоцѣнными металлами, привело страну еще въ XIV столѣтіи къ мысли восполнить этотъ недостатокъ иными средствами.

Въ царствованіе Ричарда II (1377—1405) король обратился къ Сити Лондона съ вопросомъ, какія средства надо употребить для предотвращенія гибели англійскаго благосостоянія. Отвѣтъ заключалъ въ себѣ сущность той теоріи, которой было суждено играть впослѣдствіи видную роль во всей экономической исторіи страны, пока ее не замѣнили иныя, противоположныя воззрѣнія. „*Мы должны*, отвѣчали ему,—*стараться покупать у иностранцевъ меньше, чѣмъ продавать.*“

На этомъ принципѣ основываются всѣ особенности ранняго законодательства Англіи. Оно преслѣдовало двоякую цѣль: сначала привлечь какъ можно болѣе монеты изъ-за границы, затѣмъ употребить всѣ усилія, чтобъ удержать ее въ странѣ и помѣшать снова исчезнуть *).

Для достиженія этихъ цѣлей установилась очень сложная система торговой политики, которую можно лучше всего назвать *системой денежнаго баланса*, такъ какъ дѣятельность государства и его контроль прямыми и незатѣйливыми способами направлялись къ полученію денежнаго перевѣса въ свою пользу при каждой торговой операціи англичанина съ иностранцемъ. Поэтому вывозъ денегъ за границу былъ абсолютно воспрещенъ **).

Эта система, которая отличается отъ позднѣйшаго *торговаго баланса* только иными средствами для одной и той же цѣли, преслѣдовала ихъ двумя способами: однѣ мѣры были направлены къ усиленію ввоза монеты, а другія — къ предупрежденію ея удаленія изъ страны.

Съ первою цѣлью существовали т. н. *складочныя мѣста* (Staple Towns) и *корпораціи мэра и констэблей склада*. Устройство этихъ мѣстъ на континентѣ было вызвано первоначально инымъ мотивомъ — необходимостью защиты торговли отъ разбойниковъ и пира-

*) См. Primitive Political Economy of England, Edinburgh Review vol 85. April 1847, стр. 427—8, а также: View of the Progress of Political Economy in Europe since the sixteenth century by. Travers Twiss 1847, стр. 6, 7.

**) Авторъ Primitive P. Economy называлъ эту систему Balance of bargain system. Другіе, напр. Вернадскій (Очеркъ исторіи политической экономіи, 1858, стр. 22 и далѣе), — *мѣновымъ балансомъ*. Но намъ кажется, что названіе *денежный балансъ* болѣе выражаетъ сущность и характеръ этой системы, въ отличіе ея отъ послѣдующей системы *торговаго баланса*.

товъ; но вскорѣ, если не въ одно время, они получили значеніе оффиціальныхъ торжищъ, гдѣ правительство извлекало доходы посредствомъ различныхъ пошлинъ и наблюдало черезъ своихъ чиновниковъ за денежнымъ обращеніемъ. Для этого были назначены извѣстные пункты, куда стекались со всѣхъ странъ купцы и обмѣнивались товарами подъ защитой феодальнаго барона или рыцаря, а впослѣдствіи го́рода, которому уплачивали за это извѣстный налогъ. Самые замѣчательные изъ такихъ рынковъ, избранныхъ англичанами для торговыхъ сношеній съ иностранцами, были Троа (Trojes) въ Шампаньи, Антверпенъ и Брюггъ въ Нидерландахъ. Въ эти складочныя мѣста англійскіе торговцы доставляли свои обыкновенные товары: шерсть, кожи, олово, жесть, рыбу и пр., и получали взамѣнъ ихъ отъ иностранцевъ необходимые продукты, большею частью мануфактурные. Изъ первыхъ, т. е. доставляемыхъ англичанами товаровъ, особенно важную роль играла шерсть, которая считалась самымъ прибыльнымъ предметомъ англійской торговли. Чтобъ извлекать выгоду изъ этой торговли и контролировать ее, были учреждены особыя корпораціи изъ мэра, констэблей и братства склада, которые должны были исполнять двѣ обязанности: во-первыхъ, смотрѣть за правильностью сбора пошлинъ, подлежащихъ королю, при вывозѣ шерсти; во-вторыхъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы часть уплачиваемыхъ денегъ при всякой отдѣльной продажѣ состояла изъ иностранной монеты или металла, которые предназначались для ввоза въ Англію. Пропорція этой уплаты разнилась время отъ времени, но всегда была регулирована *).

---

*) Такъ напр. въ 1348 г. требовалось: for each serplaith (?) of wool, lost of salmon or 100 cloth—four ounces of silver; for each lost of

Первыя историческія указанія относительно администраціи складочныхъ мѣстъ относятся къ началу XIV вѣка. Въ 1313 году назначенные королемъ мэръ и констэбли были уполномочены выбрать города въ Брабантѣ, Фландріи и Артуа, какъ складочные пункты для торговли шерстью. На нихъ же обязанность возлагалось наказывать штрафомъ всѣхъ тѣхъ торговцевъ, которые вздумаютъ вывозить изъ Англіи шерсть въ иное мѣсто. Вслѣдствіе этого, Антверпенъ, Брюггъ, Сентъ-Омеръ и Лилль были сдѣланы единственными пунктами, гдѣ иностранные суконные фабриканты могли покупать англійскую шерсть. Нѣсколько позднѣе (около 1353 года) король Эдуардъ III (1327—1377), видя выгодность этой складочной торговли для тѣхъ мѣстъ, гдѣ она происходила, сдѣлалъ было попытку учредить свои собственныя складочныя мѣста внутри Англіи,обѣщалъ иностраннымъ купцамъ всякую защиту и запретилъ англичанамъ подъ страхомъ конфискаціи и даже смерти всякій вывозъ товаровъ за границу. Но мѣра эта вполнѣ не удалась и система англійскихъ внутреннихъ складочныхъ мѣстъ просуществовала только нѣсколько лѣтъ: вслѣдствіе отсутствія безопасности и другихъ причинъ иностранные купцы не охотно ѣздили въ Англію, и пришлось возвратиться къ прежнимъ, иноземнымъ торговымъ пунктамъ; изъ городовъ принадлежавшихъ англичанамъ иностранная торговля удержалась только въ одномъ Кале. Послѣ смерти Эдуарда этотъ городъ, до взятія его французами, сдѣлался болѣе постояннымъ, а съ царствованія Генриха VI даже единственнымъ англійскимъ складочнымъ мѣстомъ. Ограничивъ такимъ образомъ всю иностранную тор-

herrings two ounces. См. Primitive Political Economy въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи, 1847 г. апрѣль, стр. 430 и 431.

говлю немногими пунктами и получивъ черезъ это возможность, посредствомъ своихъ чиновниковъ, слѣдить за всякою продажей товаровъ, англійское правительство обезпечивало постоянное теченіе драгоцѣнныхъ металловъ въ Англію. Но этого было мало: полученную монету слѣдовало удержать у себя внутри страны, а для этой цѣли надлежало употребить контроль еще болѣе сильный. Средствами такого контроля явились: во-первыхъ, учрежденіе *монетнаго двора*; во-вторыхъ, должности *королевскихъ мѣнялъ;* въ-третьихъ, должности т. н. *сыщиковъ* (searchers) и *таможенныхъ надсмотрщиковъ* (customers) и, въ-четвертыхъ, *законъ истраченія* (The Statutes of Employment).

По воззрѣніямъ того времени, королевскаго приказанія было достаточно для того, чтобы придать монетѣ цѣну не обусловливаемую ея внутренней металлическою стоимостью; отсюда происходила столь употребительная въ средніе вѣка порча монеты самими правительствами. Связанное съ этимъ право опредѣленія достоинства чекана ревностно охранялось королями и всякая попытка со стороны подданнаго или иностранца нарушить эту прерогативу считалась государственнымъ преступленіемъ и нерѣдко даже наказывалось смертью. Но при торговыхъ сношеніяхъ иностранецъ, платя своими деньгами, долженъ былъ разсчитывать сравнительную цѣну англійской монеты и, значитъ, могъ произвольно опредѣлять ее; этимъ онъ нарушалъ означенную королевскую прерогативу и, кромѣ того, могъ способствовать удаленію монеты изъ страны.

Въ предупрежденіе подобныхъ отступленій отъ системы и принимались упомянутыя четыре категоріи особыхъ мѣръ. Всѣ онѣ основывались на правилѣ, что никакая иностранная монета не должна быть употребляема въ Англіи съ иною цѣлью, какъ для того, чтобы

быть обмѣненой на англійскую монету въ *королевскомъ монетномъ дворѣ* или у его агентовъ, т. н. *королевскихъ мѣнялъ;* во всякомъ случаѣ оцѣнка иностранной монеты совершалась безусловно этими учрежденіями. Иностранецъ, прибывшій въ Англію съ своими деньгами былъ принужденъ отправиться кратчайшимъ путемъ или на самый монетный дворъ, или къ одному изъ этихъ чиновниковъ и тамъ промѣнять свою иностранную монету на такое количество англійской, *какое ему давали.* Затѣмъ, если у него еще находили иностранную монету при обстоятельствахъ, не указывающихъ на то, что онъ готовится ихъ размѣнять въ тѣхъ же учрежденіяхъ, эти деньги отбирались въ казну и самъ онъ подвергался строгому наказанію *). Вся иностранная монета, какъ полученная отъ королевскихъ мѣнялъ, такъ и вырученная на складочныхъ мѣстахъ, была препровождаема въ монетный дворъ, гдѣ перечеканивалась въ англійскую. Благодаря этимъ операціямъ, въ Англіи не обращалось золотой или серебряной монеты, которой объявленная цѣна не была бы назначена англійскимъ правительствомъ.

Дальнѣйшая преграда вывозу денегъ ставилась статутомъ т. н. „истраченія" (The Statute of Employment), который состоялъ въ требованіи, чтобы всякій иностранецъ, ввозящій товары въ Англію, покидая ее, „*истратилъ*" всѣ полученныя за нихъ деньги, т. е. накупилъ англійскихъ товаровъ на одинакую цѣнность, чтобы не вывозить денегъ. Средства контроля въ этомъ случаѣ измѣнялись отъ времени до времени, но общій характеръ оставался одинъ и тотъ же: законъ истраченія упорно держался въ Англіи даже долго послѣ того,

*) Primitive Political Economy, Edinburgh Review, 1847, April, 433—435.

какъ остальныя части старой системы были покинуты. Самый полный и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій законодательный актъ этого рода вышелъ при Генрихѣ VI (18, Henry VI, c. 4). Согласно ему, всѣ иностранные купцы, пріѣзжавшіе торговать въ какомъ-либо портѣ Англіи (чаще всего въ Кале), должны были состоять подъ присмотромъ извѣстныхъ людей, называемыхъ *хозяевами* (hosts), по назначенію чиновниковъ того порта или города. *Хозяева* избирались обыкновенно изъ почтенныхъ, свѣдущихъ въ торговлѣ лицъ и отнюдь не торгующихъ товарами ихъ *гостей* (guests), какъ назывались иностранные купцы. Эти *хозяева* должны были знать обо всѣхъ продажахъ, совершаемыхъ ихъ *гостями*, и обязывались настаивать на томъ, чтобы въ теченіе восьми мѣсяцевъ они продали всѣ свои запасы и вырученныя деньги употребили на покупку англійскихъ товаровъ. *Хозяинъ* долженъ вести точный списокъ въ отдѣльной книгѣ всякой продажѣ и покупкѣ, совершенной иностранцемъ: копію съ этой книги онъ посылалъ два раза въ годъ, на Святой и въ Михайловъ день, въ казначейство. За свои труды *хозяинъ* могъ взимать два пенса съ каждаго фунта стерлинговъ съ продажъ и покупокъ иностраннаго гостя. Если же послѣдній при въѣздѣ въ Англію избѣгалъ брать *хозяина*, или былъ относительно его непослушенъ, то сажался въ тюрьму или подвергался иному наказанію.

Во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія, при Эдуардѣ IV, надзоръ хозяевъ былъ уничтоженъ, но вмѣсто нихъ иностранецъ былъ преданъ въ руки цѣлаго войска *searchers* (сыщикъ) и *customers* (надсмотрщикъ)— новыя должности, которыя вполнѣ замѣнили хозяевъ, облегчивши надзоръ только наружно *).

---

*) Primitive Political Economy, 136—7.

Итакъ, ограничивъ иностранную торговлю немногими мѣстами, государство могло присутствовать въ лицѣ своихъ чиновниковъ при всякой продажѣ и покупкѣ, сдѣланной за границей, и употреблять мѣры къ привлеченію денегъ въ Англію. Съ помощью статута „истраченія“ эти деньги задерживались въ странѣ, и правительство получало возможность регулировать денежное обращеніе. Оно не только, по своему произволу, опредѣляло самое количество монеты, обращающейся въ Англіи, но до извѣстной степени и ея достоинство. Захвативъ въ свои руки всѣ частныя сношенія въ иностранной торговлѣ, правительство стремилось къ достиженію своей главной цѣли—предполагаемому обогащенію страны черезъ изобиліе драгоцѣнныхъ металловъ.

Строгая государственная опека не ограничивалась впрочемъ одной внѣшнею торговлей: надзоръ и вмѣшательство правительства въ то время простирались на всю экономическую дѣятельность народа. Какъ частное лицо въ своемъ хозяйствѣ можетъ и должно употреблять самый бдительный и часто стѣснительный для подчиненныхъ контроль за ихъ дѣйствіями, чтобы гарантировать собственное благополучіе, такъ государство и общество, по частно правовымъ воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ, самымъ строгимъ вмѣшательствомъ въ народно-хозяйственную жизнь должно было обезпечивать общее благоденствіе. Гильдіи, корпораціи и цехи клали рамки для частной дѣятельности и указывали предѣлы эгоистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ индивидовъ. Весьма сложная административная организація выполняла эти задачи. Въ Лондонѣ напр., какъ метрополіи, засѣдалъ центральный совѣтъ для контроля за каждою вѣтвью промышленности и торговли и находился въ непосредственной связи съ канцлеромъ короны. Совѣтъ состоялъ изъ высшихъ и наиболѣе ува-

жаемыхъ членовъ всѣхъ профессій, и на его обязанности лежало опредѣлять цѣны товаровъ, утверждать размѣръ заработной платы и правила пріема въ ученики различнымъ ремесламъ и вообще обсуждать всѣ подробности дѣла, по которому требовались ихъ мнѣнія и рѣшенія законодательной власти. Далѣе, этотъ совѣтъ принималъ донесенія сыщиковъ или надзирателей (searchers), избранныхъ изъ членовъ же совѣта чиновниковъ, обязанность которыхъ, вмѣстѣ съ лордомъ мэромъ и нѣкоторыми городскими властями, заключалась въ томъ, чтобъ инспектировать лавки и промышленныя заведенія. Они разсматривали не только права ихъ владѣльцевъ на соотвѣтственныя занятія, но и самый способъ веденія ихъ, и наблюдали за всѣми подробностями производства и за цѣнами товаровъ, такъ какъ промышленникъ или торговецъ не имѣлъ права превзойти назначенной таксы, и наконецъ они слѣдили за самою формой и достоинствомъ продаваемаго продукта. Такъ, каждый сортъ матеріи напр. долженъ быть сотканъ изъ извѣстной пряжи опредѣленнаго достоинства и имѣть узаконенный вѣсъ и длину, кожа должна быть прочна и хорошо продублена, мука—чиста и не имѣть никакихъ подмѣсей и, наконецъ, всѣ мѣры должны быть точны и вообще торгъ веденъ честно. На этихъ же торговыхъ надзирателяхъ лежала обязанность принимать всѣ жалобы на ремесленниковъ и купцовъ и разбирать ихъ въ участіи съ городскими чинами.

Такой же порядокъ былъ устроенъ и въ провинціи: тамъ въ каждомъ городѣ находились свои совѣты, которые выполняли одинаковыя обязанности съ центральнымъ лондонскимъ и посылали въ него отчеты. Представленія этихъ совѣтовъ объ ихъ нуждахъ черезъ центральный совѣтъ и канцлера, если представлялась

къ тому надобность, доводились до частнаго совѣта короля и парламента и тѣмъ же путемъ разсылались новыя распоряженія или статуты, когда требовалось законодательное вмѣшательство. Никакое лице въ Лондонѣ или провинціи не могло открыть торговлю или заняться ремесломъ, не будучи предварительно извѣстное время ученикомъ и не выдержавши установленнаго испытанія, которое доказывало бы существованіе у него необходимыхъ для того свѣдѣній. Самое допущеніе въ число учениковъ, какъ и самостоятельныхъ мастеровъ, регулировалось корпораціями, сообразно мѣстнымъ нуждамъ. Контроль и прямое вмѣшательство правительства и всѣхъ этихъ общественныхъ учрежденій замѣняло собой и уничтожало свободное дѣйствіе экономическаго закона спроса и предложенія *). Примѣромъ воззрѣній того времени на государственныя задачи можетъ послужить ходатайство передъ парламентомъ города Бридпорта въ 1527 году: въ петиціи прежде всего говорится о томъ, что означенный городъ съ незапамятныхъ поръ занимался производствомъ канатовъ и веревокъ для судовъ военнаго и торговаго флотовъ и что это занятіе составляло главную доходную статью большинства жителей. Въ послѣднее время, однако, появились злоумышленники (evil disposed persons), которые утвердились въ окрестностяхъ города и начали заниматься тѣмъ же ремесломъ. Поэтому Бридпортъ проситъ парламентъ запретить на 5 миль вокругъ города продажу пеньки всѣмъ лицамъ, кромѣ горожанъ, и этимъ дать возмож-

---

*) James Anthony Froude: History of England from the fall of Wolsey to the death of Elizabeth. 1861, v. I, 31—2.

ность удержать за собой старый источникъ ихъ благосостоянія *).

Въ этомъ же родѣ, въ царствованіе Филиппа и Маріи, поступила въ парламентъ петиція отъ ткачей всего королевства. Они жаловались, что многіе богатые торговцы шерстяными матеріями сильно притѣсняютъ ихъ, что они сами содержатъ по множеству ткацкихъ станковъ, для которыхъ нанимаютъ за дешевую цѣну неискусныхъ поденьщиковъ, что отъ этого достоинство тканей проигрываетъ, а они, ткачи, раззоряются. Уже множество небогатыхъ ремесленниковъ, по словамъ прошенія, занимавшихся ткачествомъ съ своими семействами, въ настоящее время приведены въ невозможность продолжать свое занятіе, благодаря возросшей конкуренціи большихъ капиталистовъ. Эти послѣдніе отдаютъ станки въ наемъ и притомъ за такую неразумную плату (unreasonable rents), что тѣ не могутъ за свой трудъ содержать даже себя, не говоря о женахъ и дѣтяхъ. Наконецъ, все это, вмѣстѣ съ уменьшенной заработною платой, ставитъ въ опасность самое существованіе промышленности, такъ какъ многіе начинаютъ покидать ихъ занятіе и переходить къ другому дѣлу. На этомъ основаніи ткачи ходатайствовали передъ парламентомъ о законодательномъ вмѣшательствѣ: они просили издать актъ, запрещающій какому бы то ни было лицу держать или отдавать въ наемъ болѣе чѣмъ одинъ ткацкій шерстяной станокъ внѣ городовъ и два станка въ чертѣ ихъ. Нарушившій этотъ законъ подвергался 20 шиллингамъ штрафу за каждый лишній станокъ въ недѣлю.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ парламентъ,

---

*) W. G. Lindsay: History of Merchant Shipping and Ancient Commerce, 1874, v. II, 99—104.

по справедливому замѣчанію историка Фрауда, очень хорошо понималъ, что, благодаря сказанной мѣрѣ, стоимость производства шерстяныхъ матерій должна увеличиться, что матеріи или сукна должны обходиться для публики дороже, чѣмъ еслибы шерстяная промышленность была предоставлена свободному теченію. Тѣмъ не менѣе, по господствовавшимъ въ то время воззрѣніямъ, парламентъ считалъ себя обязаннымъ вмѣшаться въ частныя отношенія и закономъ оградить лицъ, требовавшихъ его защиты: потеря въ силѣ и размѣрѣ производства, благодаря такому вмѣшательству, вознаграждалась для народа тѣмъ, что большинство оставалось не „рабочими руками", а самостоятельными людьми. Государственная опека въ настоящемъ случаѣ, охватывая до такой степени частную дѣятельность, старалась оградить слабыхъ отъ сильныхъ: въ интересахъ мелкихъ, но независимыхъ промышленниковъ, она уничтожала своею властью крупное производство *).

Подъ вліяніемъ тѣхъ же идей государство стремилось положить границы конкуренціи, назначая цѣны всѣмъ предметамъ потребленія. Съ этою цѣлью вышелъ длинный рядъ статутовъ, которые опредѣляли цѣну на всякого рода товары: при Генрихѣ VIII напр. цѣна мяса и свинины была опредѣлена въ $1/3$ пенни за фунтъ, а баранина по три фартинга. Откормленный быкъ стоилъ 26 шил. 8 пенсовъ, жирный ягненокъ — 19 пенсовъ, гуси и свиньи были въ одной цѣнѣ, по 4 пенса штука и т. д. Испанскія и португальскія вина продавались по 1 шил. за галлонъ, а французскія и нѣмецкія—по 18 пенсовъ. Всѣ означенныя цѣны были высшія, какія могли получаться по закону, который

*) J. A. Froude: History of England, v. I, 35.

въ то время все регулировалъ, и если открывалась ошибка въ качествѣ или количествѣ, то торговцы наказывались штрафомъ *вчетверо* противъ продажной цѣны товара *). Въ двадцать-четвертый годъ царствованія Генриха VIII прошло одно любопытное дополненіе къ этому закону о таксахъ: торговцы иностранными винами въ Лондонѣ вздумали самовольно возвысить цѣну на вино и стали требовать отъ покупателей выше положенной таксы. Парламентъ немедленно издалъ актъ, чтобы положить предѣлъ такимъ произвольнымъ дѣйствіямъ виноторговцевъ. Онъ постановилъ, что всякое лицо, въ случаѣ торговецъ отказывается продать ему вино по назначенной закономъ цѣнѣ и требуетъ высшую, имѣетъ право немедленно обратиться къ ближайшему мировому судьѣ, мэру, байлиффу или другому мѣстному чиновнику, который вмѣстѣ съ покупателемъ отправляется къ купцу, входитъ въ его погреба и отпускаетъ вино по назначенной таксѣ. Деньги, полученныя такимъ образомъ за вино, чиновникъ не отдаетъ купцу, а конфискуетъ въ наказаніе за его упорное сопротивленіе существующему закону **).

Выборъ и распредѣленіе занятій подвергались одинаково правительственной регламентаціи. Такъ, въ одинъ и тотъ же годъ съ означеннымъ выше постановленіемъ вышелъ новый законъ, имѣвшій въ виду поощреніе льняной и пеньковой мануфактуры. Онъ начинается съ указанія на постоянное увеличеніе въ странѣ лицъ рабочаго населенія безъ всякаго занятія; причиной этого ненормальнаго явленія выставляется усп-

*) Froude, 33. W. S. Lindsay: History of Merchant Shipping, v. II, 101.

**) Froude, 33—4.

ленный ввозъ изъ-заграницы полотняныхъ и пеньковыхъ издѣлій. Вслѣдствіе этого, большое количество рукъ въ странѣ, занятыхъ прежде обработкой льна и пеньки, остается безъ всякаго дѣла, и самое разведеніе этихъ растеній уменьшилось. Общій упадокъ страны и обѣдненіе народа, являясь необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей, вызываютъ потребность въ особомъ законѣ для усиленія производства льна и пеньки. Начиная со времени объявленія этого новаго акта законодательной власти, каждый подданный королевства, воздѣлывающій землю, обязанъ на каждые шестьдесятъ акровъ, которые онъ имѣетъ подъ плугомъ, засѣвать непремѣнно одну четверть акра льномъ или коноплей. Этою мѣрой, прямо посягающей на право распоряженія собственностью, актъ 24. Henry VIII, cap. 4, разсчитываетъ возстановить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ и предупредить развивающееся зло пауперизма *).

Еще большей регламентаціи, и притомъ съ самыхъ раннихъ временъ, подвергалась шерстяная промышленность. Уже въ XII в. встрѣчаются законодательныя мѣры, направленныя для ея поощренія. Позднѣе покровительство этой мануфактурѣ еще болѣе усиливается: изъ-за границы, преимущественно изъ Фландріи, вызываются опытные ткачи и другіе рабочіе по шерстяному производству, и имъ даются всевозможныя привилегіи; чтобъ успѣшнѣе, вѣроятно, конкурировать съ иностранцами, по всему королевству устанавливается извѣстная ширина матерій и мѣра кусковъ. Въ 1337 г. вышелъ съ тою же цѣлью рядъ новыхъ законовъ: вывозъ шерсти изъ Англіи абсолютно запрещенъ и признанъ даже за преступленіе; ввозъ ино-

*) Froude, 4.

странныхъ шерстяныхъ матерій также запрещенъ; исключеніе допускается только для потребностей королевскаго семейства. Наконецъ тотъ же законъ 1337 г. повторяетъ приглашеніе иностранныхъ мастеровъ въ Англію для улучшенія шерстянаго производство и сулитъ имъ всякія льготы и покровительство. Дѣйствіе этого закона было нѣсколько задержано скоро наступившею войной съ Франціей: нужда въ деньгахъ принудила правительство временно снять запрещеніе съ вывоза шерсти. Тѣмъ не менѣе, благодѣтельныя послѣдствія всѣхъ этихъ усилій, по словамъ Мортонъ Эдена, не замедлили скоро обнаружиться: всего черезъ 40 лѣтъ шерстяная мануфактура такъ поднялась въ странѣ, что уже изъ-за границы явился спросъ на англійское сукно, и его начали вывозить въ значительномъ количествѣ *).

Государственная опека въ средніе вѣка далеко не ограничивалась одной общественною сферой: она проникала съ своими регуляціями и въ частности домашней жизни и старалась установить ее по извѣстной мѣркѣ, которую она считала необходимой для народнаго блага. До временъ реформаціи, при всѣхъ соціальныхъ различіяхъ, разница въ образѣ жизни высшихъ и низшихъ классовъ англійскаго народа, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, — была незначительна. Болѣе существенная разница, противуположно съ настоящимъ временемъ, заключалась въ костюмѣ, который отличалъ господина и слугу, служилъ символомъ общественнаго ранга, предписывался такъ же строго, какъ нынче покрой платья военнаго или гражданскаго чиновника. Наоборотъ, въ ѣдѣ — хотя и

---

*) Sir Frederic Morton Eden: The State of the Poor or an History of the Labouring Classes of England etc... 1797, v. I, стр. 27, 28.

тутъ существовали предписанія закона — замѣчается незначительное различіе: по увѣренію Фрауда, „пища дворянина находилась на такомъ уровнѣ, который былъ въ предѣлахъ достиженія бѣднѣйшаго рабочаго*). Богатый и бѣдный различались тогда скорѣе въ количествѣ пищи, нежели въ ея родѣ. Но и эта разница была незначительна. Законъ преслѣдовалъ роскошь всякаго рода, какъ вредную для общественнаго блага; но такъ какъ ея вліяніе хуже всего могло отражаться на низшихъ классахъ народа, то понятно, что и наибольшее законодательное вмѣшательство замѣчается относительно одежды и пищи простаго народа: со временъ Эдуарда III и до Елизаветы прошло напр. не менѣе десяти статутовъ, которые устанавливали костюмъ слугъ и рабочаго класса. Трудно рѣшить вопросъ, на-

*) Froude, 9. Въ 1336 году, въ царствованіе Эдуарда III, вышелъ напр. актъ такого содержанія: „Такъ какъ въ королевствѣ началъ весьма распространяться обычай употреблять въ пищу за столомъ многочисленныя и дорого стоющія кушанья; такъ какъ этому обыкновенію богатыхъ людей стараются подражать бѣдные, которые черезъ это раззоряются и становятся неспособны помогать ни себѣ, ни государству, ни нести обязанности, на нихъ возложенныя, и такъ какъ вообще черезъ этотъ излишекъ происходитъ много всякаго зла для души и тѣла, то нашъ государь король, желая блага всему народу, какъ великимъ, такъ и малымъ людямъ, въ виду означенныхъ бѣдствій и съ согласія лордовъ духовныхъ какъ и свѣтскихъ, такъ и общинъ, соизволилъ повелѣть, что всякій человѣкъ, какого бы званія или состоянія онъ ни былъ, не долженъ за обѣдомъ, ужиномъ и въ другое время подавать и ѣсть болѣе двухъ блюдъ и каждое блюдо чтобы было приготовлено не болѣе какъ изъ двухъ сортовъ провизіи, будь это мясо или рыба, и при томъ съ самой обыкновенною приправой и безъ всякаго соуса. Ежели кто захочетъ непремѣнно имѣть соусъ, то не долженъ дѣлать на него значительныхъ затратъ; если мясо и рыба вмѣстѣ смѣшаны, то число ихъ не должно превосходить двухъ сортовъ. Исключеніе допускается только въ большіе годичные праздники, когда разрѣшается приготовленіе трехъ блюдъ, но при указанныхъ выше условіяхъ“.

*

сколько эти запретительные законы противъ роскоши, представляющіе собой образецъ крайняго развитія государственной опеки, въ дѣйствительности исполнялись. Несомнѣнно однако, что такъ какъ они издавались парламентомъ, всегда состоявшимъ изъ самыхъ сильныхъ и богатыхъ людей королевства, независимо и свободно объявлявшихъ свою волю, то конечно, эти законы придавали легальный авторитетъ бережливости и не оставались въ свое время безъ нѣкотораго вліянія на народную экономію *).

Но законы противъ роскоши, столь согласные съ общимъ духомъ средневѣковой политики, важны въ другомъ отношеніи: они даютъ косвенныя указанія на степень народнаго благосостоянія того времени. Роскошь становится возможна только тогда, когда всѣ потребности первой необходимости удовлетворены; поэтому если ея развитіе замѣчается въ низшихъ классахъ народа, то это даетъ право думать объ ихъ высокомъ матеріальномъ благосостояніи. Жалобы на роскошь простаго народа въ Англіи начинаютъ раздаваться весьма рано: онѣ встрѣчаются уже въ хроникахъ отъ 1300 года, но первый законодательный актъ, пространно регулировавшій роскошь, вышелъ въ 1363 году. Въ этомъ законѣ промышленникамъ, торговцамъ (tradesmen) и ремесленникамъ-мастерамъ разрѣшается носить платье изъ шерстяныхъ матерій не выше полутора шиллинга за ярдъ; пахарямъ, пастухамъ и т. п. рабочимъ дозволены матеріи не дороже одного шиллинга. Со времени Эдуарда III и до половины XIX вѣка цѣнность денегъ уменьшилась въ двадцать разъ, и такимъ образомъ если пе-

*) По справедливому замѣчанію Фрауда, законы противъ роскоши скорѣе слѣдуетъ признать за авторитетныя объявленія, рекомендаціи, которыя дѣлаются лучшими, выборными людьми страны, чтобы показать, что они считаютъ за благо для страны.

ревести этотъ запретительный законъ на современную денежную единицу, то получится запрещеніе для ремесленниковъ носить платья дороже 30 шил. (10 р. с.) за ярдъ, а для пастуховъ 20 шил. (7 р. с.). Такой высокій максимумъ дозволенной дороговизны долженъ естественно проистекать отъ значительной зажиточности лицъ, для которыхъ запрещеніе сдѣлано; въ настоящее время существованіе такого закона уже потому было бы немыслимо, что самое нарушеніе закона почти невозможно *).

Ровно черезъ сто лѣтъ, при Эдуардѣ IV, вышелъ другой замѣчательный законъ противъ роскоши: прислугѣ было запрещено носить платье дороже двухъ шиллинговъ ярдъ, чулки — не дороже четырнадцати пенсовъ за пару и головной платокъ долженъ былъ не превышать двѣнадцати пенсовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1482 году, было найдено необходимымъ ослабить это запрещеніе и разрѣшено носить чулки до восемнадцати пенсовъ и платки до двадцати. Извѣстный Виллььямъ Торнтонъ, дѣлая разсчетъ тогдашней цѣны денегъ сравнительно съ теперешней, замѣчаетъ, что такого рода узаконеніе, переведенное на современную денежную единицу, равнялось бы запрещенію пахарямъ носить бархатные сюртуки и шелковые чулки, а ихъ женамъ—чепчики изъ брюссельскихъ кружевъ **).

Одна возможность существованія подобныхъ законовъ давала бы право на заключеніе о благосостояніи англійскаго народа того времени; но для этого существуютъ и другія доказательства—показанія современ-

---

*) Thomas Doubleday: The true Law of Population showing to be connected with the food of the people. 1847, 166.

**) William Thomas Thornton: Over—Population and its Remedy. 1846, 174.

никовъ и отношеніе между цѣной жизненныхъ припасовъ и заработною платой. Сэръ Джонъ Фортескью, лордъ главный судья въ царствованіе Генриха VI, проводя параллель между экономическимъ положеніемъ французскаго и англійскаго народа, отдавалъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему. Въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „De Laudibus Legum Angliae", написанномъ около 1460 года, онъ рисуетъ такую картину ихъ сравнительнаго положенія: „у французовъ (между которыми онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ) платье сдѣлано изъ пеньковой матеріи весьма близкой къ дерюгѣ, употребляемой на мѣшки; шерстяныхъ матерій, кромѣ самымъ грубыхъ, они совсѣмъ не носятъ, ходятъ босикомъ, исключая праздниковъ", и т. д. О пищѣ французскихъ крестьянъ онъ отзывается также неодобрительно: „мяса они не употребляютъ никакого, кромѣ свинаго сала, да внутренностей и головъ скота, который убиваютъ для продовольствія дворянъ и купцовъ". Положеніе англичанъ у Фортескью представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ: „они богаты, имѣютъ много золота и серебра и всего необходимаго для содержанія человѣка. Они не пьютъ никогда воды, исключая того, когда не желаютъ ничего другаго или налагаютъ на себя воздержаніе. Англичане въ изобиліи употребляютъ на ѣду всякаго рода мясо и рыбу, носятъ хорошее шерстяное платье, спятъ подъ одѣялами, имѣютъ въ своемъ хозяйствѣ въ избыткѣ всѣ нужныя орудія и принадлежности и т. д." Однимъ словомъ, по описанію Фортескью, англійскій народъ благоденствуетъ сравнительно съ французскимъ, да и вообще всѣми народами. Въ этомъ описаніи, можно бы думать, многое преувеличено и прикрашено изъ національной гордости и ложнаго патріотизма; но и другіе источники подтверждаютъ отзывъ сэра Фортескью. Пшеничный хлѣбъ

и мясо всякаго рода составляли въ XIV и XV вв. ежедневную пищу англичанъ всѣхъ сословій и почти во всей странѣ. При Эдуардѣ III, по словамъ одного современника, „послѣ жатвы даже нищій не станетъ ѣсть хлѣба смѣшаннаго съ бобами, а только чистый пшеничный". Нѣкоторые законодательные памятники (напр. 24 Hen. VIII, cap. III, cap. XIII) называютъ обыкновенной пищей народа не только говядину, свинину и телятину, но даже гусей, куръ и цыплятъ *). Но гораздо лучше можно опредѣлить степень тогдашняго благосостоянія, если сопоставить цѣну предметовъ первой необходимости съ величиной заработной платы. (То и другое, какъ мы знаемъ, опредѣлялось государственною властью и, нѣтъ сомнѣнія, болѣе или менѣе близко къ нормальной стоимости). Этотъ пріемъ употребляется нѣсколькими писателями, между прочимъ историкомъ Фраудомъ и экономистомъ Торольдомъ Роджерсъ—на основаніи компетентныхъ данныхъ изъ первыхъ рукъ. Мы приведемъ только результатъ этой параллели. Роджерсъ сравниваетъ положеніе англійскаго сельскаго рабочаго въ XIV в., сопоставляя цѣны припасовъ съ одной стороны и заработной платы—съ другой, съ тѣми, которыя существовали во времена извѣстнаго агронома и статистика Артура Юнга, т. е. въ серединѣ XVIII столѣтія. По его словамъ, сельскій рабочій во второй половинѣ XIV в. получалъ *одну седьмую* часть номинальной цѣны жалованья временъ Ар. Юнга, въ то же время, однако, онъ покупалъ всѣ необходимости жизни въ *двѣнадцать* разъ, а пшеницу въ *восемь* разъ дешевле, т. е., несмотря на усиленное жалованье, положеніе рабочаго въ теченіе этихъ четырехъ-сотъ лѣтъ значительно ухудшилось. Для нѣкото-

---

*) Doubleday, 163—4. Thornton, 175—6.

рыхъ родовъ сельскихъ рабочихъ это сравненіе еще болѣе неблагопріятно, а именно: заработная плата возросла только вчетверо, а припасы, какъ сказали сейчасъ, въ восемь и даже въ двѣнадцать разъ, или покупная сила заработной платы уменьшилась за этотъ періодъ времени отъ двухъ до трехъ разъ. Далѣе Роджерсъ сравниваетъ цѣны временъ Юнга съ настоящимъ временемъ и опять приходитъ къ тому же заключенію, что всѣ жизненные предметы за эти сто лѣтъ съ небольшимъ, за исключеніемъ пшеницы, значительно возросли въ цѣнѣ—мясо напр. въ три раза, а заработная плата между тѣмъ увеличилась въ пропорціи гораздо меньшей *).

Одинаково съ Роджерсомъ, историкъ Фраудъ считаетъ благосостояніе англійскаго народа во второй половинѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новыхъ весьма высокимъ сравнительно съ послѣдующимъ временемъ. Онъ беретъ въ своемъ изслѣдованіи уже позднѣйшій періодъ—первые года царствованія Генриха VIII, т. е. начало XVI вѣка. Изъ сравненія тогдашнихъ цѣнъ жизненныхъ припасовъ съ настоящими онъ находитъ, что одинъ пенни въ то время, по своей способности къ удовлетворенію потребностей человѣка, равнялся нынѣшнему шиллингу, т. е. дороговизна предметовъ первой необходимости въ общемъ увеличилась въ двѣнадцать разъ. Въ то же время заработная плата находилась въ такомъ уровнѣ: актомъ 3 и 6 Hen. VIII опредѣлялась плата каменьщикамъ, плотникамъ, кирпичникамъ и т. п. работникамъ отъ 5 до 6 пенсовъ въ день, смотря по времени года; обыкновенный же рабочій-поденьщикъ имѣлъ право на вознагражденіе въ 3

*) T. E. Thorold Rogers: A History of Agriculture and Prices in England. v. I, 1866, стр. 690—693.

и 4 пенса въ сутки *). Вычтя праздники и воскресенья, рабочему того времени приходилось получать на теперешнія деньги среднимъ числомъ около 20 шиллинговъ въ недѣлю—плата весьма значительная, если ее сопоставить съ настоящимъ вознагражденіемъ англійскаго сельскаго рабочаго (отъ 12 до 15 шил. въ недѣлю).

Но высокій размѣръ заработной платы далеко не исчерпываетъ всѣхъ выгодъ экономическаго положенія средневѣковыхъ рабочихъ: нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ домовъ, имѣли собственную землю, были столько же рабочіе, сколько и крестьяне-собственники. Кромѣ того во всѣхъ приходахъ, за немногими исключеніями, были большіе куски общинной земли, гдѣ рабочій могъ даромъ пасти свою корову, держать гусей и утокъ, а иногда и получать все необходимое топливо. Эти послѣднія условія существованія работника считались до того важными въ глазахъ закона, что парламентъ, когда земля общинъ начала дѣлаться заповѣдной и переходить въ частное владѣніе, настаивалъ, чтобы рабочіе не были оставляемы совершенно безъ земли для удовлетворенія нуждъ ихъ семействъ. Такъ, даже при Елизаветѣ, когда положеніе народа уже значительно ухудшилось, вышли два акта, которые постановляли, что никакой коттеджъ (жилище для рабочихъ) не долженъ быть выстроенъ по крайней мѣрѣ безъ четырехъ акровъ принадлежащихъ къ нему и служащихъ для единственнаго пользованія его жильцовъ *).

Такимъ образомъ, сравнительно цвѣтущее состояніе англійскаго народа въ концѣ среднихъ вѣковъ, совмѣст-

*) Актъ Генриха, VIII утановившій этотъ размѣръ заработной платы, былъ не популяренъ между рабочими, такъ какъ онъ лишалъ ихъ возможности заключать договоры съ хозяевами на лучшихъ условіяхъ.

*) См. Froude, 17. Thorold Rogers, ch. XIV и XXII. W. G. Lindsay: History of Shipping etc.—1874, v. II, стр. 101.

ное съ крайнимъ развитіемъ государственной опеки, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вмѣшательство государственной и общественной власти если и парализировало многія проявленія свободной экономической дѣятельности, то, судя по послѣдствіямъ, оно отнюдь не приводило первое время къ вреднымъ результатамъ для общаго блага. Даже, наоборотъ, во многихъ случаяхъ это вмѣшательство приносило дѣйствительную и разнообразную пользу: сильная власть защищала слабаго въ экономической борьбѣ съ сильнымъ, примиряла противоположные интересы различныхъ классовъ, уничтожала частную эксплуатацію общественныхъ интересовъ и препятствовала болѣе опаснымъ проявленіямъ промышленной конкурренціи. Многія стороны этого общественнаго строя идутъ въ разрѣзъ съ тенденціями современной экономической политики. Уже существенное различіе замѣчается во взглядѣ на свойства и условія труда: на трудъ смотрѣли тогда не какъ на рыночную цѣнность; существовало стремленіе опредѣлять его вознагражденіе не началами спроса и предложенія, а предполагаемою цѣной предметовъ необходимости. „Правительство, по словамъ Фрауда,—стремилось опредѣлить права различныхъ классовъ общества правилами не экономіи, а справедливости. Государственные люди не заботились только объ увеличеніи капитала страны, они желали видѣть матеріальное благополучіе всѣхъ классовъ государства въ наивысшей степени, какая допускалась производительными силами страны; народонаселеніе и производство оставались на соотвѣтственномъ уровнѣ, который они и стремились охранять. Это было ихъ цѣлью, для которой они находили поддержку со стороны лучшаго и сильнаго большинства націи. Съ одной стороны парламентъ вмѣшивался чтобы оказать покровительство предпринимате-

лямъ противъ рабочихъ, но съ другой—не допускалъ первыхъ дѣйствовать въ явный ущербъ для интересовъ послѣднихъ" *).

Исторія даетъ много доказательствъ въ пользу этого послѣдняго положенія: парламентъ XIV, XV и частію XVI вѣковъ вообще замѣчателенъ по своему отсутствію отпечатка исключительныхъ классныхъ интересовъ, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ пятый годъ царствованія Елизаветы, вслѣдствіе незначительнаго упадка въ цѣнѣ денегъ немедленно вышелъ законъ, которымъ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что благодаря этому явленію рабочіе уже не могутъ болѣе оставаться на платѣ, опредѣленной таксой Генриха VIII. Вмѣсто ея назначены новые размѣры вознагражденія за трудъ съ измѣняющейся скалой, смотря по цѣнѣ предметовъ продовольствія.

Уже въ XV столѣтіи замѣчается сильное движеніе между богатыми лицами торговаго и промышленнаго класса къ пріобрѣтенію поземельныхъ владѣній. Перенося свои занятія съ торговли на земледѣліе, они старались примѣнить коммерческіе принципы къ своему новому дѣлу. При дешевой цѣнѣ хлѣба и дорогой труда воздѣлываніе хлѣба было далеко занятіемъ невыгоднымъ; особенно это примѣнялось къ большимъ землевладѣльцамъ, которые не могли значительной части жатвы употреблять для собственнаго прокормленія и должны были пускать его почти весь на продажу. Въ то же время шерсть стояла въ очень хорошей цѣнѣ и англійскія шерстяныя издѣлія сильно спрашивались за границу. Новые землевладѣльцы, по Фрауду, первые обратили вниманіе на доходную статью и начали расши-

---

*) Froude, 17—18.

рять овцеводство, уменьшая запашку. Съ окончаніемъ сроковъ аренды, они отказывали фермерамъ, разрушали ихъ зданія или превращали въ овчарни, а поля запускали въ луга. Но насколько выигрывали черезъ эти мѣры собственники и владѣльцы земли, а также шерстяная мануфактура, настолько проигрывали мѣстные жители—земледѣльцы, оставшіеся безъ работы, и законодательство обратило тотчасъ же вниманіе на ихъ положеніе. Первое столкновеніе государственной власти съ интересами землевладѣльцевъ въ этомъ отношеніи произошло касательно острова Вайта при Генрихѣ VII. Главнымъ мотивомъ вмѣшательства выставляется тутъ впрочемъ стратегическое значеніе этого острова какъ перваго оплота противъ Франціи *). „Такъ какъ островъ Вайтъ въ графствѣ Саутгэмитонъ“, говорится въ этомъ актѣ, „для защиты исконнаго врага королевства—Франціи и иныхъ прочихъ долженъ быть хорошо заселенъ англійскимъ народомъ, такъ какъ нынѣ на означенномъ Вайтѣ многіе города и деревни опустѣли, пахатныя поля превратились въ луга для содержанія скота и многочисленныя хозяйства и фермы сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ и черезъ это населеніе убываетъ, а островъ дѣлается безлюднымъ и открытымъ врагамъ королевства, то въ силу сказаннаго постановляется: отнынѣ никакой человѣкъ, какого бы званія и состоянія не былъ, на островѣ Вайтѣ, не имѣетъ права держать болѣе одной или хотя и нѣсколькихъ фермъ, но которыхъ общая доходность не превосходитъ въ годъ десяти марокъ; если же кто до настоящаго времени завелъ большія хозяйства и съ бо́льшей цифрой дохода, то таковое лицо обязано ограничиться фермой означенной

*) Англійскіе парламентскіе акты написаны языкомъ условнымъ, тяжелымъ и неудобочитаемымъ. Мы по возможности стараемся ихъ сокращать, передавая только смыслъ и болѣе существенныя черты.

доходности, а остальную землю передать въ другія руки". Новый законъ, столь произвольный по своей сущности, былъ однако оправданъ послѣдствіями. Фермы были вновь выстроены, поля запаханы и островъ заселенъ, а когда французская армія численностью въ 60 тысячъ человѣкъ пыталась въ 1540 году высадиться на Вайтѣ, то была отбита, и главнымъ образомъ милиціей острова *).

Но эта аграрная революція означеннымъ закономъ была мѣстами подавлена, но не убита,—уже въ слѣдующее царствованіе, въ разныхъ частяхъ Англіи, слышатся жалобы на произволъ землевладѣльцевъ, лишающихъ сельское населеніе работы благодаря расширенію овцеводства **). Законодательство начинаетъ дѣйствовать еще энергичнѣй и пускаетъ въ ходъ противъ этихъ землевладѣльцевъ-промышленниковъ, какъ ихъ называетъ Фраудъ, феодальныя постановленія: у всякого, кто превращаетъ пашню въ постоянное пастбище для скота, феодальный лордъ имѣетъ право захватить половину всѣхъ прибылей, пока фермы и пашни не будутъ возстановлены. Если ближайшій лордъ не пользуется этимъ правомъ, то оно переходитъ на слѣдующаго надъ нимъ. Наконецъ законъ перенесъ это право прямо на короля.

Но овцеводство развивалось все въ большихъ и большихъ размѣрахъ; люди, въ чьихъ рукахъ оно находилось, пріискивали случаи и возможность обходить законъ; ихъ занятіе становилось опасной монополіей, вредно дѣйствовавшею на возвышеніе цѣнъ шерсти и баранины. Въ 1533 году вышелъ новый законъ, строго осуждающій стягиваніе фермъ въ однѣхъ рукахъ и

*) Froude, 19.

**) По характерному выраженію Фрауда—«*The money-making Spirit*, however, lay too deep to be checked so readily».

превращеніе полей въ пастбища. По словамъ акта, множество народа впало въ такую бѣдность и даже крайнюю нищету, что имъ оставалось одно—или воровать, или умирать отъ холода и голода, а поэтому всякія преступленія въ странѣ значительно усилились. Все это произошло благодаря лишенію многихъ работы и ради бо́льшей прибыли, получаемой владѣльцами земли отъ овцеводства, нежели земледѣлія. Актъ постановляетъ, что въ виду всего описаннаго зла никто съ этихъ поръ не имѣетъ права держать болѣе 2.000 овецъ, что никакое лице не должно владѣть болѣе чѣмъ двумя фермами и что всѣ прежнія узаконенія по этой части сохраняются въ полной силѣ.

По мнѣнію авторитетнаго знатока этой эпохи—Фруда, означенныя мѣры задержали на время указанный ходъ земледѣльческаго переворота въ Англіи. Какъ бы то ни было, онѣ безспорно выражаютъ собой характеръ отношенія государственной власти того времени къ своимъ задачамъ: она не представляла собой исключительныхъ интересовъ землевладѣльческаго класса, какъ это было въ концѣ XVII и всего XVIII вѣка, ни интересовъ одного средняго сословія, какъ во многихъ мѣропріятіяхъ XIX столѣтія. Государственная власть того времени (XIV, XV и отчасти XVI вв.), за немногими исключеніями, относилась ко всему народу одинаково; безъ предвзятыхъ теорій и предубѣжденій, она являлась съ своею помощью вездѣ, гдѣ только требовалась. Когда, послѣ страшной чумы 1348 года, Англія лишилась чуть не половины своихъ жителей и цѣна труда возросла до чрезвычайности, парламентъ принялъ сторону нанимателей труда — землевладѣльцевъ и промышленниковъ и издалъ цѣлый рядъ постановленій, регулирующихъ заработную плату и свободу дѣйствій рабочаго. Но когда тѣ же

предприниматели и землевладѣльцы, какъ мы сейчасъ видѣли, изъ законнаго желанія извлечь наибольшій барышъ изъ собственнаго имущества, стали запускать пашни въ луга и стягивать мелкія владѣнія въ однѣ руки, тотъ же парламентъ издаетъ рядъ законовъ, ограничивающихъ на этотъ разъ *ихъ* свободу дѣйствій и направленныхъ исключительно въ пользу сельскаго рабочаго класса *).

На этомъ основаніи нельзя отчасти не согласиться съ Фраудомъ, что выгоды и благосостояніе, которыми пользовался англійскій народъ того времени, обязаны своимъ происхожденіемъ не однимъ условіямъ рабочаго рынка, но и заботамъ государства. Какъ только государство ослабило свой надзоръ и начало относиться пассивно къ собственнымъ регуляціямъ, рабочіе классы были предоставлены всѣмъ случайностямъ рынка и тотчасъ же пали въ неравной борьбѣ съ капиталомъ **).

---

*) Запретительная система денежнаго баланса, только что описанная въ этой главѣ, выгодная повидимому только англійскимъ торговцамъ и промышленникамъ и даже вредная для интересовъ землевладѣльцевъ, поддерживалась однако наиболѣе всего этими послѣдними. «Землевладѣльцы въ парламентѣ горячо и постоянно поддерживали подобныя схемы». Primitive Political Economy. Edinb. Review, v. 87, стр. 439.

**) Вслѣдствіе приведенныхъ данныхъ мы и не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. М. Ковалевскаго, что рабочее законодательство того времени представляло интересы однихъ капиталистовъ. См. приложеніе къ его труду: „Исторія полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ“. Прага и Лондонъ, 1876.

ГЛАВА II.

Перемѣны въ системѣ денежнаго баланса и дальнѣйшее развитіе меркантильныхъ воззрѣній подъ вліяніемъ хода историческихъ событій. Экономическая литература XVI и начала XVII столѣтія. Представители теоріи денежнаго баланса: Вилльямъ Стаффордъ, Миссельденъ, Малейнсъ и Миллсъ. Возникновеніе первыхъ идей свободной торговли.

Къ половинѣ XVI вѣка англійская народная жизнь подверглась значительнымъ измѣненіямъ, которыя были вызваны естественнымъ ростомъ націи и увеличеніемъ народнаго капитала. Населеніе сильно возрасло, торговля увеличилась и сношенія съ иностранцами сдѣлались чаще. Понятно, что при новыхъ условіяхъ исключительная торговая политика Англіи не могла не подвергнуться многимъ измѣненіямъ. При системѣ денежнаго баланса самый строгій правительственный надзоръ обнималъ всѣ операціи внѣшней торговли; но при сильномъ возрастаніи ея, самые размѣры дѣлали контроль невозможнымъ и вызывали непремѣнно существенныя отступленія отъ регуляцій системы денежнаго баланса.

Обстоятельства, которыя произвели эти перемѣны въ торговой политикѣ, можно подвести подъ четыре разряда: 1) учрежденіе торговой компаніи т. н. Мег-

chant Adventurers и ихъ привилегій; 2) обезцѣненіе или порча денегъ при Генрихѣ VIII; 3) распространеніе и необходимость сношеній съ иностранцами посредствомъ векселей (bills of exchange); 4) взятіе Кале французами въ царствованіе Маріи. Вліяніе двухъ послѣднихъ причинъ на измѣненіе системы денежнаго баланса вполнѣ понятно. Система эта подразумѣвала глазъ правительственнаго органа за каждою передачей денегъ между англичаниномъ и иностранцемъ; цѣль заключалась въ регулированіи всего металлическаго обращенія. Но съ употребленіемъ векселей и введеніемъ кредита эта мѣра сдѣлалась немыслима къ исполненію: во-первыхъ, вексель могъ быть не оплаченъ и, слѣдовательно, извѣстная сумма денегъ пропадала для государства; затѣмъ вексель могъ быть перенесенъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, причемъ невозможно опредѣлить, на кого падетъ окончательная уплата — на англичанина или на иностранца. Такимъ образомъ самый фактъ допущенія въ торговлѣ векселей отрицалъ существованіе денежнаго баланса. Потеря Кале играла такую важную роль для англійской торговли на томъ основаніи, что это было въ послѣднее время единственное складочное мѣсто, принадлежавшее англичанамъ на континентѣ: въ Англію, какъ мы знаемъ, иностранцы ѣхали неохотно, а морская торговля была въ рукахъ голландцевъ.

Но перейдемъ къ болѣе важнымъ обстоятельствамъ, которыя обусловливали паденіе существовавшей системы денежнаго баланса. Торговая компанія Merchant Adventurers существовала первоначально для вывоза сукна. Происхожденіе ея можно прослѣдить даже до Генриха III, когда она именовалась „братствомъ Св. Ѳомы Бекета", но свое значеніе это общество получило только въ XVI столѣтіи. Въ это время государ-

ство начало приходить къ сознанію, что торговля на нѣкоторыхъ складочныхъ мѣстахъ слишкомъ ограничена и что нужно употребить новыя мѣры къ ея расширенію; не желая однако нести хлопотъ въ веденіи дѣла, правительство рѣшилось предоставить его частнымъ лицамъ. Общество Merchant Adventurers, поэтому, получило право, независимо отъ правительства, заключать торговые трактаты и находить новые рынки для сбыта англійскихъ товаровъ. (Такой же и даже большею силой пользовались т. н. royal burghs въ Шотландіи). Благодаря этой мѣрѣ, монополія прежнихъ складочныхъ мѣстъ была, конечно, уничтожена, а слѣдовательно была подорвана та часть всей системы, которая давала государству возможность слѣдить за постояннымъ ввозомъ денегъ въ страну. Въ то же время правительству пришлось отказаться и отъ исключительнаго права завѣдыванія и всѣми другими операціями при обмѣнѣ, которыя, какъ предполагалось до тѣхъ поръ, должны были сохранять деньги въ государствѣ.

Чеканка монеты съ внутреннимъ достоинствомъ ниже ея номинальной цѣнности была въ большомъ ходу на всемъ континентѣ до XVIII вѣка; особенно извѣстна крайними злоупотребленіями въ этомъ отношеніи Франція. Въ Англіи эта неблагоразумная и вредная финансовая мѣра практиковалась сравнительно мало и приняла болѣе широкіе размѣры не ранѣе Генриха VIII. Онъ началъ въ значительныхъ размѣрахъ сокращать вѣсъ монеты и понижать ея чистоту. Отсюда понятно, что всякія старанія заставить иностранцевъ принимать эти монеты по ихъ номинальной цѣнѣ оказались тщетными; единственно возможная политика заключалась въ томъ, чтобы получать за эту монету возможно больше, а для этого какъ можно меньше

навлекать вниманіе иностранцевъ на ея внутреннюю цѣнность. Такимъ образомъ у правительства, по собственной винѣ, ускользала возможность правильнаго контроля за денежными сдѣлками подданныхъ съ иностранцами. Упорнѣе другихъ частей изъ старой системы держались „статуты истраченія“ (Statutes of Employment): они оставались въ дѣйствіи еще долго послѣ того, какъ большая часть прежняго законодательства была отброшена.

Разумѣется, всѣ эти перемѣны въ торговой системѣ совершались постепенно и подъ вліяніемъ многихъ причинъ, въ разное время дѣйствовавшихъ на ту или другую сторону народной жизни, а затѣмъ уже и на внѣшнюю и внутреннюю торговую политику. Мѣсто старой падшей системы далеко не разомъ замѣнили новыя начала: они развились также мало-по-малу, при воздѣйствіи различныхъ факторовъ. Но изученіе всѣхъ этихъ перемѣнъ въ экономическомъ строѣ Англіи XVI столѣтія лучше всего возможно при помощи литературы того времени: эта послѣдняя содержитъ въ себѣ не только указанія на отношенія и взгляды современниковъ на то или другое явленіе въ экономическомъ бытѣ, но и первую попытку формулированія и теоретической разработки экономической политики той эпохи.

Въ англійской литературѣ XVI вѣка прежде всего поражаетъ общее недовольство двумя явленіями: во-первыхъ, превращеніемъ пашенъ въ луга для овцеводства и, во-вторыхъ, упадкомъ цѣны металловъ и черезъ это вздорожаніемъ всѣхъ предметовъ необходимости. Первое явленіе, какъ мы говорили, еще началось въ XV вѣкѣ, но, по словамъ Фрауда, было первое время задержано репрессивнымъ законодательствомъ. Улучшенія въ искусствѣ земледѣлія, давая возможность

*

съ меньшимъ количествомъ земли получать большіе урожаи, косвенно способствовали занятію овцеводствомъ. Развивавшаяся шерстяная мануфактура поддерживала хорошій спросъ на шерсть, а неприхотливый уходъ за овцами служилъ лишнимъ мотивомъ къ увеличенію пастбищъ въ ущербъ запашкѣ. Обширныя поля были превращены въ искусственные луга, огороженные изгородями, за которыми паслись овцы. Множество рукъ, употреблявшихся прежде на воздѣлываніе полей, черезъ это остались безъ дѣла, цѣлыя фермы ломались, а ихъ мѣста и бывшія поля засѣвались травой; къ нимъ же присоединялись и пространства, занимаемыя прежде коттэджами женатыхъ рабочихъ и ихъ огородами. Для увеличенія луговъ уничтожались не однѣ фермы: даже фрихольдеры сгонялись тѣми или другими способами съ ихъ земель, а эти послѣднія присоединялись къ пространнымъ пастбищамъ. Понятно недовольство народа этимъ порядкомъ вещей. Роджерсъ Эшэмъ (Asham), въ царствованіе Елизаветы, оплакиваетъ разсѣяніе многихъ семействъ, разрушеніе домовъ, упадокъ и уменьшеніе числа „благородныхъ йоменовъ (мелкихъ землевладѣльцевъ), гордости и могущества Англіи.“ Гаррисонъ также передаетъ о городахъ разрушенныхъ ради овечьихъ пастбищъ и о многочисленныхъ фермахъ соединенныхъ въ одну. „Гдѣ было прежде множество домовъ и жителей, тамъ теперь только пастухъ съ его собакой“, говорилъ въ своей проповѣди знаменитый епископъ Латимеръ. Извѣстный Томасъ Моръ, въ своей Утопіи (1515 г.), поэтому, называетъ овецъ „хищными бестіями, пожирающими людей и опустошающими города и селенія.“ Вмѣстѣ съ этимъ разрушеніемъ жилищъ и упадкомъ „благородныхъ йоменовъ“ увеличивалась нищета сельскаго населенія, число преступленій и бро-

дяжничество. Въ то же однако время торговля и мануфактура Англіи развивалась съ неслыханною быстротой и богатство нѣкоторыхъ промышленныхъ пунктовъ возростало насчетъ бѣдствія остальной страны *).

Другое экономическое явленіе, порождавшее въ XVI вѣкѣ большое народное недовольство, заключалось въ пониженіи цѣны благородныхъ металловъ и послѣдствіяхъ такого пониженія. Это явленіе замѣчается на всемъ европейскомъ континентѣ, только нѣсколько ранѣе нежели въ Англіи. Важнѣйшею причиной его полагаютъ сильный приливъ золота и серебра изъ Америки, вслѣдствіе разработки тамъ новыхъ рудъ и розсыпей. Но эта причина, какъ доказалъ Рошеръ, можетъ считаться главной, но отнюдь не исключительной. Такъ, въ началѣ XVI в. во Франціи, еще до открытія знаменитыхъ серебряныхъ рудниковъ Потози, серебро упало въ цѣнѣ на цѣлыхъ 50%. Нѣтъ сомнѣнія, корень лежитъ во внутреннихъ перемѣнахъ всего строя европейскаго хозяйства къ концу среднихъ вѣковъ: съ увеличеніемъ безопасности и большимъ развитіемъ правоваго характера народныхъ отношеній, на рынокъ появилось много капиталовъ, лежавшихъ прежде безъ употребленія, торговля и промышленность оживились, какъ народное такъ и государственное хозяйство переходило изъ натуральнаго въ денежное, развивавшееся раздѣленіе труда усилило денежное обращеніе, которое кромѣ того увеличилось черезъ введеніе векселей, какъ замѣну денегъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. Все это быстрое увеличеніе и передвиженіе денегъ не могло конечно не понизить ихъ цѣну, а черезъ это произвело значитель-

---

*) Thornton: Overpopulation, 191—194 Rosher: Zur Geschichte der Englischen Volkswirthschaftslehre. См. также разборъ Гельферихa этой книги въ Archiv der Politischen Oekonomie, v. *Rau* u. *Hanssen*, 1853.

ныя измѣненія какъ въ цѣнѣ товаровъ, такъ и въ различныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Вредное дѣйствіе этого явленія хуже всего отразилось на рабочихъ классахъ народа, получавшихъ твердую цифру вознагражденія, благодаря существованію таксъ заработной платы. Прежде чѣмъ законодательство поспѣшило имъ на помощь и обезцѣненіе не вошло въ настоящія границы, оно не могло конечно не принести много несчастія народу. Въ разныхъ мѣстахъ страны появляются мелкія волненія, и нищета, въ царствованіе Елизаветы, по своимъ размѣрамъ принуждаетъ государство обратить на себя серьезное вниманіе.

Лучшее выраженіе и болѣе обстоятельное изслѣдованіе въ первый разъ эти народныя нужды нашли себѣ у замѣчательнаго писателя XVI в.—Вилльяма Стаффорда *).

Въ своемъ трудѣ онъ не только старается дать посильное объясненіе происхожденію этого недовольства, но стремится даже установить нѣкоторые чисто теорическіе принципы о деньгахъ и о внѣшней торговлѣ. Въ вопросѣ о торговлѣ онъ служитъ выразителемъ меркантильныхъ воззрѣній, господствовавшихъ въ его время на практикѣ, и сверхъ того дѣлаетъ попытку

*) A Compendious or Briefe Examination of certayne ordinary complaints of divers of our contrymen in these our dayes, which, allthough they are in some part unjust and frivolous, yet are they all by way of dialogues thoroughly debated and discussed. By W. S. Gentleman. Imprinted - 1581. Долго не было извѣстно настоящее имя автора и это сочиненіе, благодаря сходству начальныхъ буквъ, приписывалось даже знаменитому поэту Вилльяму Шекспиру. По словамъ Рошера, который знакомъ съ этой книгой только изъ вторыхъ рукъ, она составляетъ большую рѣдкость въ Англіи. Это не совсѣмъ вѣрно: трудъ В. С находится въ Британскомъ Музеѣ (въ отдѣленіи Bibliotheca Grenvilliana), а Британскій Музей далеко не лучшая англійская библіотека по книгамъ XVI вѣка.

объяснить начала покровительственной системы. Изслѣдуя вопросъ о деньгахъ, Стаффордъ является еще болѣе оригинальнымъ: здѣсь онъ положительно опережаетъ своихъ современниковъ *).

Этихъ указаній достаточно, чтобъ обратить на этотъ трудъ серьезное вниманіе и познакомиться съ его содержаніемъ по возможности пространнѣе.

Сочиненіе Стаффорда излагается въ формѣ діалога между представителями народа—рыцаремъ (землевладѣлецъ), фермеромъ (земледѣлецъ), купцомъ и докторомъ теологіи.

Каждый изъ представителей начинаетъ свою рѣчь изложеніемъ нуждъ и жалобъ своего класса; затѣмъ слѣдуетъ споръ, въ которомъ сталкиваются различные интересы, и докторъ, какъ не принадлежащій ни къ какому особому сословію, большею частію является рѣшителемъ спора **).

Рыцарь жалуется болѣе всего на дороговизну всякихъ товаровъ: несмотря на то, что онъ поднялъ свои ренты, товары поднялись въ цѣнѣ еще выше и всѣ расходы страшно увеличились. Многіе изъ его сосѣдей землевладѣльцевъ, по его словамъ, побросали свои имѣнія и переселились въ городъ, другіе же, пожелавшіе остаться въ деревнѣ, должны были или сами подѣлаться земледѣльцами и лично управлять имѣніемъ, или

*) Онъ первый высказалъ истину, до него не сознаваемую и принятую всѣми только сто лѣтъ спустя, именно что въ деньгахъ (т. е. монетѣ) цѣнится ихъ внутреннее достоинство, а не названіе, и что невозможно, потому, по произволу измѣнять цѣну денегъ, оставляя ту же цѣнность,—«существо и количество цѣнится въ монетѣ, а не имя».

**) Эта разговорная форма между представителями различныхъ интересовъ столько же облегчаетъ раздѣленіе вопроса, сколько затрудняетъ его рѣшеніе. Очень часто весьма трудно, поэтому, опредѣлить, какого мнѣнія держится самъ писатель: это касается, конечно, частностей вопроса.

арендовать чужую землю, чтобъ, увеличивши ея количество, заняться овцеводствомъ или разведеніемъ иного скота, какъ отраслью болѣе выгодной.

Земледѣлецъ жалуется главнымъ образомъ на крайнее возвышеніе рентъ и на „огораживаніе" (enclosures), какъ англійскій народъ технически прозвалъ превращеніе пашень въ пастбища для овецъ. По его выраженію, „эти изгороди служатъ причиной всеобщаго упадка, ибо онѣ заставляютъ насъ платить дороже за арендную землю и препятствуютъ ея обработкѣ; все захватывается подъ пастбища — для овецъ или иного скота; тамъ, гдѣ семь лѣтъ назадъ въ окружности шести миль работало десять плуговъ и проживало болѣе тридцати лицъ, теперь остался только одинъ человѣкъ, который владѣетъ всѣмъ со своимъ скотомъ. Эти овцы— причина всѣхъ нашихъ золъ: для нихъ разрушаются цѣлыя хозяйства, которыя доставляли прежде продукты всякаго рода; теперь же повсюду только овцы, овцы, овцы...."

Купецъ жалуется на общее возвышеніе заработной платы: такъ, шапочный фабрикантъ напр. долженъ теперь платить двумя пенсами въ день болѣе каждому рабочему. Положеніе ремесленниковъ, по его словамъ, стало хуже съ тѣхъ поръ, какъ землевладѣльцы занялись главнымъ образомъ разведеніемъ скота.

Во всѣхъ отрасляхъ промысла они принуждены уменьшать число учениковъ и подмастерьевъ; иностранная торговля стала менѣе выгодна, такъ какъ иностранцы значительно подняли цѣну своихъ товаровъ:—на цѣлую треть въ нѣсколько лѣтъ. Поэтому всѣ вообще города, кромѣ развѣ Лондона, падаютъ и бѣднѣютъ.

Такова сущность жалобъ, представляющихъ интересы отдѣльныхъ сословій; но книга содержитъ указанія и на такія явленія, которыя безусловно вредны для всей

страны и всѣхъ сословій. Такъ авторъ во многихъ мѣстахъ книги пытается рѣшить вопросъ о деньгахъ въ связи съ всеобщимъ вздорожаніемъ. Онъ раздѣляетъ англійскую монету на старую и новую. Старая — гораздо лучшаго внутренняго достоинства; между тѣмъ государство (вѣроятно для поддержанія курса новой монеты) опредѣлило maximum, выше котораго она не можетъ ходить. Вслѣдствіе такого распоряженія, старая монета быстро потекла за границу; „всякая вещь отправляется туда, гдѣ она наиболѣе цѣнится; понятно, поэтому, что и наши сокровища ушли отъ насъ прочь" (стр. 32 b).

Говоря далѣе о вздорожаніи иностранныхъ товаровъ въ Англіи (на стр. 42 b) Стаффордъ приводитъ мнѣніе самихъ иностранцевъ, которые утверждаютъ, что они вовсе не продаютъ съ бо̀льшимъ барышомъ, чѣмъ прежде, но что ихъ товары обходятся англичанамъ дороже по ихъ собственной винѣ: настоящая англійская монета хуже, чѣмъ старая, почему они иностранцы, и принуждены брать пропорціонально больше за свои товары, нежели прежде. Черезъ всю книгу проходятъ жалобы на разные невзгоды торговли съ иностранцами. На стр. 16 b авторъ напр. жалуется на то, что иностранные купцы вывозятъ за свои товары англійскія деньги, а не товары же; это онъ объясняетъ тѣмъ, что англійская монета, будто бы, лучше цѣнится въ другихъ странахъ, куда купцы ее и сбываютъ. Кромѣ того иностранцы, по мнѣнію автора, ввозятъ въ Англію товары, производство которыхъ имъ обходится очень дешево, а продаютъ они ихъ очень дорого. Шелки, вина и т. п. товары, продолжаетъ жаловаться онъ,—иностранцы привозятъ въ Англію неохотно, потому что такіе товары вездѣ стоятъ въ хорошей цѣнѣ. „Вмѣсто нихъ вотъ какіе товары сбываютъ они въ Англію:

мѣдь въ видѣ иностранной монеты, которая хотя совершенно одинакова съ англійской, но по большей части цѣнится за серебро (?!). На эту мѣдь англійскіе торговцы обмѣниваютъ свои товары къ своему ущербу и къ выгодѣ иностранцевъ, которымъ производство этой монеты обходится очень дешево уже потому, что они имѣютъ свои руды. Но даже и тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ металлическихъ источниковъ, все-таки не остаются въ убыткѣ уже по другой причинѣ: будучи принуждены платить больше за англійскіе товары, они берутъ больше за свои и *вывозятъ англійскую монету.* „Такимъ образомъ, заключаетъ Стаффордъ, съ одной стороны наши товары продаются за мѣдь, съ другой мы платимъ очень дорого за иностранные товары (стр. 16 b, 17 a, 17 b). При этомъ невозможно помѣшать нашимъ деньгамъ уходить изъ королевства, если онѣ въ большей цѣнѣ въ другихъ странахъ. Даже еслибы заставить иностранца за его товары вывозить у насъ товары вмѣсто денегъ, то мы все-таки остались бы въ проигрышѣ, потому что иностранецъ бралъ бы соотвѣтственно больше нашихъ товаровъ въ обмѣнъ за свои *)“.

---

*) У Рошера (Zur Geschichte d. english. Volkswirthschaftlehre, стр. 21), который излагаетъ Стаффорда по выпискамъ главнымъ образомъ у Джона Смита, всеобщее вздорожаніе цѣны товаровъ объясняется, будто бы, Стаффордомъ «aus vergrösserter Geldmenge, welche der Handel in's Land gezogen». Приведенныя мѣста изъ его книги, къ сожалѣнію малоизвѣстной, показываютъ достаточно ясно невозможность такого объясненія со стороны Стаффорда. Совершенно напротивъ: онъ не только не считалъ торговлю причиной привлеченія денегъ въ Англію, но вездѣ называетъ ее главною причиной убыли денегъ въ странѣ, а вздорожаніе товаровъ относилъ къ разнороднымъ условіямъ. Этотъ примѣръ показываетъ, какъ осторожно нужно пользоваться источниками изъ вторыхъ рукъ, даже: nach der ausdrücklichen Versicherung von J. Smith. Смитъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, умышленно или неумышленно

Далѣе авторъ съ негодованіемъ относится къ развитію роскоши, вслѣдствіе чего англичане покупаютъ множество совершенныхъ пустяковъ, за которые приходится однако платить большія деньги. Но еще болѣе онъ напираетъ на то обстоятельство, что позволяютъ вывозить за границу матеріалы для мануфактуры, которые, обдѣлавши, иностранцы снова ввозятъ въ Англію, перепродавая дорогою цѣной. Такъ изъ англійской шерсти иностранцы дѣлаютъ матеріи, шляпы, платки и т. д., изъ англійскихъ кожъ—перчатки и пояса, изъ англійскаго олова—ложки и блюда, и все это ввозится опять въ королевство. „Долго ли мы будемъ оставаться такими глупцами, чтобы видѣть и терпѣть этотъ постоянный грабежъ (spoyle) нашего добра и нашихъ сокровищъ?“.

Онъ настойчиво и нѣсколько разъ повторяетъ ту же мысль во всей своей книгѣ: „Я прошу васъ обратить вниманіе, говоритъ онъ,—на то, что они (т. е. иностранцы) заставляютъ насъ платить въ концѣ концовъ

исказилъ сущность воззрѣній Стаффорда, какъ это можно уже видѣть изъ нашего изложенія труда этого послѣдняго. Дѣйствительно, въ отрывкѣ изъ діалога Стаффорда, приводимомъ Смитомъ, которымъ пользовался Рошеръ, указывается на совпаденіе дороговизны товаровъ съ изобиліемъ ихъ (въ словахъ купца), но при этомъ *нигдѣ эта дороговизна не объясняется изобиліемъ товаровъ какъ результатомъ изобилія денегъ*, что противорѣчило бы основной мысли автора. Кромѣ того, Рошеръ спутываетъ мнѣніе самого Смита съ мнѣніемъ «доктора» и приписываетъ послѣднему слова перваго. «Докторъ» же объясняетъ эту дороговизну совсѣмъ иначе. Вотъ отзывъ самого Смита о его мнѣніи: „The Doctour, who appears to be the Moderator in this Dialogue, *resolving the Original of these advanced Prices of Things into the Alteration of the Value of Coin*, discourses very sensibly upon the Subject of Money etc ...“ Chronicon Rusticum-Commerciale, or Memoirs of wool etc.— by John Smith, 2-d vol. London 1747, Chap. XXIII, 111—113. P. S. и примѣчаніе къ нему.

за нашъ собственный матеріалъ: на насъ же падаютъ всѣ иностранныя таможенныя пошлины, издержки обработыванія товара и наконецъ пошлина при его обратномъ ввозѣ въ Англію. Между тѣмъ, еслибы тѣ же предметы были сработаны въ королевствѣ, наши соотечественники получили бы лишній заработокъ вмѣсто иностранцевъ, пошлины были бы платимы иностранцами, и чистая прибыль осталась бы въ королевствѣ".

Продолжая развивать ту же мысль, Стаффордъ оспариваетъ объясненіе, что у иностранцевъ должно покупать, потому что они продаютъ нѣкоторые товары дешевле, нежели они могутъ продаваться у себя. По его мнѣнію для страны выгоднѣе покупать у своихъ, хотя даже платя дороже: „все что пріобрѣтается у насъ отъ торговли съ иностранцемъ, уходитъ отъ насъ навсегда, напротивъ все, что мы, англичане, пріобрѣтаемъ другъ у друга, остается дома, внутри страны (стр. 26 a). „Однажды, продолжаетъ онъ,—я спросилъ книгопродавца, почему бѣлая и сѣрая писчая бумага не дѣлается у насъ такъ же, какъ за моремъ? На это я получилъ слѣдующій отвѣтъ: нѣсколько времени назадъ одинъ человѣкъ началъ выдѣлывать бумагу, но скоро закрылъ фабрику, ибо увидѣлъ, что не можетъ ее дѣлать теперь такъ же дешево, какъ за границей..; но я увѣренъ, прибавилъ книгопродавецъ, что еслибы ввозъ иностранной бумаги былъ запрещенъ или даже обложенъ болѣе высокою пошлиной, то скоро у насъ начали бы дѣлать бумагу дешевле иностранной....." (26 b). Этотъ простодушный разсказъ даетъ уже прямое указаніе на главное средство, которымъ возможно, по мысли Стаффорда, избавить Англію отъ многихъ несчастій и увеличить народное богатство: оно заключается въ поощреніи и покровительствѣ туземной промышленности. Какъ примѣръ благодѣтельности промышленности, онъ

указываетъ на нѣкоторыя цвѣтущія мѣста Фландріи и Германіи. Но это покровительство онъ рекомендуетъ не для всей промышленности, такъ какъ не всѣ отрасли ея одинаково полезны. Онъ раздѣляетъ всѣхъ промышленниковъ на три класса: нѣкоторые изъ нихъ только удаляютъ деньги изъ страны: сюда принадлежатъ торговцы колоніальными товарами, виноторговцы, модистки и т. п.; ко второму классу принадлежатъ промышленники, которые полученныя въ странѣ деньги въ ней же и тратятъ (портные, мясники, булочники), и наконецъ къ третьему разряду принадлежатъ фабриканты матерій и лица обработывающія кожи и шерсть, которые вывозятъ деньги изъ за границы и привлекаютъ слѣдовательно сокровища въ страну. Этотъ третій разрядъ промышленниковъ и заслуживаетъ особаго покровительства и поощренія. Поэтому Стаффордъ говоря о предложеніи, недавно передъ тѣмъ сдѣланномъ въ парламентѣ—запретить ввозъ шляпъ изъ-за границы, предлагаетъ этотъ законъ распространить и на разные другіе предметы. Бояться что иностранцы постановятъ подобный же законъ—нечего, на томъ основаніи, что они получаютъ отъ англичанъ болѣе необходимые для нихъ предметы, нежели посылаютъ.

Въ заключеніе, для наибольшей характеристики воззрѣній Стаффорда, приведемъ примѣръ обращенія съ чужеземцами, который онъ сообщаетъ какъ достойный подражанія. „Я желалъ бы, такъ разсказываетъ онъ,—чтобы мы послѣдовали примѣру одного приморскаго городка въ Валлисѣ—Кармартена (Carmathen). Когда разъ туда прибыло съ грузомъ яблокъ судно, которое до тѣхъ поръ привозило хорошій хлѣбъ, то городскія власти приказали, чтобы никто не покупалъ этихъ яблокъ подъ страхомъ большой пени. Судно долго стоя-

ло въ гавани; яблоки начали гнить, и наконецъ владѣлецъ его обратился къ байлиффу за объясненіемъ: почему запрещено жителямъ покупать привезенные имъ фрукты? Ему отвѣчали, что вѣдь онъ пріѣхалъ покупать лучшіе товары города, какъ-то: шерсть, фризъ и шерстяныя матеріи, между тѣмъ для продажи привезъ такой пустой товаръ какъ яблоки, которыхъ грузъ можетъ быть уничтоженъ въ одну недѣлю. Пусть лучше онъ привезетъ, какъ онъ это прежде дѣлалъ, солодъ или хлѣбъ, въ которыхъ страна дѣйствительно имѣетъ нужду, и тогда его просятъ пожаловать во всякое время и онъ получитъ въ городѣ право свободной купли и продажи" (стр. 27 a, b).

Книга Стаффорда можетъ служить весьма типичнымъ представителемъ меркантильныхъ воззрѣній своего времени. Единственное богатство составляютъ деньги или благородные металлы; поэтому вся экономическая политика сводится къ тому, на сколько извѣстная мѣра можетъ принести въ страну, или лишить ее, денегъ. Всѣ дурныя явленія народной жизни объясняются у Стаффорда вопросомъ о деньгахъ: Англія бѣднѣетъ, потому что у ней увозятъ иностранцы деньги, чужія страны богатѣютъ, потому что получаютъ эти деньги, отдавая взамѣнъ мѣдь и товары. Всѣ предлагаемыя имъ мѣры построены на томъ же началѣ: промышленность должна покровительствоваться, но съ извѣстнымъ разборомъ; государственную протекцію получаютъ тѣ отрасли промышленности, которыя *приносятъ въ страну деньги.* Но деньги приносятся въ страну, за исключеніемъ колоній, только иностранной торговлей, а слѣдовательно должны поощряться всѣ отрасли промышленности, приготовляющія предметы для вывоза. Между этими предметами могутъ быть матеріалы для фабрикаціи, какъ шерсть, кожи и т. п.; Стаффордъ, какъ

видѣли, возстаетъ противъ вывоза этихъ произведеній и рекомендуетъ ихъ переработку дома. Онъ совѣтуетъ наивозможно бо̀льшее количество издѣлій вырабатывать внутри страны. Какъ побужденіе для этого, онъ рекомендуетъ высокія пошлины и запрещенія иностранныхъ мануфактуръ. Вообще онъ желаетъ, чтобъ иностранцы привозили какъ можно меньше, а англичане вывозили какъ можно больше; но при этомъ отпюдь не должны вывозиться матеріалы для чужой фабрикаціи, т. е. сырье и полуфабрикаты. Пусть Англія сама ихъ переработаетъ для своей пользы, не дѣлясь своимъ барышомъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Это необходимо тѣмъ болѣе, что страна не можетъ оставаться исключительно земледѣльческой. Стаффордъ рѣшительно возстаетъ противъ такого мнѣнія: „Нѣкоторые утверждаютъ, говоритъ онъ,—что лучше бы было, еслибы вмѣсто того чтобы съ невыгодой заниматься промышленностью, ремесленники занялись обработкой земли; но спрашивается, чѣмъ же будетъ жить весь этотъ лишній народъ, когда и теперешніе земледѣльцы едва добываютъ хлѣбъ для своего существованія? Но даже предположивъ возможность для всѣхъ подобнаго занятія,—въ какомъ зависимомъ положеніи очутится тогда наше государство? Черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ случиться война или изобильный урожай за границей, хлѣбъ не будетъ продаваться, и жители будутъ брошены безъ дѣла и вынуждены влачить жалкое существованіе“.

Трудъ Стаффорда, съ исторической точки зрѣнія, составляетъ замѣчательнѣйшее экономическое произведеніе XVI вѣка: меркантильныя воззрѣнія на континентѣ уже прилагались на практикѣ, но нигдѣ еще не были выражены литературно такимъ полнымъ, законченнымъ и цѣльнымъ образомъ до XVII вѣка. Сочиненіе Вилльяма Стаффорда содержитъ въ себѣ всѣ болѣе су-

щественныя и характерныя черты меркантильной системы: извѣстныя условія ввоза и вывоза, поощреніе развитію мануфактуры преимущественно въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя приносятъ въ страну деньги, и, наконецъ, увеличеніе народонаселенія и привлеченіе изъ-за границы эмиграціей искусныхъ ремесленниковъ и рабочихъ. Поэтому онъ совѣтуетъ наложить тяжелую пошлину на вывозъ шерсти, чтобъ уменьшить превращеніе пашенъ въ луга, и рекомендуетъ примѣръ венеціанцевъ, „которые едва прослышатъ о какомъ-нибудь искусномъ ремесленникѣ, тотчасъ всѣми силами стараются переселить его къ себѣ въ городъ".

Такимъ образомъ Вилльяма Стаффорда по справедливости можно считать первымъ теоретикомъ—меркантилистомъ XVI вѣка. Онъ является во всемъ своемъ сочиненіи строгимъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ меркантильной системы, болѣе чѣмъ кто-либо изъ писателей слѣдующаго вѣка. Система денежнаго баланса, какъ мы уже говорили, отживала свой вѣкъ; большинство ея учрежденій, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, измѣняло значительно свой видъ, но тѣмъ не менѣе духъ и принципы оставались въ полной силѣ, и Стаффордъ служитъ ихъ типичнымъ представителемъ. Меркантилисты XVII вѣка, какъ напр. Томасъ Мёнъ и др., какъ мы увидимъ, представляютъ уже значительный шагъ впередъ отъ строго-послѣдовательной меркантильной системы; у нихъ деньги уже являются не одною цѣлью, а и средствомъ торговой политики. Они во многомъ отступаютъ отъ началъ меркантильной системы и далеко не рѣдко являются противниками государственной опеки и полицейскихъ регуляцій. Поэтому Ад. Гельдъ не рѣшается безусловно назвать Мена главой этой системы, а Рошеръ предлагаетъ для англійскихъ меркантилистовъ особое назва-

ніе. Ничего подобнаго нельзя сказать о Стаффордѣ: онъ вездѣ остается вполнѣ вѣренъ принятымъ принципамъ.

Деньги и только деньги являются у него цѣлью и мѣриломъ всей внутренней и внѣшней экономической политики *). Государство у Стаффорда представляется полновластнымъ распорядителемъ народной жизни и международныхъ отношеній: стоитъ припомнить его наивный разсказъ о торговой политикѣ города Кармартена. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, и въ противность распространенному мнѣнію, мы должны признать Стаффорда—главой англійскихъ меркантилистовъ. Ему первому принадлежитъ честь высказать и развить эти начала съ той полнотой и выдержанностью, съ которой онъ это сдѣлалъ. Правда, Томасъ Мёнъ, въ слѣдующемъ столѣтіи, еще полнѣе и обстоятельнѣе разработалъ теорію баланса, но уже торговаго, а не денежнаго, съ значительными отступленіями отъ первоначальныхъ принциповъ системы подъ вліяніемъ хода времени и движенія событій **).

*) Поэтому напрям. Стаффордъ высказываетъ мнѣніе, которое удивляетъ и вызываетъ похвалы Тр. Туисса. Онъ считаетъ свободу вывоза хлѣба мѣрой выгодной, а отнюдь не вредной для страны. Стаффордъ является тутъ только послѣдовательнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ: почему не вывозить избытокъ хлѣба изъ страны, когда иностранцы даютъ за него хорошія деньги?

**) Если значеніе Стаффорда не достаточно оцѣнено до настоящаго времени, то это происходитъ вслѣдствіе скудости разработки исторіи экономической науки. *Траверсъ Туиссъ* посвящаетъ, правда, Стаффорду нѣкоторое вниманіе въ своихъ лекціяхъ, но болѣе съ сравнительно-критической, нежели исторической точки зрѣнія, а поэтому интересуется только его воззрѣніями на деньги, упоминая объ остальномъ содержаніи его книги только мимоходомъ. *Рошеръ*, съ истинно нѣмецкой добросовѣстностью, излагаетъ все, что ему извѣстно о Стаффордѣ, но, къ сожалѣнію, онъ знаетъ его очень мало, пользуясь для знакомства съ нимъ только чужими выписками. *Кауцъ*, въ своей исторіи политической экономіи, и *Адольфъ Гельдъ*, въ историческомъ очеркѣ меркан-

Книга Стаффорда познакомила насъ съ нѣкоторыми народными нуждами и желаніями своего времени, т. е. эпохи царствованія Елизаветы; но рядомъ съ дурными сторонами эта эпоха представляетъ много и хорошихъ. Если одна часть населенія, именно сельскій рабочій классъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ королевства терпѣлъ нужду, то къ началу XVII вѣка положеніе этого класса, хотя и временно, успѣло нѣсколько улучшиться. Въ то же время средній классъ значительно окрѣпъ и усилился. Поднятіе благосостоянія сдѣлалось замѣтно на увеличеніи потребностей и роскоши. До того времени жизнь англичанъ отличалась простотой и несложностью, но къ концу царствованія Елизаветы многое измѣнилось. Дома начали строиться съ видами на домашній комфортъ, скорѣе нежели на защиту. Красивая мебель замѣнила мѣсто прежняго грубаго убранства среднихъ вѣковъ. Города выросли въ величинѣ и важности. Богатый выборъ различныхъ съѣдобныхъ продуктовъ изъ Голландіи, Италіи и Россіи находилъ мѣсто въ домахъ богатыхъ людей. Французскія, рейнскія и испанскія вина, бывшія прежде исключительною роскошью двора, сдѣлались напитками средняго класса *).

Изо всѣхъ отраслей народной жизни правительство Елизаветы всего болѣе серьезное вниманіе обращало

тильныхъ ученій, даже совершенно пропускаютъ Стаффорда; они начинаютъ исторію англійскихъ меркантилистовъ съ середины XVII в. и судятъ обо всемъ ходѣ англійскаго меркантилизма по писателямъ этого времени. См. Travers Twiss: View of the Progress of Political Economy. 1847, 30—31—32; Roscher: Zur Geschichte etc. стр. 18—21; J. Kautz: Die geschichtliche Entwickelung d. Nationalökonomik, 1860, t. II, 278; A. Held: Carey's Socialwissenschaft etc. 1866, 25—26.

*) John Yeats: The Growth and Vicissitudes of Commerce etc. 1872, стр. 280.

на развитіе торговли, которая до значительной степени находилась тогда въ рукахъ иностранцевъ. Нетолько большая часть судоходства въ англійскихъ водахъ была тогда всецѣло иностранная, но ломбардскіе, голландскіе и ганзейскіе купцы имѣли свои учрежденія въ Англіи и монополизировали самыя выгодныя отрасли промышленности *). Этотъ порядокъ дошелъ до такой степени, что, по словамъ одного писателя, „никто теперь почти уже не покупаетъ у англичанина". Исключительно одни иностранные купцы снабжали многими товарами, которые сдѣлались необходимостями между англичанами. Англійское производство развивалось такъ медленно, что когда даже стали считать этотъ порядокъ за народное зло, требованіе на иностранные товары все-таки продолжалось. Народное неудовольствіе противъ иностранныхъ купцовъ вспыхнуло наконецъ въ видѣ мятежа въ Лондонѣ, 1517 г., съ криками „Долой ломбардцевъ, долой иностранцевъ!" Народное чувство было особенно возбуждено противъ надменной власти ганзейцевъ; факторія этого могущественнаго союза занимала особую часть въ городѣ— Steel Yard, пользовалась огромными привилегіями, напр. правомъ ввоза и вывоза товаровъ свободно отъ пошлинъ. Короче, Steel Yard составлялъ, по своимъ особымъ правамъ, государство въ государствѣ. Власть Ганзы была такъ велика что, напр., послѣ открытія новаго пути въ Индію (вокругъ Африки). она ни во что не ставила данное ею обязательство открыть свои порты англійскимъ судамъ; Генрихи VII и VIII безуспѣшно пробовали принудить союзъ къ исполненію обязательствъ. Наконецъ Эдуардъ VI объявилъ, что

*) „Мы покупаемъ, говорили въ средніе вѣка нѣмецкіе купцы, — у глупыхъ англичанъ лисьи шкуры по шести пенсовъ за штуку и продаемъ имъ же лисьи хвосты по шиллингу за каждый".

факторія, вслѣдствіе несохраненія ея хартіи, потеряла свои права и что не должно болѣе быть различія между ганзейскими и другими купцами относительно платежа таможенныхъ пошлинъ. Окончательный ударъ былъ нанесенъ Ганзѣ, однако, не ранѣе 1598 г.: императоръ Рудольфъ запретилъ англійскимъ купцамъ (обществу Merchant Adventurers) торговать внутри Германіи, а Елизавета воспользовалась этимъ случаемъ, и, закрывши Стильярдъ, приказала удалить всѣхъ лицъ принадлежащихъ къ ганзейскимъ городамъ. Такимъ образомъ были сброшены главнѣйшія оковы съ развитія національной британской торговли *).

Вообще Елизавета изо всѣхъ Тюдоровъ наиболѣе поощряла британскую торговлю. Она лишила всѣхъ иностранцевъ ихъ привилегій, запретила иностраннымъ судамъ входить въ англійскія гавани, раздавала щедро монополіи, чтобы поднять туземную предпріимчивость,—однимъ словомъ, она старалась, по крайнему своему разумѣнію, пріобрѣсть для своей страны первенствующее мѣсто въ стремленіи къ процвѣтанію. Нельзя впрочемъ не сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ принесли больше вреда, нежели пользы. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести страшное развитіе монополій, какъ для производства, такъ и для торговли внѣшней и внутренней. Существованіе этихъ монополій вполнѣ согласуется съ меркантильнымъ строемъ того времени и замѣчается еще задолго до царствованія Елизаветы. Но къ этому нужно прибавить фискальный характеръ самой мѣры. Привилегіи и монополіи продавались за деньги, а Елизавета въ нихъ часто нуждалась. Понятно, что имѣя право ихъ раздавать

*) Yeats: The Growth etc... of Commerce, 1872, 281. См. также: Calendar of State Papers, Domestic Series, edit. by Mary Everett Green for 1598—1601. 1869, стр. 5.

по закону и въ виду выгодныхъ денежныхъ предложеній, королева имѣла побужденія часто злоупотреблять этимъ правомъ, которое она считала, по ея собственному выраженію: „лучшимъ цвѣткомъ своей короны“ *). И дѣйствителено, патенты на монополіи въ ея царствованіе раздавались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и были до крайности отяготительны. Отъ монополій происходило два главныхъ зла: цѣны предметовъ крайне возвышались и затѣмъ очень часто мѣнялись. Патенты раздавались почти для каждой отрасли торговли: благодаря этому, цѣны желѣза, свинца, угля, селитры, масла, уксуса, крахмала, пряжи, кожъ, стекла и другихъ предметовъ доходили до такой высоты, что народное недовольство начало заявлять себя въ разныхъ мѣстахъ королевства открытыми волненіями **).

Платя деньги за привилегію, монополисты естественно стараются ихъ съ лихвой наверстать; при этомъ они смотрятъ на помощь правительства въ своихъ операціяхъ какъ на законное право, купленное за деньги. Такъ, въ 1561 г. компанія Merchant Adventurers подаетъ королевѣ петицію съ жалобой на то, что итальянцы подрываютъ ихъ торговлю въ Антверпенѣ вопреки условію. Въ томъ же году выходитъ другая

---

*) Знаменитый тогда юристъ Кукъ (Attorney-General Coke) между прочими прерогативами королевы помѣщаетъ слѣдующія:

«Она можетъ издавать ордеры въ видахъ преуспѣянія торговли и промышленности; на этомъ основаніи и было учреждено общество Merchant Adventurers.

«Она можетъ давать привилегіи для новыхъ торговыхъ экспедицій.

«Она можетъ налагать запрещенія на мѣста выгрузки товаровъ въ видахъ болѣе удобнаго взиманія таможен. пошлинъ.»

См. Mary Everett Green: Calendar of State Papers, Domestic Series, of the reign of Elisabeth. 1598—1601. 1869, p. 521.

**) Yeats: The Growth and Vicissitudes of Commerce. 1872, p. 284.

жалоба на купцовъ Ганзы (т. н. Easterlings), въ причиненіи ущерба англійской торговлѣ *). Неизвѣстно, какое распоряженіе правительства послѣдовало на эти просьбы; позднѣе онѣ уже не повторяются, за то чаще и чаще слышатся жалобы на злоупотребленія самого общества. Это вызываетъ объясненія съ его стороны и старанія оправдать свою дѣятельность и выставить въ наилучшемъ свѣтѣ всю необходимость и полезность существованія подобныхъ торговыхъ компаній. Въ 1563 году было составлено, напримѣръ, такое изложеніе резоновъ, по которымъ дѣятельность Merchant Adventurers должна быть поощряема и охраняема отъ всякихъ нарушеній ея привилегій. Бумага эта вѣроятно предназначалась для подачи правительству. „Въ царствованіе Эдуарда I, говорится въ ней,— Merchant-Adventurers получили свои привилегіи, право имѣть своего управляющаго и право своего суда и наказаній, за исключеніемъ лишенія жизни и членовъ тѣла. Съ незапамятныхъ временъ они служили коронѣ, ссужая государямъ большія суммы денегъ. Продавая большее количество матерій (суконъ), общество съ помощью благоразумія и большихъ затратъ, пріобрѣло мѣста для торговли, лишеніе которыхъ было бы великимъ несчастіемъ. Благодаря порядку и хорошему веденію дѣла обществомъ, цѣны нашихъ (т. е. англійскихъ) матерій стоятъ высоко, а производство ихъ такъ увеличилось, что теперь почти вся шерсть въ странѣ переработывается въ самой Англіи и большая часть флота такъ поддерживается компаніей, что даже ея служащіе спеціально выбираются изъ моряковъ и одинъ шкиперъ охотно платитъ другому деньги за

*) M. E. Green: Calendar of State Papers, Addenda, 1547—1565. Стр. 518—520.

уступаемую на службѣ общества должность. Благодаря корпоративному устройству, высоко держится въ обществѣ порядокъ и дисциплина, и компанія способна за границей защищать свои права даже силой. *Но если она будетъ распущена, или ея привилегіи отняты, то отсюда произойдутъ большіе безпорядки.* Наши товары упадутъ, а иностранные будутъ покупаться, и иностранцы ежедневно будутъ наносить намъ вредъ, какъ это доказалъ опытъ. Опытъ также показалъ, что корпоративныя товарищества купцовъ всегда гораздо лучше ведутъ торговлю для общаго блага ихъ страны, а что частные торговцы, не состоя подъ хорошимъ управленіемъ, ведутъ только къ раззоренію отдѣльныхъ лицъ и общей потерѣ для націи." „Германцы, итальянцы, генуэзцы, флорентинцы, португальцы, и т. д., продолжаетъ далѣе эта любопытная записка Merchant-Adventurers,—во всякой ихъ торговлѣ заключаютъ товарищества или компаніи съ правилами, которыя соблюдаются подъ страхомъ строгихъ наказаній" *).

Этотъ интересный документъ, хранящійся въ государственномъ архивѣ, доказываетъ, что уже въ англійскомъ обществѣ второй половины XVI вѣка сильно пошатнулась вѣра въ полезность монополій и оказывалось необходимымъ подогрѣвать ее такими доказательствами. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же году и въ томъ же архивѣ находится документъ, излагающій различныя злоупотребленія компаніи Merchant-Adventurers. Члены общества не только расширяли его права многими добавочными лиценціями, но часто дѣйствовали даже внѣ лиценцій, продавали напр. сукна больше нежели положено въ годъ и притомъ высшаго достоинства, нежели дозволено лиценціей. Авторъ бу

*) Calendar of State Papers, 1870, стр. 541—542.

маги требуетъ, чтобы компанія была переформирована и старый патентъ замѣненъ новымъ *).

Къ концу царствованія Елизаветы и особенно при Стюартахъ, это народное неудовольствіе противъ привилегій и монополій, преимущественно внутреннихъ, достигаетъ крайней степени. Извѣстны двѣ черты всѣхъ Стюартовъ: они были расточительны и не ладили съ парламентомъ, нарушая часто его права. Нуждаясь очень нерѣдко въ деньгахъ и не всегда получая ихъ отъ парламента въ видѣ новыхъ субсидій или налоговъ, они широко злоупотребляли своей прерогативой, раздавая всевозможные патенты и привилегіи. Особенно извѣстенъ въ этомъ отношеніи Карлъ I, который неограниченно пользовался этимъ правомъ. Въ 1624 г. прошелъ въ парламентѣ законъ, воспрещавшій монополіи, т. е. лишавшій короля этого права: исключеніе оставлено только для новыхъ изобрѣтеній. Но Карлъ воспользовался этимъ послѣднимъ предлогомъ, и вся страна по прежнему наполнилась всевозможными монополіями **).

Подъ вліяніемъ означенныхъ злоупотребленій происходило измѣненіе меркантильныхъ воззрѣній англійскаго общества на монополіи: необходимость въ нихъ подверглась большому сомнѣнію и явились голоса, возвѣщавшіе новый принципъ—свободную экономическую дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица. Съ этого времени, съ конца XVI вѣка, въ первый разъ появляется въ англійской рѣчи сочетаніе двухъ словъ free-trade (свободная торговля ***), которымъ суждено

*) Idem, стр. 542—543.

**) См. мою книгу: «Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ». Акцизъ. Москва, 1874 г., стр. 5—6.

***) Слово *trade* точно не переводимо на русскій языкъ: въ одно время оно значитъ и торговля и промышленность въ смыслѣ промысла, или занятія (occupation.)

играть такую важную роль въ настоящее время. Первоначально эти слова имѣютъ весьма тѣсный и узкій кругъ значенія. Подъ free-trade понимается какое-нибудь отдѣльное экономическое дѣйствіе частнаго лица, нестѣсняемое существованіемъ монополіи для этого рода дѣйствій, напр. производство товара, составлявшее до тѣхъ поръ исключительное право какой-нибудь привилегированной компаніи или лица; торговля, открытая для всѣхъ, въ мѣстности, прежде предоставленной одной торговой компаніи и т. п. То и другое дѣйствіе называется на языкѣ того времени „свободной торговлей", хотя бы подвергалось весьма строгой регламентаціи и надзору. Въ первый разъ слова „free-trade" мы встрѣчаемъ въ документѣ 1599 года, гдѣ англійскіе купцы ходатайствуютъ о *свободѣ торговли* съ Германіей по рѣкамъ Эльбѣ и Везеру. Свобода заключается здѣсь въ томъ, чтобы королева уничтожила монополіи для этой торговли и разрѣшила ее всѣмъ англійскимъ подданнымъ съ извѣстными условіями для контроля и сбора пошлинъ *).

Въ 1603 г. Томасъ Алэбэстеръ, въ своемъ донесеніи къ лорду Сесилю, сообщаетъ мнѣніе, „что миръ съ Испаніей не будетъ благодѣтеленъ, пока она не дастъ гарантіи свободы совѣсти, *свободы торговли* и безопасти для Нидерландовъ." Въ другомъ донесеніи (1604 г.) то же лице пишетъ, что „Испанія не соглашается на *свободную торговлю*, изъятіе отъ инквизиціи и отъ налога въ 30%."

Въ 1606 году въ парламентъ былъ внесенъ билль дать всѣмъ подданнымъ Англіи и Валлиса *право свободной торговли* во владѣніяхъ Испаніи, Португаліи и

*) Calendar of State Papers, for 1598—1601, 1869. стр. 259 и 326—327.

Франціи. Въ 1624 г. персидскій шахъ заявилъ Англіи желаніе, вмѣсто торговыхъ сношеній черезъ одну компанію (вѣроятно Левантскую), учредить для всѣхъ *свободную торговлю.*

Понятно, что этотъ натискъ на различныя монополіи вызывалъ со стороны заинтересованныхъ лицъ всевозможный отпоръ и протестъ, какъ въ парламентѣ, такъ и въ печати. Когда напр. въ 1604 г. разнесся слухъ о предполагаемомъ закрытіи компаніи Merchant-Adventurers, то почетнѣйшіе члены лондонскаго Сити подали въ парламентъ протестъ, въ которомъ исчисляются заслуги компаніи для мореплаванія и судостроительства. Въ томъ же году въ парламентъ поступилъ т. н. меморіалъ отъ русской компаніи купцовъ въ пользу продолженія ихъ компаніи и недопущенія *торговли свободной* для всѣхъ. Въ 1606 г. подобная же бумага поступила въ парламентъ отъ испанской компаніи, какъ протестъ противъ билля о *свободной торговлѣ* *).

Такъ началась эта замѣчательная борьба противъ монополій, за *рождавшуюся идею свободной торговли.* Въ началѣ и долгое время перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ монополій, уже потому, что съ ними былъ тѣсно связанъ фискальный интересъ правительства. Іаковъ I, пользуясь прерогативой, наложилъ запрещеніе на многіе предметы вывоза, въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить купцовъ покупать лицензіи у государственнаго казначейства; съ одинаковою цѣлью онъ учреждалъ и многія монополіи для ввоза товаровъ. Карлъ I слѣдовалъ той же политикѣ и тѣмъ же интересамъ, оказывая за деньги всякое покровительство и раздавая привилегіи.

---

*) Calendar of State Papers, Domestic Series, 1603—1610, стр. 53, 77, 306, 315, 317.

Въ 1618 г. Іаковъ получилъ отъ компаніи Merchant-Adventurers 50.000 ф. с. для защиты ея отъ лицъ, которыя требуютъ *права свободной торговли*, „хотя за это нѣкоторые уже и заточены въ тюрьму". Черезъ 3 года, однако, по неизвѣстной причинѣ, можетъ-быть желая сдѣлать угодное общественному мнѣнію, онъ издалъ прокламацію, въ которой выражаетъ желаніе распространить привилегіи Merchant-Adventurers и на другихъ купцовъ. Въ 1624 г. вышло постановленіе парламента, которое разрѣшаетъ наравнѣ съ этою компаніей всѣмъ лицамъ свободную торговлю съ Нидерландами; но уже въ 1634 г. Карлъ совершенно произвольно возвращаетъ это право опять одной компаніи Merchant-Adventurers. Такого рода политику Карлъ продолжалъ до конца своего царствованія. Республиканское правительство слѣдовало тою же дорогой: въ 1643 г., хотя петиція уже была внесена въ особый комитетъ палаты общинъ для уничтоженія хартіи Merchant-Adventurers, тѣмъ не менѣе, за 30.000 ф. с., назначенныхъ для издержекъ войны съ королемъ, компанія купила продолженіе своихъ привилегій *).

Литература того времени, которая достигла значительнаго развитія въ формѣ памфлетовъ (брошюръ), летучихъ листковъ и даже цѣлыхъ книгъ по текущимъ вопросамъ, не могла конечно оставаться равнодушна къ этой борьбѣ общества съ монополіями. Она занимаетъ въ ней чуть ли даже не первенствующую роль, представляя интересы то одной, то другой стороны; но понятно, что литература приступаетъ къ изслѣдованію вопроса весьма робко и осторожно: нельзя ждать сразу рѣшительныхъ сужденій о воззрѣніяхъ, которыя держатся сотни лѣтъ

*) Idem, 514. Travers Twiss: View of Political Economy in Europe since the sixteenth century, 1847. 49—50.

Самое замѣчательное произведеніе первой четверти XVII в., трактующее *вопросъ о свободной торговлѣ и монополіяхъ*, есть книга *Эдуарда Миссельдена*: „Свободная торговля, или способы сдѣлать торговлю цвѣтущей; гдѣ причины ея упадка въ королевствѣ открыты, а средства ихъ удалить — представлены“ *) — такъ называется трудъ, въ которомъ Миссельденъ весьма подробно и добросовѣстно разбираетъ данный вопросъ со всѣхъ сторонъ. Уже какъ первое *систематическое* изложеніе началъ меркантильной системы, это сочиненіе заслуживаетъ полнаго вниманія историка экономической науки.

Сочиненіе Миссельдена начинается съ опредѣленія всей важности и значенія торговли для общаго государственнаго блага. „Когда торговля процвѣтаетъ, королевскій доходъ увеличивается, земли и ренты улучшаются, судоходство увеличивается и бѣдный людъ находитъ работу. Съ упадкомъ же торговли все это падаетъ“. Отсюда на первомъ планѣ является *изслѣдованіе причинъ*, которыя обусловливали неуспѣшный ходъ развитія англійской торговли въ данное время.

---

*) Edward Misselden: Free-Trade or the Means to make Trade florish; wherein the Causes of the Decay of Trade in their Kingdom are discovered and the Remedies also to remove the same are represented. 2-d ed. 1622. Годъ перваго изданія мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. *Сочиненіе это неизвѣстно ни Рошеру, ни Кауцу, ни Макколоху, а также, кажется, ни Туиссу, ни автору* Primit. Polit. Economy (Edinb. Review. 1847 April); по крайней мѣрѣ никто изъ нихъ объ этой книгѣ не упоминаетъ, говоря только мелькомъ о сравнительно-ничтожной брошюрѣ Миссельдена—The Circle of Commerce, 1623. Между тѣмъ по полнотѣ своего содержанія, это сочиненіе не ниже сочиненій Стаффорда и Мена, а по точности и систематичности выше ихъ обоихъ. Авторъ, — видимо, человѣкъ весьма образованный и начитанный, — его книга испещрена греческими, еврейскими и латинскими цитатами.

Авторъ принимаетъ въ своемъ сочиненіи такую систему: во 1-хъ *изслѣдованіе причинъ* и ихъ дѣйствія и во 2-хъ *предложеніе средствъ и способовъ* избѣгнуть или уничтожить вредное дѣйствіе этихъ причинъ. При разсматриваніи торговли и причинъ ея упадка, по мнѣнію Миссельдена, слѣдуетъ обратить вниманіе во 1-хъ *на матерьялъ* — предметъ ея, и во 2-хъ *на форму* торговли. Предметы торговли онъ дѣлитъ на естественные и искусственные; къ числу первыхъ относитъ всѣ товары, а ко вторымъ—деньги, которыя, по его словамъ, получили названіе „артерій или жилъ (sinews) войны и государства".

„Какъ старый Іаковъ, такъ начинаетъ авторъ,—благословляя своихъ внуковъ, положилъ правую руку на младшаго и тѣмъ сдѣлалъ его старшимъ, такъ точно и деньги, хотя по натурѣ и времени явились послѣ товаровъ, однако, благодаря употребленію, заняли первое мѣсто и потому прежде всего подлежатъ изслѣдованію." Недостатокъ денегъ въ этомъ королевствѣ можно объяснить нѣсколькими причинами, которыя раздѣляются на непосредственныя и посредственныя. Первыя заключаются въ препятствіяхъ къ ввозу денегъ и обстоятельствахъ усиливающихъ ихъ вывозъ. Оба обстоятельства обусловливаются прежде всего низкою цѣной (undervaluation) англійской монеты сравнительно съ сосѣдними странами. Такъ, еслибы кто-нибудь захотѣлъ ввозить въ Англію испанскіе реалы, то получилъ бы прибыли всего десять процентовъ, тогда какъ за то же самое въ Голландіи можно получить 25%. Точно также монета Іакова ходитъ въ Голландіи по англійскому счету—24 шил. 9 пенс. (т. е. на 4 ш. и 9 п. выше чѣмъ въ Англіи); современная золотая и серебряная монета тамъ въ такомъ же почетѣ. Вообще же Голландія гораздо богаче деньгами, и тамъ

находится ихъ нѣсколько сортовъ: 1) Permissie gelt, 2) Bankgelt, 3) Currantgelt.

Посредственныя или отдаленныя причины недостатка денегъ въ Англіи можно раздѣлить на два рода: туземныя и иностранныя. Первыя, т. е. туземныя, въ свою очередь раздѣляются на общія и частныя или спеціальныя причины. „Къ общимъ относится крайнее излишество (great excess) этого королевства въ потребленіи привозныхъ товаровъ изъ иностранныхъ государствъ“ (стр. 11). По этому послѣднему поводу Мисcельденъ распространяется о развитіи роскоши въ странѣ: „Селянинъ теперь смотритъ и тянется за горожаниномъ, горожанинъ за джентльментомъ, а этотъ за аристократомъ“. „Какое множество иностранныхъ товаровъ потребляется теперь въ Англіи! вина изъ Испаніи, Франціи и съ береговъ Рейна, изюмъ изъ Испаніи, коринка изъ Леванта, многія матеріи изъ Нидерландовъ, шелкъ изъ Италіи, сахаръ и табакъ изъ Вестъ-Индіи и т. д.“ „Все это отнюдь не составляетъ необходимости, а между тѣмъ покупается на готовыя деньги, которыя иначе остались бы дома...“ „Государство“, говоритъ авторъ, „подобно отцу семейства, который долженъ болѣе продавать, чѣмъ покупать, согласно мудрому совѣту Катона: Patrem familias vendacem non emacem esse oportet, иначе онъ очутится въ долгу...“ (стр. 12—13). „Государство, продолжаетъ онъ далѣе,— которое въ изобиліи покупаетъ дорогою цѣной предметы иностраннаго производства и продаетъ дешево свои немногіе товары, обогащаетъ тѣмъ самымъ иностранныя государства, дѣлаясь само бѣднѣе. Гдѣ, напротивъ, менѣе продается иностраннаго и болѣе своего, тамъ остатокъ (разница) необходимо возвращается въ народную сокровищницу“ (13). Къ причинамъ спеціальнымъ нужды

въ деньгахъ авторъ относитъ настоящую скудость фондовъ Остъ-Индскаго общества.

Иностранныя причины недостатка денегъ въ Англіи во-первыхъ лежатъ въ безпрестанныхъ войнахъ, которыя раззоряютъ и препятствуютъ торговлѣ. Сюда же относятся морскіе пираты, причиняющіе ей также большой вредъ. Другая иностранная причина заключается въ торговлѣ съ азіятскими странами и Вестъ-Индіей. „Деньги, которыя попадаютъ въ эти страны, давно уже замѣчено, въ Европу болѣе не возвращаются, но тамъ и остаются". Приводятся слова Карла V о португальцахъ, „что они—враги всего христіанскаго міра, ибо вывозятъ изъ него только деньги, что служитъ къ большому ущербу всѣмъ странамъ".

Вторая глава книги Миссельдена посвящена изслѣдованію причинъ торговаго упадка въ товарахъ. Авторъ разсматриваетъ ихъ прежде всего *въ совокупности* (jointly): 1) прежняя причина—скудость денегъ производитъ скудость торговли; 2) ростовщичество, такъ какъ извѣстны случаи взиманія 100% въ годъ; 3) излишнія проволочки времени и процедуры судебныхъ учрежденій. Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя или особыя (apart) причины: 4) значительный расходъ на обезопашеніе торговли, т. е. военные расходы (fortification of Kingdom and munition); 5) ловля иностранцами рыбы въ британскихъ водахъ; послѣднее обстоятельство лишаетъ страну большаго богатства и заслуживаетъ охраненія (Миссельденъ полемизируетъ при этомъ противъ „Mare liberum" Гуго Гроція); 6) фабрикація суконъ и шерстяныхъ матерій, которая прежде считалась „цвѣткомъ королевской короны", теперь же находится въ упадкѣ, одну изъ причинъ котораго вмѣстѣ съ рыбной ловлей можно считать на этотъ разъ уже въ недостаткѣ законовъ. Производители прибѣга-

ютъ къ различнымъ обманамъ при мануфактурѣ, дѣлая матерію уже положеннаго, достоинствомъ ниже и т. д. Надсмотрщики (Searchers) плохо исполняютъ свои обязанности, и печати (пломбы) часто приложены къ матеріямъ неосмотрѣннымъ. Все это вмѣстѣ съ вывозомъ сырой шерсти подорвало торговлю и привело къ теперешнему ея неутѣшительному состоянію. Въ добавокъ Голландія наложила высокія пошлины на ввозныя англійскія матеріи.

Въ главѣ третьей авторъ разсматриваетъ *форму* торговли — разбираетъ *монополіи* разнаго рода. Остъ-Индская, Московская и нѣкоторыя другія компаніи, по его словамъ, оказали большія услуги англійской коммерціи. Но вообще онъ склоняется къ мнѣнію, что оправданію подлежатъ монополіи только *внѣ* страны. „Можно принять за общее правило, что *такое только ограниченіе общественной свободы* (т. е. учрежденіе монополій) *есть дозволительно, которое вознаграждаетъ за то общественною пользой*“ (стр. 67). Дальше, мы увидимъ, онъ опять возвращается къ тому же вопросу.

Дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ на самое государство авторъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: *активныя* дѣйствія и *пассивныя*. Къ первымъ принадлежатъ ненормальности законодательства—или a) *слишкомъ большое* употребленіе закона (use of law), или b) *слишкомъ малое*. Первое относится къ проволочкамъ и формальностямъ судебныхъ учрежденій, которыя поглощаютъ безъ пользы много времени и денегъ. Мало же закона напр. въ дурномъ надзорѣ за торговымъ контролемъ печатанія матерій, или за вывозомъ матеріаловъ, нужныхъ для фабрикаціи, за границу. Точно также сюда слѣдуетъ отнести „недостатокъ закона въ ограниченіи крайнихъ излишествъ этой страны—расточительности и ростовщичества (первое онъ сравниваетъ

съ viper (випера), вторую съ cancer (болѣзнь—ракъ)." Дѣйствія пассивныя заключаются въ обложеніи большими пошлинами англійскихъ товаровъ за границей; напр., по его словамъ, англійскіе купцы платятъ въ Голландіи съ тюка шерстяныхъ матерій отъ 18 до 48 шиллинговъ, а ихъ купцы за то же ничего не платятъ. Другая пассивная причина лежитъ въ захватѣ товаровъ иностранцами, грабежахъ и т. п., ловлѣ ими рыбы у англійскихъ береговъ и т. п. Относительно же формы торговли дурное дѣйствіе замѣчается въ многочисленномъ *учрежденіи монополій*, „чѣмъ государство лишается истинной свободы торговли, которая принадлежитъ всѣмъ подданнымъ: *интересъ немногихъ предпочитается общему благу*".

Изложивши такимъ образомъ причины упадка англійской торговли, Миссельденъ переходитъ къ описанію *средствъ* для поправленія всѣхъ этихъ дурныхъ сторонъ. Такъ какъ недостатокъ денегъ возбуждается ихъ вывозомъ и отсутствіемъ привоза, то должно прежде всего обратить вниманіе на улучшеніе этихъ условій. Чтобы привлечь монету, слѣдуетъ поднять номинальную цѣну существующихъ денегъ и дозволить иностранной монетѣ ходить на туземномъ рынкѣ наравнѣ съ своей собственной. Для этого послѣдняго нужно заключить договоры съ сосѣдними странами объ установленіи постояннаго денежнаго курса. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на отдаленную причину недостатка денегъ — излишество потребленія иностранныхъ продуктовъ въ Англіи. Авторъ совѣтуетъ по этому случаю издать законы болѣе строгіе, особенно противъ потребленія табаку,—ограничить его по крайней мѣрѣ виргинскимъ и бермудскимъ табакомъ (т. е.

своимъ колоніальнымъ), исключивши чужой, испанскій *).

Кромѣ того, авторъ даетъ совѣтъ государю обратить свое милостивое вниманіе на увеличеніе фондовъ Остъ-Индскаго общества. По поводу иностранныхъ причинъ—войнъ и пиратовъ, Миссельденъ проситъ государя „ничего не щадить, чтобы сохранять миръ", „что распространитъ его славу такъ далеко, какъ только свѣтитъ солнце". Противъ пиратовъ онъ совѣтуетъ торговыя сношенія цѣлыми флотиліями и настойчивое наказаніе за каждое нападеніе **).

---

*) Любопытно, что въ годъ втораго изданія книги Миссельдена, т. е. 1622, королю былъ представленъ одинаковый по содержанію проектъ относительно ввоза табаку. Эдуардъ *Беннетъ*, авторъ этого проекта, доказываетъ, что главная причина недостатка денегъ въ Англіи заключается въ покупкѣ въ Испаніи табаку на 60,000 ф. с. ежегодно. Отсюда, говоритъ Беннетъ, цѣна англійскихъ товаровъ пала на 20% на испанскихъ рынкахъ. Затѣмъ онъ подаетъ одинаковый совѣтъ съ Миссельденомъ, т. е. запретить ввозъ испанскаго табаку и ограничиться колоніальнымъ. См. M. E. Green. Calendar of State Papers, Domestic Series, 1619—1623,—1858, стр. 477.

**) Слѣдуетъ замѣтить, что въ морскомъ разбоѣ немало виноваты и сами англичане. По словамъ Фрауда, рядь многочисленныхъ примѣровъ доказываетъ, что англійскіе и ирландскіе пираты въ царствованіе Елизаветы наносили величайшее зло и препятствіе испанской торговлѣ даже въ мирное время. Правительство королевы, несмотря на безпрестанныя представленія и жалобы испанцевъ, видимо умышленно мирволило пиратамъ и преслѣдовало ихъ только для одного вида. Фраудъ приводитъ, что не только джентелмены и лорды не гнушались заниматься этимъ, но были даже случаи грабежа испанцевъ во время мира военными кораблями Е. В. кор. Елизаветы. Особенно терпѣли, по его словамъ, голландскіе рыбаки, хотя англичане въ одннхъ съ ними водахъ рыбы не ловили. „Ваши моряки, писалъ испанскій посланникъ Елизаветѣ,—грабятъ подданныхъ моего государя на морѣ и ведутъ торговлю, гдѣ она имъ запрещена; обираютъ испанцевъ на улицахъ вашихъ городовъ; нападаютъ на наши суда въ своихъ собственныхъ гаваняхъ и берутъ ихъ въ плѣнъ. Наконецъ ваши пропо-

Средствомъ для того, чтобы предупредить вывозъ денегъ изъ христіанской Европы въ Азію, можетъ служить совокупная въ этомъ смыслѣ дѣятельность англичанъ съ голландцами, такъ какъ въ этомъ ихъ интересы общи. Затѣмъ можетъ служить для этого возможное поощреніе персидской торговли, куда идетъ болѣе товаровъ, нежели денегъ.

Противъ ростовщичества лучшее средство составляетъ изобиліе денегъ; при немъ не требуется даже особыхъ законовъ, такъ какъ они сами собой при этомъ теряютъ силу; такъ напр. въ Голландіи по закону ростъ составляетъ 20%, а на дѣлѣ 6 или 7%. По его мнѣнію, существуетъ другой способъ: именно предоставить всѣмъ свободу покупать, продавать и передавать заемныя письма или векселя (bills of debt) отъ одного лица къ другому, согласно уже существующему обычаю въ Германіи и Голландіи. Затѣмъ онъ совѣтуетъ сократить по возможности судебную волокиту, учредить для уничтоженія ея систему денежныхъ штрафовъ и вообще произвести нѣкоторыя реформы въ коммерческомъ судопроизводствѣ. Относительно рыбной ловли авторъ рекомендуетъ ограничить соперничество иностранцевъ—или запретивши имъ производить ловлю у британскихъ береговъ, или обложивши значительною пошлиной.

Для улучшенія шерстяной мануфактуры, Миссельденъ совѣтуетъ во первыхъ запретить вывозъ шерсти какъ изъ Англіи, такъ и Ирландіи, и во вторыхъ—наложить пошлину соотвѣтствующей высоты на иностранный товаръ тогоже рода. Кромѣ того, по его

вѣдники всячески оскорбляютъ съ каѳедры моего повелителя, а когда мы обращаемся къ правосудію, намъ отвѣчаютъ угрозами. См. Froude: History of England (по изд. 1863 г. in 8⁰) Vol. VIII, 437—467, 482.

*

мнѣнію, слѣдуетъ хлопотать въ Голландіи объ уменьшеніи тамъ пошлинъ на англійскую мануфактуру.

Въ заключеніе авторъ опять высказывается за необходимость искорененія и уменьшенія употребленія монополій „для ободренія подданныхъ и общественной пользы“.

Книга Миссельдена имѣла значительный успѣхъ, что доказываютъ второе изданіе и полемика, которую она возбудила. Противъ нея выступилъ нѣкто Герардъ Малейнсъ, уже извѣстный тогда писатель по экономическимъ вопросамъ.

Еще въ 1601 г. Малейнсъ издалъ книгу: „О ракѣ, разъѣдающемъ англійское государство“, посвященную изслѣдованію современнаго положенія Англіи *). Сущность ея содержанія заключается въ слѣдующемъ: „Государь, по словамъ Малейнса не долженъ терпѣть перевѣсъ баланса въ торговлѣ на сторонѣ иностранныхъ продуктовъ, сравнительно своими туземными, или, говоря иначе, не долженъ покупать больше, чѣмъ продавать“. Богатство страны можетъ уменьшаться тремя путями: 1) вывозомъ денегъ, 2) продажей туземныхъ товаровъ слишкомъ дешево и 3) покупкой иностранныхъ товаровъ слишкомъ дорого (стр. 3). Бо̀льшую часть книги за тѣмъ Малейнсъ посвящаетъ изслѣдованію свойствъ и характера мѣны, употребленія векселей и денежнаго обращенія. Онъ совѣтуетъ англійскую монету сличать съ монетой сосѣднихъ странъ и стараться держаться al pari. При этомъ, и самое главное, авторъ сѣтуетъ на продѣлки частныхъ мѣнялъ и совѣтуетъ возстановить прежнюю должность *королевскаго мѣнялы*. Соблюденіемъ этихъ правилъ ста-

*) Gerard Malynes: A Treatise of Cancar of England's Commonwealth. 1601.

новится возможнымъ предупредить многое зло: 1) вывозъ денегъ, 2) черезъ это товары королевства поднялись бы въ цѣнѣ, 3) иностранные, наоборотъ, понизились бы и 4) наконецъ, таможенный доходъ значительно бы увеличился.

Миссельденъ въ своемъ трудѣ сдѣлалъ весьма недвусмысленный намекъ на желаніе Малейнса возстановить должность королевскаго мѣнялы въ своихъ личныхъ видахъ. Это вызвало послѣдняго на отвѣтъ и усилило полемику, довольно пристрастную, но которая даетъ возможность познакомиться ближе съ воззрѣніями того времени. Новая книга Малейнса *) въ своихъ существенныхъ положеніяхъ совершенно согласна съ противникомъ, и споръ идетъ только о подробностяхъ,—очень часто, къ сожалѣнію, на мотивахъ чисто-личныхъ. Малейнсъ является меркантилистомъ еще болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ Миссельденъ, и нерѣдко доходитъ поэтому до совершенныхъ абсурдовъ: такъ онъ предлагаетъ, между прочимъ, возвышать цѣну и увеличивать продажу собственныхъ продуктовъ (!?), потому что они продаются очень дешево. Далѣе онъ развиваетъ мысль о необходимости предупреждать перевѣсъ иностранныхъ товаровъ и стараться удержать деньги въ странѣ. Въ числѣ средствъ для поправленія этихъ золъ онъ совѣтуетъ запретить купцамъ дѣлать уплаты иностранцамъ золотомъ (?), дѣлать переводъ за границу векселей безъ особаго на то дозволенія и, наконецъ, рекомендуетъ даже воспретить золотыхъ дѣлъ мастерамъ переливать монету, а иностранцамъ торговать въ розницу, или на иностранныхъ судахъ (стр. 87, 89).

---

*) G. Malynes: The Maintenance of Free Trade, according to the three essential Parts of Traffique 1622.

Миссельденъ возражалъ новою книгой *), которая представляетъ скорѣе развитіе нѣкоторыхъ мыслей его перваго труда, нежели рецензію брошюры Малейнса. Въ ней приводятся весьма любопытныя данныя о размѣрахъ англійской торговли въ разное время. Онъ вычислилъ ихъ по количеству таможенныхъ пошлинъ, которыя считаются среднимъ числомъ въ $^1/_{20}$ стоимости товаровъ, и помножаетъ его на 20, чтобы получить всю сумму цѣнности ввоза и вывоза. При Эдуардѣ VI, по этому разсчету, вывозъ превышалъ ввозъ на 255 тыс. ф. с.; при Іаковѣ I, до 1613 г., этотъ благопріятный балансъ составлялъ уже 346 тыс. ф. с., а въ 1621—22 гг. уже совершенно обратно ввозъ превышалъ вывозъ на цѣлыхъ 298 тыс., что, по словамъ автора, и доказываетъ упадокъ англійской торговли — under-balance, который можно исправить только съ помощью рекомендованныхъ имъ мѣръ.

Малейнсъ отвѣчалъ Миссельдену еще разъ брошюрой **), совершенно впрочемъ незначащей, и тѣмъ окончился этотъ, вѣроятно первый по времени, опытъ литературной полемики по экономическимъ вопросамъ.

Оба противника, мы видимъ, сходны во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ своихъ воззрѣній и принадлежатъ къ той же ранней школѣ меркантилистовъ. Въ то же время, однако, замѣчается и нѣкоторая разница: Малейнсъ вообще рѣшительнѣе высказывается за болѣе крайнія мѣры въ денежной и торговой политикѣ. Третій ихъ современникъ, *Миллсъ* (Mills), стоитъ еще болѣе за старыя формы меркантильной политики: онъ возстаетъ противъ падшаго вліянія и разбитой моно-

*) E. Misselden: The Circle of Commerce or the Balance of Trade, in defence of Free Trade etc—1623.

**) G. Malynes: The Center of the Circle of Commerce, etc. 1623.

поліи *складочныхъ мѣстъ*, и громко взываетъ за возстановленіе старыхъ пріемовъ, черезъ которые торговля, строже охраняемая и успѣшнѣе контролируемая, лучше способствовала богатству и силѣ королевства *). Миссельденъ уже выше подобныхъ мнѣній: хотя онъ еще настойчиво держится за главный пунктъ системы денежнаго баланса, возставая противъ *всякаго вывоза* денегъ заграницу, тѣмъ не менѣе онъ отрицаетъ уже необходимость королевскихъ мѣнялъ и старается ограничить учрежденіе монополій, этой существенной части меркантильной политики.

Такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій, вырабатывалось постепенно сознаніе необходимости свободной экономической дѣятельности. Сначала развитіе этой идеи совершается весьма медленно, но затѣмъ, когда жизнь поколебала важнѣйшія опоры старой системы, остальныя ея части разрушаются весьма быстро, и тутъ литература играетъ уже болѣе видную роль. Она значительно способствуетъ выработкѣ новыхъ началъ, и еще цѣлыя столѣтія продолжаютъ существовать остатки старой системы, надъ которыми литература уже давно произнесла свой приговоръ.

---

*) Primitive Political Economy, стр. 444—5.

ГЛАВА III.

Вторая школа меркантильной системы. — Теорія торговаго баланса. — Томасъ Мёнъ и его значеніе. — Навигаціонный актъ и начала колоніальной политики. — Литература того времени (XVII в.): Рали, Чайльдъ, Кольпеперъ, В. Петти — подражатели Голландіи. — Дёдлей Нортъ — первый англійскій фритредеръ.

Въ то время, какъ происходила перемѣна въ воззрѣніяхъ англійскаго народа на монополіи и нѣкоторыя другія формы старой системы, путемъ опыта вырабатывалось также измѣненіе въ одномъ изъ коренныхъ началъ всей меркантильной системы. Царствованіе Елизаветы, которое началось при многихъ печальныхъ условіяхъ, окончилось весьма счастливыми результатами для британской промышленности и торговли: первая успѣла значительно развиться, вторая—пріобрѣсти нѣсколько новыхъ рынковъ и расширить старые. Сообразно съ этою перемѣной Англія ушла дальше и въ экономическихъ понятіяхъ. Франція, съ своимъ министромъ Сюлли, и другія великія державы Европы еще упорно держались запрещенія вывозить изъ страны золото и серебро; въ самой Англіи еще цѣлый рядъ писателей, мы видѣли, держались того же мнѣнія, но на практикѣ, въ частныхъ случаяхъ, происходило уже отступленіе отъ этого правила, вынужденное необходимостью,

и Англія первая отказалась въ своей политикѣ отъ этого существеннѣйшаго принципа меркантилизма.

Самое большое вліяніе на произведеніе такой перемѣны имѣло открытіе прямаго сообщенія съ Индіей и основаніе Остъ-Индской компаніи въ 1600 г. При торговлѣ съ Индіей необходимо было сначала вывозить много монеты изъ Англіи. Привозъ Индѣйскихъ товаровъ, значительной частію мануфактурныхъ, превышалъ цѣнностью англійскій вывозъ и разницу приходилось дополнять деньгами. Это обстоятельство, при существовавшихъ тогда воззрѣніяхъ, не могло конечно не произвести недовольства противъ Индѣйской компаніи, которое даже обратилось во всеобщее негодованіе. Купцы и другія лица, заинтересованныя въ поддержкѣ компанія, не могли, конечно, опровергнуть разсужденія своихъ противниковъ безъ того, чтобы не отвергнуть и старую теорію абсолютнаго запрещенія вывоза драгоцѣнныхъ металловъ. Между тѣмъ фактъ былъ на-лицо—компанія богатѣла, а страна, повидимому, ничего не теряла отъ вывоза денегъ. Тѣмъ не менѣе рутина была слишкомъ сильна, и защитники Индѣйской компаніи не рѣшались возставать противъ самаго принципа, или утверждать, что вывозъ металла на востокъ выгоденъ на томъ основаніи, что купленные на него товары болѣе цѣнны для Англіи. Они утверждали только, что вывозъ металла въ Индію выгоденъ потому, что товары привозимые оттуда, по большей части вывозятся въ другія страны, отъ которыхъ получается гораздо большее количество металла, чѣмъ сколько надо было уплатить за нихъ въ Индіи.

Нападенія на компанію со стороны приверженцевъ старой системы продолжались однако довольно долго, и ея защитникамъ приходилось парировать эти нападенія не только отвлеченными аргументами, но и по-

средствомъ фактовъ, указывая на выгоду для націи отъ торговли съ Индіей. На это послѣднее напираетъ напримѣръ брюшюра сэра Дёдлея Диггса, изданная въ 1615 году *). Точно также въ 1622 г. Эдвардъ Беннетъ старался оправдать эту компанію отъ обвиненія въ уменьшеніи драгоцѣнныхъ металловъ черезъ вывозъ ихъ въ Азію **).

Несравненно важнѣе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ трудъ Томаса Мёна, который по справедливости считается самымъ крупнымъ представителемъ новой меркантильной школы семнадцатаго вѣка. Съ него можно и считать начало системы торговаго баланса: по сущности новая система отличается отъ прежней другими средствами для достиженія тѣхъ же цѣлей.

Прежнее государство употребляло всѣ средства и мѣры для наибольшаго полученія въ страну денегъ, самую крайную опеку надъ дѣйствіями и мелочную регуляцію. На первомъ планѣ торговой политики находились тогда деньги, и пріобрѣтеніе ихъ страной контролировалось съ помощью грубыхъ полицейскихъ мѣръ.

Для увеличенія въ странѣ денегъ считали возможнымъ даже ухудшеніе ихъ достоинства: отсюда—злоупотребленія во всѣхъ средневѣковыхъ государствахъ въ чеканкѣ монеты. Съ принятіемъ системы торговаго баланса уже многое измѣнилось: значительная часть принудительныхъ полицейскихъ мѣръ была навсегда отброшена, вѣра въ силу и полезность монополій до нѣкоторой степени подорвана и вообще водворилась бóльшая свобода экономической дѣятельности. Но главною цѣлью экономической политики все-таки остаются деньги, только къ нимъ стремятся уже нѣсколь-

*) Travers Twiss.: View of Polit. Economy, 1847, ст. 48.
**) *M. E. Green*: Calendar of State Papers, 1858, стр. 477.

ко иными путями, и вывозъ ихъ за границу дозволенъ. Важнѣйшимъ средствомъ является тутъ извѣстнымъ образомъ устроенная таможенная политика. Ввозъ иностранныхъ мануфактуръ или запрещается, или облагается крупными пошлинами, своя промышленность наоборотъ всѣми мѣрами поощряется: для этой цѣли запрещаются стачки и всякія комбинаціи между рабочими, поощряется увеличеніе населенія, судоходство и т. д. Вообще съ меркантильными цѣлями является неразрывно связанною покровительственная система. Главная заслуга Мёна состоитъ именно въ томъ, что, прослѣдивши ходъ торговли, онъ съумѣлъ доказать, что вывозъ или временная потеря денегъ можетъ вести къ большей будущей выгодѣ. Признаніе обществомъ этого простаго положенія сразу нанесло рѣшительный ударъ всей старой торговой политикѣ.

Мёнъ написалъ два сочиненія почти по одному и тому же предмету: первое издано въ 1609 г., второе—гораздо болѣе подробное и обстоятельное—напечатано уже послѣ его смерти, въ 1664 году *).

Такъ какъ эта послѣдняя книга представляетъ собой болѣе полное развитіе тѣхъ же началъ, которыя высказана въ первомъ трудѣ, съ немногими измѣненіями, то мы и ограничимся знакомствомъ съ ней, чтобы судить о воззрѣніяхъ Томаса Мёна **).

---

*) 1) *T. M.*: A Discours of Trade from England unto the East-Indies, answering to divers objectious, which are usually made against the same. 1621. gec. ed.

Thomas Mun. England's Treasure by forraign trade or the balance of our forragin trade is the rule of our treasure. Written by Thomas Mun of London, Merchant and now published for the common good by his son John Mun of Bearsted. 1664.

**) Въ первомъ произведеніи Мёнъ отвергалъ всѣ крайности системы денежнаго баланса, оставляя только „законъ истраченія". Во второй же книгѣ онъ окончательно отказывается отъ этихъ мнѣній, имѣя въ

Воззрѣнія эти всего лучше выражены во второй главѣ его трактата: О богатствѣ Англіи черезъ иностранную торговлю. „Обыкновенное средство, говоритъ онъ,—къ увеличенію нашего богатства и нашихъ сокровищъ есть иностранная торговля, въ которой всегда мы должны держаться того правила, чтобы *ежегодно продавать иностранцамъ своихъ товаровъ на большую сумму, чѣмъ мы потребляемъ ихъ товаровъ*". „Потому, предположимъ, что наше королевство имѣетъ въ избыткѣ сукна, олова, свинца, желѣза и другихъ мѣстныхъ продуктовъ и мы ежегодно вывозимъ этотъ избытокъ въ чужія страны на сумму въ двадцать двѣ сотни тысячъ фунтовъ. Черезъ это мы получаемъ возможность купить за моремъ иностранныхъ товаровъ для нашего потребленія, положимъ на двадцать такихъ сотенъ, и тогда королевство дѣлается богаче въ одинъ годъ на остальныя двѣ сотни, которыя должны быть возвращены домой не иначе какъ деньгами". Въ этомъ отношеніи Менъ сравниваетъ богатство государства съ состояніемъ частнаго человѣка. „Если, говоритъ онъ, человѣкъ, имѣющій 1.000 ф. ежегоднаго дохода и 2.000 особаго капитала, будетъ тратить въ годъ 1.500 ф., то весь его маленькій капиталъ исчезнетъ въ теченіе четырехъ лѣтъ; если же онъ станетъ, напротивъ, тратить только 500 ф. с., то капиталъ этотъ въ теченіе того же времени удвоится" (стр. 6).

Въ слѣдующей главѣ авторъ указываетъ на нѣко-

виду ту же цѣль—накопленіе денегъ, но какъ средство рекомендуя поощреніе торговли другими мѣрами. Рошеръ вѣроятно знакомъ съ Мёномъ только по выдержкамъ, ибо у него не обращено на многое вниманія и даже *совсѣмъ пропущена* XII глава его послѣдней книги—о денежномъ и вексельномъ курсѣ—одна изъ самыхъ важныхъ во всей книгѣ.

Мы пользовались книгой Мёна по изданію 1713 года.

торыя средства уменьшить ввозъ и увеличить вывозъ. Во-первыхъ надо постараться прекратить ввозъ нѣкоторыхъ, необходимыхъ предметовъ, какъ лёнъ, табакъ, пенька и т. д. посредствомъ разведенія ихъ у себя. Затѣмъ слѣдуетъ воздержаться отъ излишняго потребленія иностранныхъ продуктовъ въ пищѣ и одеждѣ (стр. 7.) При ввозѣ своихъ товаровъ, нужно принимать во вниманіе не только свой излишекъ, но и потребность сосѣднихъ странъ, такъ чтобы тѣ предметы, въ которыхъ онѣ нуждаются и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ больше не могутъ достать, продавать какъ можно дороже; тѣ же, которые онѣ могутъ добыть и въ другихъ мѣстахъ, или замѣнить иными предметами, постараться продавать возможно дешевле, чтобы не потерять сбытъ этимъ товарамъ. При этомъ, замѣчаетъ Менъ, интересы государства идутъ въ разрѣзъ съ интересами отдѣльныхъ торговцевъ, для которыхъ дешевая продажа ихъ товаровъ доставляетъ конечно мало выгоды. *Государство въ нѣкоторыхъ случаяхъ выигрываетъ всего больше, въ то время какъ частное лице получаетъ всего меньше*" (стр. 8).

Ввозъ иностраннаго хлопка, индиго, пряныхъ кореньевъ и т. п., для перепродажи этихъ продуктовъ другимъ странамъ, есть дальнѣйшее средство къ увеличенію національнаго богатства. „Этимъ путемъ", замѣчаетъ Менъ,—разбогатѣли многія страны. *Самую выгодную также торговлю Англіи составляетъ торговля съ Остъ-Индіей.* Англичане черезъ перепродажу получаютъ большія выгоды отъ индійскихъ товаровъ, чѣмъ сами индійцы" (стр. 11).

Такимъ образомъ, вопреки общепринятому мнѣнію своихъ современниковъ, Менъ считаетъ даже въ высшей степени выгоднымъ для Англіи вывозъ денегъ и пріобрѣтеніе на мѣсто ихъ иностранныхъ товаровъ

для выгодной перепродажи ихъ въ другихъ странахъ. „Деньги—создаютъ торговлю, а торговля увеличиваетъ деньги, таково его положеніе. Поэтому чѣмъ больше денегъ пускать въ оборотъ, тѣмъ лучше. Если, пріобрѣтая нѣкоторое количество денегъ черезъ торговлю, мы и рѣшимся сохранять ихъ въ государствѣ, то заставитъ ли это другія націи потреблять нашихъ товаровъ больше чѣмъ прежде, и наша торговля оживится ли и расширится?— Конечно нѣтъ, такого благого дѣйствія не произойдетъ; скорѣе даже можно ожидать противнаго, потому что всѣ согласятся, что изобиліе денегъ въ странѣ дѣлаетъ національные продукты дороже для иностранцевъ, которые и перестаютъ ихъ потреблять“ (стр. 18).

Изъ этого объясненія можно видѣть, насколько Мёнъ уже успѣлъ отойдти отъ узкихъ меркантильныхъ воззрѣній системы денежнаго баланса. Приведемъ еще доказательства: „Могутъ быть разные способы и пути для пріобрѣтенія изобилія денегъ въ государствѣ, которые не обогащаютъ, а напротивъ разоряютъ его“ (21). Далѣе: „Деньги, которыя приносятся въ королевство посредствомъ баланса нашей иностранной торговли, суть единственныя деньги, которыя остаются при насъ и черезъ которыя мы обогащаемся“ (22). Итакъ, хотя цѣлью всей торговой политики остаются все-таки деньги, но онѣ, по мнѣнію Мёна, могутъ временно пускаться въ ходъ съ тѣмъ, чтобъ облегчить еще большее ихъ пріобрѣтеніе.

Мы видѣли уже то замѣчательное—даже не для XVII вѣка—различіе, которое дѣлаетъ Мёнъ между интересами частнаго лица и государства. По его мнѣнію, онѣ могутъ быть совершенно разнохарактерны во многихъ экономическяхъ вопросахъ. Онъ различаетъ троякую выгоду: выгоду государства, выгоду купца и нако-

нецъ выгоду короля; первая можетъ быть произведена въ ущербъ второй и третья въ ущербъ первымъ двумъ. Такъ, напримѣръ, отъ пріобрѣтенія продуктовъ въ Остъ-Индіи всего больше выигрываетъ государство, тогда какъ купецъ, вслѣдствіе большихъ издержекъ сопряженныхъ съ этой торговлей, выручаетъ очень немного (?). Затѣмъ купецъ выигрываетъ, если продаетъ привезенные товары какъ можно дороже, тогда какъ государство страдаетъ отъ излишней траты на иностранные товары. Наконецъ, черезъ увеличеніе ввоза иностранныхъ продуктовъ для мѣстнаго потребленія король выигрываетъ лишнюю сумму черезъ пошлины, въ то время какъ государство страдаетъ отъ излишней траты, а купецъ ведетъ невыгодную для него торговлю. Почти то же самое можно сказать и о вывозныхъ пошлинахъ. Здѣсь Мёнъ, для облегченія вывоза и сбыта національныхъ продуктовъ, даетъ совѣтъ замѣчательный для его времени—уменьшить ихъ, т. е. вывозныя пошлины, какъ можно больше *).

Мёнъ, врагъ всѣхъ крайнихъ и безполезныхъ ограниченій экономической дѣятельности, и точно также онъ не одобряетъ запрещенія ввоза иностранныхъ товаровъ, какъ способа сохраненія богатства въ странѣ. Такая мѣра, онъ думаетъ, непремѣнно отплатится взаимно сосѣдними странами, и англійскіе товары съ такимъ же трудомъ будутъ приниматься за границей, какъ чужіе въ Англіи; черезъ это конечно страдаетъ торговля и съ нею богатство Англіи (гл. X, 33—36). Такъ же нелѣпо, по мнѣнію Мёна, стремиться не-

*) Еще раньше напечатанія книги Мёна эту же необходимость облегчить вывозныя пошлины доказывалъ въ 1641 году нѣкто Генри Робинзонъ въ своей брошюрѣ: „England's Safety in Trade's Increase 1641“, которая, вѣроятно, значительной частью содержанія заимствована у Миссельдена.

премѣнно, чтобъ иностранцы покупали англійскіе товары на чистыя деньги. „Эта мѣра, говоритъ онъ,— не доставитъ королевству ни одного лишняго пенни въ концѣ года: что принудительно добыто однимъ путемъ, должно выйдти опять другимъ, такъ что при насъ останется лишь то, что выиграно и внесено въ богатство страны посредствомъ перевѣса въ торговлѣ." Здѣсь Мёнъ очевидно имѣетъ въ виду старые принудительные законы относительно иностранцевъ.

Не менѣе рѣшительно авторъ возстаетъ противъ господствовавшаго въ средніе вѣка мнѣнія, что черезъ произвольное измѣненіе монеты будто бы возможно обогатить страну. Мёнъ высказываетъ по этому поводу нѣсколько интересныхъ для его времени мыслей, хотя и не новыхъ послѣ книги Стаффорда *). „Деньги, говоритъ онъ, — суть мѣра для другихъ нашихъ

*) Мы не совсѣмъ здѣсь понимаемъ похвалы, которыя по поводу этихъ воззрѣній Мёна на деньги, расточаетъ ему Рошеръ въ своей „Zur Geschichte der engl. Volkswirthschaftslehre", стр. 47": Es ist ein Ruhm für England, diese hochwichtige Fragetheoretisch so früh gelöst zu haben и т. д. Уже за восемдесять три года до выхода въ свѣтъ книги Мёна высказываетъ Стаффордъ тѣ же соображенія о деньгахъ и по той же причинѣ. По разницѣ времени возможно, что Мёнъ, видимо хорошо знакомый съ литературой того времени, напр. полемизирующій съ Малейнсомъ, заимствовалъ свои мысли по этому вопросу цѣликомъ у Стаффорда. Приведемъ для сравненія ихъ собственыя слова.

Стаффордъ: The substance and quantity *is esteemed* in coin and not the name. (См. у Стаффорда стр. 28 и дальше).

Мёнъ: ..... that is not the Denomination of our Pounds, Schillings Pence which *is respected*, but the intrinsick Value of our Coins. (См. у Мёна стр. 29).

Мы этотъ недосмотръ Рошера не можемъ объяснить даже только тѣмъ, что онъ не пользовался оригиналами обоихъ писателей. Еще раньше въ сороковыхъ годахъ вышелъ трудъ Траверса Тусса (View of Polit. Economy, 1847) и статья неизвѣстнаго автора Primitive Polit. Economy въ Эдинбургск. Обозр. за 1847 г., много разъ нами цитирован-

богатствъ. Если общая мѣра измѣняется, то и наши земли, дома, товары—иностранные и туземные—также должны пропорціонально измѣниться—потому что не названіе нашихъ фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ уважается, а внутренняя цѣнность нашихъ монетъ" (стр. 29).

Въ двѣнадцатой главѣ авторъ подробно разбираетъ вопросъ о векселяхъ и вексельномъ курсѣ и старается показать, что изобиліе или недостатокъ денегъ дѣлаетъ курсъ низкимъ или высокимъ, а торговый балансъ причиняетъ это изобиліе или скудость. Низкій денежный курсъ, по его мнѣнію, выгоденъ для страны, ибо указываетъ на избытокъ денегъ: „онъ дѣлаетъ потерю для иностранца и выгоду для нашей страны".

Много любопытнаго и для своего времени новаго сообщаетъ Мёнъ въ своей книгѣ о государственныхъ финансахъ, которымъ онъ посвящаетъ цѣлую главу (XVI). Такъ, онъ отрицаетъ необходимость для короля накоплять много богатства, причемъ выставляетъ такое положеніе: иностранная торговля должна обусловливать размѣръ королевскаго богатства, откладываемаго ежегодно, такъ что тотъ государь, подданные котораго имѣютъ лишь небольшую иностранную торговлю, не можетъ откладывать много денегъ".

Въ послѣдней, двадцать первой главѣ своего трактата Мёнъ резюмируетъ его содержаніе въ слѣдующихъ словахъ: „Сущность всего, что было сказано здѣсь объ обогащеніи королевства и увеличеніи на-

ные, въ которыхъ указывается означенная заслуга Стаффорда въ уясненіи вопроса о деньгахъ. Книга же Рошера: Zur Geschichte etc. была напечатана статьей въ третьемъ томѣ Abhandlungen d. Königl. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften уже въ 1851 году, т. е. спустя три года послѣ указанныхъ сочиненій.

шихъ сокровищъ иностранною торговлей можно коротко передать такимъ образомъ. Слѣдуетъ принять за правило въ нашей торговлѣ съ иностранцами, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наши вывозимые товары перевѣшиваются въ цѣнѣ иностранными товарами, привозимыми въ королевство, тамъ нашъ курсъ стоитъ низко; гдѣ происходитъ обратное, стоитъ высоко. Но пусть всѣ купцы совершаютъ сдѣлки по высокому или по низкому курсу, или al pari, пусть иностранные государи произвольно измѣняютъ свою монету и дѣлаютъ ее низшаго достоинства, и пусть его величество дѣлаетъ то же самое или держитъ монету одного достоинства какъ теперь, пусть иностранная монета ходитъ даже здѣсь по курсу выше, чѣмъ она стоитъ на монетномъ дворѣ, пусть „законъ истраченія" остается въ силѣ или будетъ уничтоженъ, пусть иностранные государи притѣсняютъ, адвокаты выжимаютъ деньги, ростовщики берутъ безумные проценты, расточители ихъ проматываютъ, пусть купцы вывозятъ деньги. . . . — „при всѣхъ однако предположеніяхъ всѣ эти дѣйствія не могутъ оказать на торговлю иного вліянія, чѣмъ то, которое объяснено въ настоящемъ трудѣ. Такъ много богатства ввозится или вывозится изъ страны, какъ много перевѣшиваетъ торговый балансъ въ нашу или чужую пользу. И это все должно происходить необходимо и неотвратимо, внѣ всякой возможности измѣненія: всѣ другіе пути и направленія усилить приливъ денегъ въ королевство, можетъ-быть, и произведутъ это, но только на время, и въ концѣ концовъ окажутся не только тщетными, но даже и вредными; они подобны сильнымъ потокамъ, которые иногда вдругъ размываютъ свои берега, но также внезапно оставляютъ ложе сухимъ по недостатку воды..." (стр. 86—7).

Если бросить общій взглядъ на главные принципы, высказанные въ сочиненіи Мёна, то нельзя не замѣтить большаго прогресса англійской мысли. По своимъ воззрѣніямъ онъ гораздо ближе къ новому времени, нежели напр. всѣ нѣмецкіе меркантилисты XVII вѣка, какъ Клокъ, Секендорфъ и др. Онъ уже выше и своихъ соотечественниковъ, какъ Стаффордъ и Миссельденъ. Мёнъ покончиваетъ совершенно со всѣми узкими особенностями системы денежнаго баланса и рѣшительно отвергаетъ остатки этой системы. Оставаясь меркантилистомъ, онъ допускаетъ вывозъ монеты за границу, не считаетъ этого за великое зло, какъ его современникъ Миссельденъ, и возстаетъ даже противъ абсолютнаго запрещенія ввоза иностранныхъ продуктовъ, ограничиваясь покровительственными пошлинами для своей мануфактуры. Но мало того, судя по заключенію его труда, Мёнъ, кажется, успѣлъ уже додуматься, что экономическія явленія производятся не произвольно и безсвязно, а по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ, которые ничто не въ состояніи уничтожить. Произвольныя мѣры, по его мнѣнію, могутъ на время измѣнить ходъ событій, но затѣмъ все войдетъ въ прежній уровень и потечетъ согласно указанному направленію.

Меркантильная школа торговаго баланса, такимъ образомъ, имѣетъ значительныя преимущества передъ бывшей системой денежнаго баланса. Если сопоставить ихъ воззрѣнія, то окажется, что новая школа отличается болѣе положительнымъ характеромъ и задачами, нежели старая. Между тѣмъ какъ послѣдняя клала разнородныя препятствія къ развитію производства и главнѣйше старалась *не выпускать деньги изъ страны*, система торговаго баланса стремится болѣе расширить производство и *притягивать деньги въ страну*. Первая

старалась предупредить вывозъ денегъ, вторая — поощрить ихъ ввозъ. Система денежнаго баланса, слѣдовательно, отличается отрицательнымъ характеромъ своей политики, система торговаго баланса — положительнымъ.

Но если, благодаря защитникамъ Остъ-Индской компаніи, воззрѣнія англійскаго общества на деньги нѣсколько расширились, то конечно дѣло не могло оставаться долго въ томъ же положеніи. Доказавъ, что вывозъ металла можетъ быть выгоденъ для страны, эти новаторы впослѣдствіи даже объявили, что монета есть ничто иное какъ товаръ и что ея обращеніе должно быть столь же нестѣсняемо, какъ и всякаго другаго товара. Поддержанныя торговымъ успѣхомъ компаніи, эти идеи пріобрѣли довѣріе и въ другихъ лицахъ и понемногу проникли въ палату общинъ, которая въ 1663 году отмѣнила статуты, запрещающіе вывозъ иностранной монеты и металла, и дала полную свободу Остъ-Индской компаніи и частнымъ лицамъ вывозить деньги въ неограниченномъ количествѣ *).

Новая система, впрочемъ, скоро встрѣтила нападеніе и притомъ съ другой стороны. Въ 1680 г. происходили въ палатѣ общинъ дебаты вслѣдствіе петиціи, представленной ткачами шелка противъ ввоза индѣйскихъ шелковыхъ издѣлій, какъ разрушающихъ ихъ собственную мануфактуру. Торговля Остъ-Индской компаніи осуждалась какъ убивающая, будто бы, туземную мануфактуру. Большая часть ораторовъ говорили въ этомъ смыслѣ. Нѣкто Ловъ прямо заявилъ, что „Остъ - Индская торговля со временемъ погубитъ большую часть промышленности, если этому не помѣшать."

---

*) T. Twiss: View of Pol. Economy, стр. 49.

Онъ одинъ, однако, смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія вредности вывоза денегъ.

Послѣ того какъ парламентъ порѣшилъ дѣло въ пользу просителей, Джозіа Чайльдъ написалъ трактатъ въ защиту Остъ-Индской компаніи, гдѣ онъ указываетъ на выгоды отъ ея торговли и опровергаетъ мнѣніе своихъ противниковъ путемъ меркантильныхъ аргументовъ. Есть впрочемъ основаніе, по мнѣнію Туисса, сомнѣваться, чтобы Чайльдъ придерживался вполнѣ принциповъ меркантильной системы — иначе, какъ оружія противъ враговъ Остъ—Индской компаніи, потому что въ одномъ приписываемомъ ему трактатѣ подъ именемъ Φιλόπατρις, Чайльдъ высказываетъ мнѣнія о деньгахъ уже нѣсколько иныя. „Золото и серебро, говоритъ онъ, превращенныя или не превращенныя въ монету, хотя и употребляются какъ мѣра всѣхъ другихъ вещей, тѣмъ не менѣе составляютъ такой же товаръ какъ вино, сукно, матеріи и т. п., и могутъ вывозиться съ такой-же выгодой для страны за границу, какъ и всякій другой товаръ....“ Такимъ образомъ Чайльдъ уже дошелъ до мысли, что деньги—такой же товаръ какъ и всякій другой: мысль для XVII вѣка замѣчательная и новая.

Въ то же время это не мѣшало ему придавать благороднымъ металламъ бо́льшую важность, чѣмъ другимъ товарамъ на основаніи ихъ прочности и другихъ естественныхъ качествъ и такимъ образомъ ревниво поддерживать доктрину баланса торговли, какъ самое вѣрное мѣрило прогресса націи въ богатствѣ *).

Рядомъ съ развитіемъ иностранной торговли, на экономическую жизнь Англіи большое вліяніе оказывало съ XVI в. пріобрѣтеніе колоній. Английская колоніаль-

---

*) Tr. Twiss: 63, 64.

ная политика при этомъ значительно отличается отъ политики тогдашней Испаніи. Испанцы брали изъ своихъ колоній преимущественно однѣ деньги, и именно—не какъ обмѣнъ за свое производство, а какъ дань или продуктъ своихъ собственныхъ копей и розсыпей; англичане, наоборотъ, уже по самому свойству занятыхъ ими колоній, обратились главнымъ образомъ къ ихъ заселенію и обработкѣ земли, чтобы пріобрѣсть во-первыхъ продукты для обмѣна и перепродажи въ третьи руки, во-вторыхъ захватить этотъ новый рынокъ исключительно для сбыта собственныхъ мануфактуръ. Нѣтъ сомнѣнія, такая политика, какъ она ни узка, во всякомъ случаѣ выше и разумнѣе испанской, что подтвердилось и послѣдствіями. Еслибы англичане вздумали подражать испанцамъ, то конечно, по справедливому замѣчанію Гельфериха, они едва ли бы избавились такъ рано отъ меркантильнаго пристрастія къ деньгамъ и возвысились бы до воззрѣнія, что истинное богатство народа состоитъ во владѣніи годныхъ для потребленія, или продажи продуктовъ, а трудъ и производительность націи есть истинный источникъ ея богатства *).

Англія учреждала колоніи въ Америкѣ, чтобы создать торговлю на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ какія могли быть съ чужими странами. Коммерческая монополія является слѣд. первымъ руководящимъ принципомъ колоніальной политики: захватить въ свои руки главныя производства своихъ колоній и удержать за собой выгоду снабжать эти колоніи европейскими товарами—было главною цѣлью и стремленіемъ политики того времени. Основаніемъ всѣхъ относящихся къ ко-

*) Archiv der Politischen Oekonomie und Polizeiwissenschaft von Rau und Hanssen, Helferich'a разборъ книги Рошера, стр. 249—352.

лоніямъ правилъ можно считать извѣстный *навигаціонный актъ* Кромвеля, утвержденный уже при Карлѣ II (12 Charles II, c. 18). Вотъ сущность его важнѣйшихъ регуляцій. Онъ постановляетъ:

Во-первыхъ, чтобы никакіе товары не были привозимы или вывозимы изъ британскихъ колоній иначе какъ англичанами и на англійскихъ, или колоніальныхъ судахъ.

Во-вторыхъ, что ни одно лице, которое не состоитъ англійскимъ подданнымъ, не можетъ быть купцомъ или мануфактуристомъ въ этихъ колоніяхъ.

Въ-третьихъ, что всякій колоніальный чиновникъ долженъ дать клятву, что онъ будетъ наблюдать надъ исполненіемъ этихъ постановленій.

Въ-четвертыхъ, что никакіе товары не могутъ быть ввозимы въ Англію иначе какъ на своихъ корабляхъ.

Въ-пятыхъ, что никакіе колоніальные продукты не должны быть вывозимы въ иное мѣсто, какъ въ Англію *).

Эти постановленія скоро были усилены и распространены актомъ 15 Charles II, c. 7, въ которомъ прибавляется, что британскія колоніи могутъ получать чужіе продукты не иначе, какъ черезъ Англію на судахъ англійской постройки. Такимъ образомъ вся колоніальная торговля дѣлалась исключительнымъ правомъ монополіи. Любопытно, что мотивомъ этого новаго стѣсненія выставляется поддержаніе бо́льшаго сношенія и дружбы между подданными метрополіи и подданными въ колоніяхъ! Цѣль постановленія, по словамъ акта, заключается кромѣ того „въ держаніи колоніи въ болѣе твердой зависимости отъ метрополіи, въ достав-

*) Bryan Edwards: The History Civil and Commercial of the British West—Indies. 5-th edition, vol. II, 443—448. Merivale's On Colonisation, p. 193. A. Smith: Wealth of Nations, Book IV, Chap. II.

леніи благодѣтельнаго и выгоднаго для нея занятія, въ увеличеніи судоходства и продажи англійскихъ мануфактуръ и товаровъ, въ споспѣшествованіи болѣе выгодному и дешевому мореплаванію; наконецъ *цѣль закона состоитъ въ томъ чтобы сдѣлать королевство складочнымъ мѣстомъ* не только товаровъ, получаемыхъ съ плантацій, но и отъ другихъ государствъ и мѣстъ для снабженія ихъ, какъ то принято у другихъ націй относительно торговли своихъ колоній."

Десять лѣтъ спустя прошелъ другой актъ (25 Charles II, c. 7), налагающій пошлину на сахаръ и другіе товары, вывозимые изъ одной колоніи въ другую: причиной выставляется ущербъ для англійской торговли отъ того, что многія изъ этихъ колоній сбываютъ свои продукты другимъ государствамъ. Но вмѣсто ожидаемаго, наложеніе пошлины на вывозъ колоніальныхъ товаровъ произвело дѣйствіе противоположное: колонисты послѣ этого стали считать себя избавленными, платя пошлины, отъ обязательства не торговать съ иностранцами. Поэтому всѣ дальнѣйшіе акты, уже при Вильгельмѣ Оранскомъ, подтверждаютъ старыя постановленія и усиливаютъ контроль за ихъ исполненіемъ. Всѣ эти акты слѣдовательно служатъ дополненіемъ къ *навигаціонному акту* и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ основаніе англійской колоніальной политики, покинутой окончательно только въ позднѣйшее время (въ 1849 г.); всѣ англійскіе законы по этому вопросу, за немногими и незначительными исключеніями, составлены въ томъ же духѣ и приводятъ въ дѣйствіе одну и ту же систему. Въ послѣдней можно отмѣтить два отличительныхъ момента: во первыхъ увеличеніе англійской морской силы всецѣлымъ исключеніемъ иностраннаго судоходства отъ торговли съ англійскими колоніями, и во вторыхъ обезопасеніе для Великобританіи всѣхъ до-

ходовъ отъ колоній посредствомъ ихъ двойной монополіи: a) монополіи цѣлаго ихъ ввоза, который идетъ изъ одной метрополіи и b) монополіи всего ихъ вывоза, опять-таки исключительно для одной метрополіи. Такимъ образомъ всѣ сырые колоніальные продукты должны идти въ Англію; здѣсь они переработываются и возвращаются назадъ въ колоніи въ видѣ мануфактуръ.

Навигаціонные законы и вообще колоніальная политика Англіи являются въ тѣсной связи и даже непремѣннымъ послѣдствіемъ новаго направленія меркантильной школы: прямо, *непосредственно* колоніи не давали Англіи драгоцѣнныхъ металловъ, но за то они доставляли много дорогаго сырья, которое можно было превратить легко въ деньги переработкой, или перепродажей въ чужія страны. Но даже позднѣе, въ концѣ XVII в. и далѣе почти до послѣдняго времени, когда на деньги начали смотрѣть такъ же, какъ и на всякій другой товаръ, Великобританія держалась крѣпко этихъ законовъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ колоніальная система поощряла британскую промышленность, служа заповѣднымъ рынкомъ для одной метрополіи; во вторыхъ, чѣмъ англичане не менѣе дорожили, навигаціонные законы устраняли иностранную конкурренцію для начинавшагося англійскаго мореходства и тѣмъ давали лишнюю возможность развиться торговому флоту—этой славѣ и главной пружинѣ могущества Великобританіи. По словамъ Кризи (Creasy), еще въ памяти настоящаго поколѣнія, большая часть политическихъ писателей и ученыхъ смотрѣла на навигаціонные законы какъ на дѣло народной мудрости и считали ихъ краеугольнымъ камнемъ всей колоніальной системы Великобританіи. Даже Адамъ Смитъ, врагъ всѣхъ монополій по принципу, дѣлаетъ

однако исключеніе для этого акта и слѣдовательно колоніальной политики, состоявшей съ нимъ въ прямой связи. Въ видахъ развитія силъ страны, Смитъ называетъ навигаціонный актъ „мудрѣйшимъ изъ всѣхъ торговыхъ законовъ Англіи“ *). Въ то же время однако онъ указываетъ на „національную непріязнь“, какъ одинъ изъ мотивовъ существованія этого закона. Англія искони съ завистью смотрѣла на торговое могущество Голландіи и ея матеріальное преуспѣяніе. Навигаціонный актъ именно имѣлъ въ виду подорвать ея коммерческое значеніе въ Европѣ и поднять мореходство, а съ нимъ и могущество Англіи**). Когда этотъ законъ былъ принятъ парламентомъ окончательно, обѣ страны находились собственно въ мирѣ, но сильная враждебность существовала между ними уже долгое время. Отсюда является естественно желаніе подражать экономической политикѣ голландцевъ, чтобъ успѣшнѣе достигнуть тѣхъ же блестящихъ результатовъ.

Уже въ XVI вѣкѣ встрѣчаются между англійскими писателями многіе, которые указываютъ своимъ соотечественникамъ на примѣръ Голландіи, какъ достойный всякаго подражанія. Они сравниваютъ ее съ своимъ отечествомъ, отдавая видимое предпочтеніе мудрости ея внутренней и внѣшней политики и рекомендуютъ подобныя же мѣры къ поднятію уровня англійскаго благосостоянія. Такъ извѣстный Вальтеръ Рали (Raleigh) посвящаетъ особую брошюру изслѣдованію причинъ голландскаго торговаго величія и тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ англичане могутъ съ ними сравняться. Больше

*) A. Smith: Wealth of Nations, Book IV, Chap. II и также Edw. Creasy: The Imperial and Colonial Constitutions of the Britannic Empire, стр. 128.

**) Joseph Allen: Navigation Laws. 1842 г. 1—32.

всего онъ удивляется въ голландцахъ тому искусству, съ которымъ они умѣютъ производствомъ чужихъ странъ создавать собственную промышленность и торговлю. Голландія, напримѣръ, производитъ сама мало хлѣба, а между тѣмъ ея столица служитъ громадною житницей, откуда въ случаѣ неурожая снабжаются Англія, Франція, Испанія и другія страны. Голландцы постоянно имѣютъ у себя большой запасъ хлѣба и обогащаются во время безхлѣбья у сосѣдей. Точно также они имѣютъ большую рыбную ловлю и ведутъ значительную торговлю рыбой, *хотя ихъ рыба ловится въ англійскихъ водахъ*. Франція производитъ много вина, Испанія соли, прибалтійскія страны много дерева, но все-таки наибольшіе запасы всѣхъ этихъ товаровъ находятся въ Голландіи, и наибольшая отъ нихъ прибыль достается въ руки голландцевъ. Это выгодное положеніе Голландіи, которое грозило монополіей всемірной торговлѣ, Рали приписываетъ какъ дѣятельности самихъ жителей, такъ и хорошему устройству законовъ. Такъ, онъ хвалитъ готовность, съ которой они принимаютъ къ себѣ иностранцевъ въ число своихъ гражданъ, а также небольшія пошлины, которыми облагаютъ товары, усиливая черезъ это ихъ ввозъ и вообще свободу торговли (подъ послѣднимъ словомъ Рали, вѣроятно, разумѣлъ ея сравнительную свободу отъ пошлинъ). Между средствами, которыя Рали рекомендуетъ для того, чтобы поскорѣе догнать голландцевъ, находится веденіе торговли самою казной черезъ особую коммиссію, дозволеніе вывоза угля *на англійскихъ судахъ* и *возможное поднятіе рыболовства*. Послѣднія двѣ мѣры цѣликомъ выполнены въ навигаціонныхъ законахъ: запрещена торговля великобританскими продуктами на иностранныхъ судахъ, и особымъ добавленіемъ голландскіе рыболовы, ввозя-

щіе рыбу въ Англію, обложены двойною пошлиной *). Въ XVII вѣкѣ къ числу такихъ же поклонниковъ и подражателей Голландіи принадлежатъ сэръ Томасъ Кольпеперъ и уже упомянутый Джозіа Чайльдъ. Главная основная мысль перваго писателя, которую повторяетъ и второй, заключается въ томъ, что Голландія во многомъ обязана своимъ процвѣтаніемъ низкому проценту, который тамъ взимается. Низкій размѣръ процента, по мнѣнію Кольпепера, есть столько же причина, сколько и послѣдствіе благосостоянія. Поэтому онъ прежде всего рекомендуетъ государству—искусственными мѣрами понижать процентъ. Чайльдъ защищаетъ это мнѣніе и также стремится предложеніемъ различныхъ мѣръ, заимствованныхъ изъ изученія Голландіи, поднять культурный уровень Англіи и освободить ее отъ экономическаго перевѣса и торговой монополіи Нидерландовъ. Поэтому онъ высоко ставитъ значеніе навигаціоннаго акта, называя его magna charta marітima. Всякая колонизація, по его мнѣнію, вредитъ метрополіи, если колоніальная торговля не регулируется строгими и хорошими законами исключительно въ ея пользу; безъ такихъ законовъ вся торговля досталась бы въ руки голландцевъ **).

Но англичане XVII вѣка заимствовали у Голландіи не одни только правила экономической политики, но и самыя формы. Какъ извѣстно, напримѣръ, акцизъ въ Англіи введенъ Долгимъ Парламентомъ по образцу, взятому оттуда; изъ другихъ налоговъ цѣликомъ взятъ позднѣе изъ Голландіи гербовый сборъ. Чайльдъ, какъ поклонникъ Голландіи, называетъ ак-

*) Sir Walter Raleigh: Observations touching trade and commerce with the Hollander and other nations. 1603. По Рошеру: Zur Geschichte etc. стр. 33 и далѣе.

**) Рошеръ, глава VII.

цизъ самымъ равномѣрнымъ, безпристрастнымъ налогомъ и совѣтуетъ его распространять *). Другой болѣе извѣстный современникъ, Вилльямъ Петти также высказывается за косвенные налоги, которые тогда господствовали въ Голландіи **).

Знакомство съ Голландіей одинаково съ остъ-индской торговлей много способствовало къ выработкѣ новыхъ экономическихъ воззрѣній. Уже въ царствованіе Елизаветы упомянутый нами Вальтеръ Рали высказывался противъ вмѣшательства государства въ земледѣліе и ратовалъ въ парламентскихъ рѣчахъ противъ регулированія хлѣбной торговли. „Посмотрите, говоритъ онъ,— на голландцевъ, которые не сѣютъ хлѣба, а имѣютъ своими промыслами такое изобиліе, какого нельзя встрѣтить у другихъ націй. Лучшая политика—оставить каждому *свободу въ земледѣліи* и вообще предоставить свободу дѣйствій, что́ составляетъ безъ сомнѣнія и желаніе всякаго истиннаго англичанина." На этомъ основаніи возстаетъ онъ противъ обязательнаго разведенія конопли, законъ о которомъ мы раньше приводили. Какъ образцовую глупость, Рали выставляетъ

* См. мою книгу объ англійскомъ акцизѣ, стр. отъ 6—15. Рошеръ: Zur Geschichte etc, стр. 63.

**) William Petty: Treatise on Taxes and Contributions, 1662. Рошеръ и Тр. Туиссъ дѣлаютъ ошибки относительно времени выхода въ свѣтъ этой замѣчательной книги: Рошеръ (стр. 68) выставляетъ 1679 г., Туиссъ—1667. Между тѣмъ мы имѣли въ Британскомъ Музеѣ изданія 1662, 1667 и 1689 гг. (послѣднее подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: A Discourse on Taxes, etc...). Такимъ образомъ показанное Рошеремъ—*не менѣе, какъ третье изданіе*, а отнюдь не первое, а указанное Туиссомъ—*второе*. Послѣдній экономистъ свою библіографическую ошибку повторяетъ два раза—на стр. 64 и 81, утверждая, что трактатъ о налогахъ написанъ Петти въ 1667 году. *Watt*'s Bibliotheca Brittanica также указываетъ на 1662 годъ, какъ время перваго изданія этой книги.

французскіе законы 1577 и 1585 годовъ, которые всю торговлю и промышленность признали за Droit domanial *). Джозія Чайльдъ, какъ мы сейчасъ говорили, считалъ деньги за такой же товаръ, какъ и всякій другой, хотя и отдавалъ имъ особое предпочтеніе. Кромѣ того онъ высказывается рѣшительно противъ корпорацій и правительственной регламентаціи труда и отстаиваетъ свободный вывозъ монеты.

Для развитія настоящихъ началъ экономической политики еще болѣе сдѣлалъ Вилльямъ Петти. Онъ ясно и толково излагаетъ принципы, которыми регулируется цѣна и зависимость ея отъ потраченнаго на производство труда: „Ежели кто-нибудь, говоритъ онъ,—можетъ добыть въ Перу и доставить въ Лондонъ унцъ серебра въ то же самое время, которое необходимо для производства одного бушеля хлѣба, то одно составитъ натуральную цѣну другаго, т. е. данныя количества серебра и хлѣба будутъ стоять въ одной цѣнѣ. Но теперь, если, по причинѣ болѣе изобильныхъ рудниковъ, этотъ человѣкъ можетъ добыть два унца серебра такъ же легко, какъ прежде одинъ, тогда хлѣбъ будетъ стоить 10 шиллинговъ, если прежде стоилъ 5, и если остальныя обстоятельства остались тѣ же самыя". Затѣмъ: „пусть сто человѣкъ десять лѣтъ работаютъ надъ добываніемъ хлѣба и то же самое число людей и столько же лѣтъ трудятся надъ добываніемъ серебра; то я утверждаю, что чистый доходъ (net proceed) серебра составитъ цѣну всего чистаго дохода хлѣба и равныя части одного—цѣну равныхъ частей другаго **).

Эти воззрѣнія уже далеки отъ тѣхъ, которыя высказывалъ напр. за сто лѣтъ назадъ Стаффордъ, утверж-

*) Рошеръ, 35—36.

**) Tr. Twiss, 81—82. Roscher, 75—76.

дая, что Англія тратитъ ежегодно болѣе ста тысячъ фунтовъ на покупку у иностранцевъ совершенно пустыхъ товаровъ, не имѣющихъ никакой цѣнности. Очевидно, что воззрѣнія англійскаго общества на цѣну и цѣнность съ тѣхъ поръ во многомъ успѣли измѣниться. Пока понятія о полезности, цѣнности и цѣнѣ смѣшивались вмѣстѣ, до тѣхъ поръ не могли твердо установиться на научныхъ основаніяхъ и воззрѣнія на торговлю. Каждая нація того времени, по мысли Тунса, смотрѣла на свои вывозные товары какъ на предметы необходимости, а на товары иностранные—какъ на излишества; поэтому иностранная торговля представлялась непрерывнымъ повтореніемъ проигрышей вслѣдствіе мѣны полезныхъ товаровъ на пустяки, если, разумѣется, убытокъ не возмѣщался ввозомъ монеты.

Труды Чайльда, Петти и другихъ расширяли экономическія понятія и подготовляли почву къ новымъ воззрѣніямъ на экономическую дѣятельность человѣка. Послѣдній писатель, напр. въ противоположность съ первымъ, уже не вѣритъ въ благодѣтельность государственныхъ предписаній съ цѣлью пониженія процента: на мѣсто ихъ онъ указываетъ только общія мѣры, которыя должны усилить кредитъ и торговую дѣятельность. Такимъ образомъ въ Англіи XVII вѣка денежный балансъ былъ окончательно отвергнутъ, и выгодныя послѣдствія оправдали эту мѣру. Вѣра въ полезность регламентаціи и государственнаго вмѣшательства уже была сильно подорвана на многихъ сторонахъ народной жизни, начиная съ монополій и кончая промышленной и денежной политикой. Оставалось идти дальше въ томъ же направленіи—логическимъ путемъ развивать разъ выставленныя положенія и производить новые выводы.

Это и сдѣлалъ въ 1691 году сэръ Дёдлей Нортъ, ко-

торый по справедливости можетъ считаться первымъ фритредеромъ *).

Мы знаемъ уже, сколько замѣчательныхъ мыслей было высказано предшествовавшими писателями по разнымъ экономическимъ вопросамъ въ то время, когда на континентѣ еще продолжалось полное господство узкой и исключительной меркантильной системы. Но ни одинъ изъ современниковъ Норта не представилъ такой цѣльной и послѣдовательно проведенной системы *свободной торговли.* Дѣдлей Нортъ смѣло порвалъ всѣ связи съ меркантилизмомъ и объявилъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической дѣятельности народа. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ впереди ближайшихъ писателей XVIII вѣка, и даже почти до временъ Адама Смита.

Сочиненіе Норта носитъ названіе „Разсужденія о торговлѣ", вышло въ свѣтъ безъ подписи автора и

*) Считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о самой личности Дѣдлея Норта. Онъ былъ изъ аристократическаго рода, но, какъ второй сынъ, избралъ своей профессіей торговлю, велъ ее преимущественно на Востокѣ и поэтому прожилъ долгое время въ Россіи (по Туиссу) и въ Турціи. Здѣсь онъ хорошо познакомился со всѣми подробностями русской и левантской торговли, что отразилось замѣтно на самомъ его сочиненіи. Но будучи человѣкомъ замѣчательнаго ума и способностей, сэръ Дѣдлей Нортъ былъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ далеко не безупречнымъ: по выраженію Маколея „съ нестрогими правилами и безчувственнымъ сердцемъ". Возвратясь домой въ Англію, онъ является крайнимъ низкопоклонникомъ и угодникомъ Стюартовъ. Такъ, во время торійской реакціи при Карлѣ II, онъ былъ сдѣланъ шерифомъ, чтобы помогать мстительности двора, и дѣйствительно при немъ жюри всегда выносили обвиненіе. Въ награду онъ былъ сдѣланъ, между прочимъ, альдерманомъ и коммиссіонеромъ таможенъ. При Іаковѣ II онъ былъ членомъ парламента и игралъ въ немъ видную роль. Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты изъ Маколея, который далеко не отличается въ своей исторіи безпристрастіемъ къ партіи тори, къ которой принадлежалъ Нортъ.

долго составляло большую рѣдкость, пока его не перепечатали въ настоящемъ вѣкѣ *). По свидѣтельству его біографа, сэръ Дёдлей Нортъ всегда сильно возставалъ противъ неправильностей денежной политики: онъ смотрѣлъ, по его словамъ, на чеканенную монету какъ на товаръ, употребляемый для вѣрности и удобства, какъ мѣру всѣхъ другихъ вещей, причемъ предполагается, что монета въ дѣйствительности вѣситъ то, что въ ней означено. Но если послѣдняго условія не существуетъ, то это будетъ уже обманъ—все равно какъ кусокъ матеріи съ числомъ ярдовъ менѣе принятаго, и ведетъ за собой вредныя послѣдствія:

*) Discourses upon Trade principally directed to the Cases of the Interest, Coinage, Clipping, Increase of Money. London. Printed for Thomas Basset etc.. 1691. Мы пользовались первымъ эдинбургскимъ изданіемъ 1822 года. По словамъ Туисса, вниманіе публики на это сочиненіе прежде всѣхъ обратилъ извѣстный Макколохъ въ предисловіи къ своему изданію Ад. Смита. По поводу его книги Рошеръ строитъ замысловатое предположеніе, съ которымъ мы не можемъ совершенно согласиться. По его мнѣнію, съ паденіемъ Стюартовъ Нортъ очутился въ неловкомъ положеніи и „его книга написана въ надеждѣ, черезъ эту несомнѣнную заслугу, улучшить свое скомпрометированное положеніе.“ Однако Нортъ, по словамъ Рошера, ошибся въ своемъ ожиданіи найдти новое правительство склоннымъ къ принятію началъ свободной торговли. Напротивъ, оно прямо повернуло къ покровительственной и запретительной системѣ. „Welch ein Schrecken für unsern North!“ такъ восклицаетъ почтенный экономистъ. „Ein Mensch von seinem Character hat es da gewiss bitter bereuet, unliebsame Wahrheiten in vortrefflicher Form publiciert zu haben. Das räthselhafte Verschwinden seines Werkes, über hundert Jahre lang, wird sich auf diese Art recht einfach erklären lassen“ (стр. 87). Это предположеніе Рошера намъ кажется мало вѣроятнымъ, хотя и остроумнымъ, такъ какъ совпадаетъ съ характеристикой Норта, какъ человѣка. Противъ него говорятъ слѣдующія соображенія. Во 1-хъ, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы авторъ самъ считалъ свою брошюру „несомнѣнной заслугой“ (unzweifelhafte Verdienste): въ настоящее время трудъ Норта конечно можетъ быть признанъ таковой, ибо онъ, еще за 60 лѣтъ до физіокра-

такія деньги падаютъ въ цѣнѣ, предметы, наоборотъ, поднимаются и весь рынокъ регулируется согласно этому измѣненію.

Сдѣлавшись членомъ парламента, Нортъ рѣшился поднять оружіе противъ всякой порчи монеты въ видахъ полученія правительствомъ большаго дохода; но парламентъ былъ распущенъ, и онъ лишился всякой возможности провести свой любимый вопросъ. Между тѣмъ бѣдствія отъ дурной монеты сдѣлались, по словамъ біографа, невыносимы и Дёдлей Нортъ, не имѣя

товъ, представилъ систему свободной торговли; но въ XVII вѣкѣ, когда политическая экономія какъ наука не существовала, Нортъ не могъ считать свое „разсужденіе" за заслугу, которую ждетъ награда. Напротивъ, онъ не рѣшается даже выставить на книгѣ свое имя и говоритъ въ предисловіи отъ третьяго лица, называя свои мнѣнія „парадоксами". Прекращеніе правительствомъ выпуска недоброкачественной монеты и ограниченіе правительственной опеки, слѣдовательно и власти,—составляютъ краеугольный камень сочиненія Норта и конечно такія мнѣнія не могутъ считаться средствомъ „выслуги" передъ правительствомъ, которому эти мѣры предложены. Во 2-хъ, книга появилась въ 1691 г., т. е. черезъ три года послѣ революціи, когда внутренняя политика успѣла вполнѣ опредѣлиться введеніемъ множества косвенныхъ налоговъ, слѣдовательно не могло быть мѣста никакому разочарованію Норта въ характерѣ этой политики. Нельзя и думать, чтобы Нортъ, человѣкъ чрезвычайно умный, могъ ожидать, что его „парадоксы" о свободной торговлѣ будутъ тотчасъ же приняты новымъ правительствомъ для руководства. Въ 3-хъ, исчезновеніе книги Норта изъ продажи уже въ XVII вѣкѣ и на весь XVIII вѣкъ, Рошеръ, на основаніи приведенныхъ имъ догадокъ, очевидно *считаетъ изъятіемъ книги изъ обращенія* самимъ авторомъ. Между тѣмъ самый фактъ исчезновенія книги еще подлежитъ сомнѣнію, ибо основывается на одномъ только темномъ выраженіи въ его біографіи, и его слѣдовало бы доказать, прежде нежели на немъ строить цѣлыя соображенія. Макколохъ, напримѣръ—а онъ въ этомъ вопросѣ авторитетнѣе всѣхъ—высказываетъ рѣшительное сомнѣніе и увѣряетъ, что онъ даже самъ видѣлъ оригинальное изданіе въ двухъ экземплярахъ (см. объ этомъ въ его—The Literature of Political Economy, 1845, стр. 43).

средствъ дѣйствовать самолично, вздумалъ достичь этого черезъ немногочисленныхъ своихъ друзей—членовъ парламента. „Для того, чтобы побудить ихъ, Нортъ изложилъ свои воззрѣнія на деньги и торговлю печатнымъ образомъ въ формѣ брошюры“ *). Такимъ образомъ сочиненіе Норта издано было не для публики, а для его немногихъ друзей, чѣмъ очень просто и объясняется его значительная рѣдкость до настоящаго времени **).

Замѣчательный трудъ перваго англійскаго фритреде-

---

*) См. Advertisement издателей Норта. Discourses upon Trade by Sir D. N. Edinburgh, reprinted by James Ballantyne and C°; MDCCCXXII.

**) Извѣстно, что у англичанъ существуетъ обычай издавать книги и особенно брошюры только для *раздачи* друзьямъ или членамъ извѣстнаго клуба или партіи. Это называется—изданіе „*for private circulation*“, въ отличіе отъ книгъ для публики и продажи—„*for general circulation*“. Д. Нортъ, нѣтъ сомнѣнія, издалъ свою книгу именно for private circulation—для нѣкоторыхъ своихъ сторонниковъ. Этимъ объясняется и тотъ презрительный тонъ, который авторъ позволяетъ себѣ въ предисловіи относительно публики: онъ обзываетъ ее „безпощаднымъ животнымъ, которое не пропускаетъ ни одного промаха и непрощаетъ его“; публика, далѣе, по его словамъ, „неблагодарна не менѣе нищихъ, которые бранятъ своихъ благодѣтелей ...“ и т. п. Едва ли бы онъ сталъ говорить такимъ языкомъ, еслибы напечаталъ книгу для всеобщаго обращенія. Приведенное объясненіе Рошера скорѣе всего можно приписать недоразумѣнію. Біографъ Норта (его младшій братъ) выражается весьма темно о судьбѣ его книги: „It is certain,“ говоритъ онъ, „that it is, and has been ever since, utterly sunk“ (т.-е. въ родѣ того - вѣрно то̀, что она (книга) съ тѣхъ поръ навсегда и совершенно исчезла, или же была уничтожена, и далѣе: „was not to be had for money“—что ее нельзя было имѣть за деньги (т.-е. не обращалась въ продажѣ). Рошеръ неточно перевелъ эту фразу: „kein Exemplar seiner Schrift für Geld *mehr* zu haben sei“, что̀ уже сообщило фразѣ другой смыслъ и вызвало его объясненія. Впрочемъ догадку объ исчезновеніи книги на основаніи сказанныхъ словъ біографа дѣлали и раньше его эдинбургскіе издатели 1822 года.

ра состоитъ изъ четырехъ частей,—предисловія, разсужденія о пониженіи процента, разсужденія о монетѣ и наконецъ постскриптума или заключенія. Если по своему содержанію сочиненіе Норта во многомъ ушло дальше современниковъ, то этого нельзя сказать о формѣ; въ этомъ отношеніи Нортъ далеко ниже напримѣръ хоть Миссельдена: его сочиненіе отличается полнымъ отсутствіемъ всякой системы, почему онъ нѣсколько разъ возвращается въ каждомъ изъ отдѣловъ къ одному и тому же вопросу. Въ виду этого обстоятельства, излагая воззрѣнія Норта, мы не будемъ строго придерживаться принятаго имъ размѣщенія. Сначала обратимся къ его разсужденіямъ о деньгахъ, потомъ— объ интересѣ или процентахъ и въ заключеніе—о торговлѣ *).

Золото и серебро отличаются отъ другихъ металловъ своей красотой и рѣдкостью, почему и высоко цѣнятся; небольшое количество ихъ ставится наравнѣ съ большимъ—другихъ металловъ. Кромѣ того благородные металлы не уничтожаются, т.-е. не ржавѣютъ, и легко и удобно перемѣщаются. На этомъ основаніи, а вовсе не благодаря законамъ (not from any Laws) они сдѣлались мѣрой или мѣриломъ для опредѣленія цѣны другихъ товаровъ (стр. 2.) Деньги, которыя изъ нихъ

---

*) Совершенно непонятны для насъ слова Рошера, что сочиненіе Норта будто-бы отличается превосходной формой (vortrefflicher Form). Начать съ того, что Нортъ внѣшней неудовлетворительности и безсистемности книги приписываетъ въ предисловіи причину, по которой авторъ не желалъ, будто бы, обозначить свое имя на его сочиненіи. Наконецъ и самъ Рошеръ называетъ на другой же страницѣ эту форму schmucklos und ungezwungen; онъ-же нашелъ невозможнымъ знакомить съ трудомъ Норта въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ написанъ, и приводитъ его содержаніе въ болѣе систематическій видъ (см. у Рошера стр. 87 и далѣе).

дѣлаются, суть ничто иное какъ *вѣсы* и *мѣры* (Weights and Measures), которыми торговля болѣе удобно ведется, чѣмъ это было бы безъ нихъ, а также—удобный фондъ для сбереженія излишковъ капитала. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что націи, которыя очень бѣдны, употребляютъ въ началѣ ихъ торговли вмѣсто монеты что-нибудь иное: такъ Швеція употребляетъ мѣдь; нѣкоторыя колоніи—сахаръ и табакъ. Какъ только ихъ богатства увеличиваются, онѣ переходятъ къ употребленію золота и серебра...." (стр. 16). Итакъ, благородные металлы выбраны для денегъ, потому что представляютъ больше удобствъ. Но слитки металла употреблять какъ деньги представило бы много затрудненій: пришлось бы каждый разъ опредѣлять качество и количество металла. Поэтому и выдуманы монеты съ извѣстнымъ изображеніемъ и вѣсомъ, а слѣдовательно и съ опредѣленною цѣнностью. Это облегчило значительно всѣ коммерческія сношенія. Но деньги, служа мѣрой для обмѣна, въ то же время и сами составляютъ товаръ такой же, какъ и всѣ другіе и на нихъ также можетъ быть недостатокъ и изобиліе. Въ этомъ случаѣ деньги берутся тамъ, гдѣ ихъ много, отвозятся съ хорошимъ барышомъ туда, гдѣ ихъ мало и гдѣ желаютъ ихъ получить, какъ и всякій другой товаръ. Такъ дѣятельная и благоразумная нація становится богата, лѣнивая—бѣдна; никакая другая политика тутъ не можетъ пособить кромѣ той, которая благопріятствуетъ увеличенію торговли (trade) и богатства. Это положеніе, какъ оно ни просто, однако рѣдко понимается большинствомъ человѣчества: до сихъ поръ стараются удержать въ своей странѣ золото и серебро, разсчитывая черезъ это немедленно разбогатѣть, что составляетъ однако *глубокую ошибку* и всегда служило препятствіемъ къ возрастанію богатства многихъ странъ. Но

вопросъ этотъ гораздо лучше выяснить, если взять частный примѣръ. Положимъ будетъ постановленъ законъ, что никакой человѣкъ не можетъ вывозить денегъ изъ извѣстнаго города, провинціи или уѣзда, хотя и въ правѣ везти товары всякаго рода, такъ что всѣ деньги, которыя каждый принесетъ туда съ собой, долженъ тамъ и оставить, не вывозя назадъ. Послѣдствіемъ такой мѣры было бы, что этотъ городъ или провинція сдѣлались бы отрѣзаны ото всей націи и никто не посмѣлъ бы явиться на тамошній рынокъ съ деньгами, по той причинѣ, что онъ долженъ непремѣнно покупать, желаетъ ли этого или нѣтъ. Съ другой стороны, жители этого города не могутъ идти на другіе рынки—какъ покупатели, а только какъ продавцы, не имѣя позволенія вывозить съ собой денегъ. „Итакъ, заключаетъ Нортъ,—это постановленіе не приведетъ ли скоро городъ въ жалкое состояніе сравнительно съ сосѣдями, которые имѣютъ свободную торговлю, при чемъ трудолюбивый пріобрѣтаетъ насчетъ лѣнивой части человѣческаго рода? Случай будетъ тотъ же самый, если распространить приведенный примѣръ на весь свѣтъ или на нѣкоторыя націи и правительства. Нація, ограниченная въ ея торговлѣ, въ которой золото и серебро составляютъ важную, если не самую существенную, вѣтвь, точно также должна пострадать и обѣднѣть, какъ и означенный городъ. Нація относительно всего свѣта, въ торговлѣ есть то же, что одинъ городъ въ королевствѣ, или одна семья въ городѣ“ (стр. 14—15).

Разобравши одинъ предразсудокъ относительно денегъ, Нортъ переходитъ къ другому. Очень часто и съ разныхъ сторонъ слышатся жалобы на недостатокъ денегъ. Не находитъ кто-нибудь покупателя для своихъ товаровъ или находится въ иномъ подобномъ

же затрудненіи, сейчасъ жалуется на недостатокъ денегъ: это сдѣлалось всеобщимъ крикомъ. Между тѣмъ такой взглядъ на причины этимъ неудачъ совершенно ошибоченъ: „Никакой человѣкъ не дѣлается богаче, владѣя своимъ имуществомъ въ формѣ денегъ, или драгоцѣнныхъ вещей, лежащихъ передъ нимъ, но напротивъ по этой причинѣ онъ дѣлается бѣднѣе. Тотъ человѣкъ богатѣетъ, котораго имѣніе заключается въ обработываемой землѣ, въ деньгахъ, отданныхъ въ ростъ, или товарахъ въ торговлѣ. Ежели же какой-нибудь безразсудный человѣкъ вздумалъ бы обратить свое состояніе въ деньги и держать ихъ безъ употребленія, то онъ, уничтожая свой капиталъ, очень скоро почувствовалъ бы бѣдность“. „Но изслѣдуемъ этотъ вопросъ ближе. Кто жалуется теперь на недостатокъ денегъ? Начнемъ съ нищаго: онъ жалуется, что теперь стало мало денегъ. Но зачѣмъ онѣ ему нужны?— Чтобы купить хлѣба. Итакъ, слѣдовательно, дѣло не въ деньгахъ, а въ хлѣбѣ и другихъ необходимостяхъ жизни, въ которыхъ нищій нуждается. Далѣе, на недостатокъ денегъ жалуется фермеръ: ему нужны деньги для поддержанія жизни и уплаты долговъ; онъ думаетъ, что еслибы въ странѣ было болѣе денегъ, онъ получилъ бы лучшую цѣну за свои продукты. Но въ этомъ случаѣ нужда опять-таки не въ деньгахъ, а въ хорошей цѣнѣ за хлѣбъ и скотъ, которые фермеръ желалъ бы продать, но не можетъ. Спрашивается, отчего же тогда онъ не можетъ найдти покупателей? На это можетъ быть нѣсколько причинъ: во 1-хъ, можетъ быть слишкомъ много скота и хлѣба въ странѣ, такъ что рынокъ переполненъ, продавцовъ гораздо больше, чѣмъ покупателей; во 2-хъ, это можетъ зависить отъ недостатка продажи за границу, во время войны напр., когда торговля не безопасна или недозволена; въ 3-хъ,

причиной можетъ быть уменьшеніе потребленія вслѣдствіе упадка народа и обѣднѣнія. Ясно, что совсѣмъ не деньги найдутъ сбытъ продуктамъ фермера, а устраненіе той изъ этихъ трехъ причинъ, которая лишаетъ его рынка" (стр. 12). Вообще, по мнѣнію Норта, *въ странѣ не можетъ быть ни много, ни мало денегъ, а всегда столько, сколько нужно для оборота.* Во время войны денегъ меньше, потому что каждый для безопасности старается ихъ держать при себѣ, но въ мирное время онѣ опять поступаютъ въ обращеніе. Излишекъ же денегъ, гдѣ ихъ много, переплавляется или даже въ формѣ монеты уходитъ туда, гдѣ на деньги стоитъ лучшая цѣна. При этомъ заслуживаетъ осужденія англійскій законъ, по которому частнымъ лицамъ дозволяется на монетномъ дворѣ *даромъ* чеканить свои слитки въ монету; послѣдствіемъ этого являются, сообразно съ колебаніями рынка, то чеканка монеты изъ слитковъ, то обратно переливка ея въ слитки для вывоза: слѣдовательно—потеря труда и казенныхъ издержекъ, а выгода только золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Еще рѣшительнѣе Нортъ возстаетъ противъ порчи монеты правительствомъ какъ относительно вѣса, такъ и относительно пробы. Онъ прямо называетъ это дѣйствіе обманомъ, невыгоднымъ для народа (Postscrip. и Pref.) *).

Говоря о ростѣ или процентахъ, Дöдлей разбираетъ мнѣнія, намъ уже знакомыя, изъ Кольпепера и Чайльда о выгодахъ пониженія роста: онъ вездѣ является рѣшительнымъ защитникомъ свободной дѣятельности въ этомъ отношеніи. Чѣмъ болѣе какого-нибудь товара

---

*) Въ концѣ XVII в. ходило много дурной монеты и не по прямой винѣ правительства, именно стертой и обрѣзанной. Нортъ, вѣроятно, все соединяетъ вмѣстѣ, желая для страны хорошихъ и полновѣсныхъ денегъ.

предлагается на рынкѣ, тѣмъ болѣе его цѣна падаетъ; то же самое и съ процентомъ: онъ зависитъ отъ отношенія между числомъ предлагателей капитала и числомъ заемщиковъ; чѣмъ больше первыхъ, тѣмъ процентъ ниже. Поэтому не низкій процентъ создаетъ торговлю, а возрастаніе торговли дѣлаетъ наоборотъ процентъ низкимъ. При низкомъ процентѣ большое количество монеты переливается и превращается въ разнаго рода издѣлія для употребленія богатыхъ людей, слѣдовательно деньги даже извлекаются изъ торговли; напротивъ при высокомъ процентѣ благородные металлы невыгодно держать мертвыми, а потому они переходятъ въ деньги. Но мало того: процентъ ниже подъ имущественное, нежели подъ личное обезпеченіе; между тѣмъ первое могутъ давать въ большинствѣ случаевъ только лица занимающія деньги для расходовъ на роскошь (землевладѣльцы), напротивъ торговцы сравнительно бѣдны капиталами и занимаютъ поэтому подъ гораздо высшій процентъ; т. е. для полезныхъ цѣлей ростъ выше, нежели для расточительности. „И этого, замѣчаетъ Нортъ, никакими законами измѣнить нельзя". Всякія законодательныя попытки понизить процентъ онъ находитъ недѣйствительными уже по изложеннымъ резонамъ. Высота процента опредѣляется числомъ заимодавцевъ и занимающихъ, и, слѣдовательно, если это отношеніе не въ пользу закона, то всегда будутъ уклоненія: найдутся тысячи способовъ обойдти законъ. Самое лучшее послѣдовать примѣру голландцевъ и предоставить назначеніе процента свободному соглашенію лицъ. Государство дѣйствуетъ непослѣдовательно, стремясь опредѣлить высоту процента или, по выраженію Норта, ренты на деньги (Rent for Stock) и въ то же время оставляя свободнымъ опредѣленіе ренты на землю (Rent

for Land): что дѣлается для одного, нужно бы сдѣлать и для другаго. Такимъ образомъ: нація преуспѣваетъ, дѣлается богаче—и процентъ падаетъ; наоборотъ, нація бѣднѣетъ—и ростъ поднимается (стр. 4—8).

Но нація богатѣетъ только благодаря *торговлѣ и промышленности*; источниками же послѣднихъ является трудъ человѣческій, который увеличиваетъ капиталъ. Если, положимъ, страна не имѣетъ ничего, т. е. никакой промышленности кромѣ земли, то жители ея добываютъ произведенія этой земли, роютъ металлы, везутъ все это за границу и снабжаютъ себя иностранными продуктами. Въ теченіе времени, если народъ работаетъ трудолюбиво, то онъ не только будетъ достаточно снабженъ, но получится даже избытокъ иностранныхъ товаровъ, который увеличитъ его торговлю. „Такъ англійская нація будетъ продавать французамъ, испанцамъ, туркамъ не только свои собственные продукты, какъ сукно, олово, свинецъ и т. д., но и произведенія, купленныя въ другихъ странахъ, какъ сахаръ, перецъ, коленкоръ, покупая эти товары дешево на мѣстахъ производства и перепродавая ихъ съ большою для себя выгодой тамъ, гдѣ въ нихъ нуждаются“ (стр. 12—13). Въ торговлѣ отдѣльныя націи относятся ко всему свѣту такъ, какъ отдѣльные города къ странѣ, или семейства къ городу: какъ въ городѣ нѣкоторыя лица богатѣютъ больше остальныхъ, такъ и нѣкоторыя націи сравнительно съ ихъ сосѣдями. Но главное побужденіе къ труду составляютъ потребности человѣка, которыя онъ стремится удовлетворить, и чѣмъ больше этихъ потребностей, тѣмъ сильнѣе и стремленіе. Поэтому, еслибы люди довольствовались только самыми насущными необходимостями, весь свѣтъ былъ бы весьма бѣденъ“. Отсюда является необходимый выводъ, что всякія ограниченія этого

стремленія людей къ расширенію своихъ потребностей должны влечь за собой вредное послѣдствіе—удерживать возрастаніе богатства. Согласно этой мысли, Дёдлей Нортъ сильно возстаетъ противъ старыхъ *законовъ о роскоши.* „Страны, которыя имѣютъ такіе законы, вообще бываютъ бѣдны, такъ какъ люди этими законами ограничены въ своихъ тратахъ болѣе, нежели они того бы желали; этимъ самымъ они ограничиваютъ и промышленность, которая была бы въ дѣйствіи для удовлетворенія лишнихъ потребностей въ полномъ размѣрѣ не сдѣланныхъ тратъ или издержекъ“ (14—15). Впрочемъ авторъ допускаетъ, что отдѣльныя семейства могутъ имѣть пользу отъ такихъ законовъ (may be supported by such means), но за то увеличеніе богатства страны будетъ задержано: никогда народъ не богатѣетъ лучше, чѣмъ когда богатства переходятъ изъ рукъ въ руки. Точно также Нортъ возстаетъ противъ предразсудка многихъ лицъ относительно употребленія богатыми золотой или серебряной посуды и другихъ вещей, сдѣланныхъ изъ благородныхъ металловъ. Они думаютъ, что еслибъ эту посуду перелить въ монету, то торговля увеличилась бы и рынокъ былъ бы лучше. Нортъ ссылается для опроверженія на извѣстныя уже намъ его воззрѣнія на деньги, какъ на товаръ, подлежащій слѣдовательно всѣмъ тѣмъ же явленіямъ и правиламъ, какъ и другіе товары. „Монета, говоритъ онъ,—есть мануфактурное произведеніе изъ благороднаго металла, получаемое на монетномъ дворѣ. Слѣдовательно, если есть матеріалъ (въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей) и есть работники, то нелѣпо (absurd) толковать о недостаткѣ самыхъ произведеній, т. е. монеты“. „Еслибы вышелъ законъ, продолжаетъ Нортъ,—который запретилъ бы употребленіе золотой и серебряной утвари, то онъ оказался бы

въ высшей степени стѣснительнымъ и вреднымъ для богатства и торговли страны. Такія издѣлія изъ благородныхъ металловъ, которыя каждый человѣкъ имѣетъ у себя въ домѣ, составляютъ для націи солидный фондъ...“ (Postscript.). Нѣкоторые также дѣлаютъ возраженіе противъ полезности внутренней торговли, утверждая, что для страны выгодна только торговля съ иностранцами. На это авторъ возражаетъ, что все, что обыкновенно разумѣется подъ именемъ богатства, дѣйствительно не можетъ поддерживаться безъ иностранной торговли, но и въ свою очередь эта послѣдняя не можетъ существовать безъ торговли внутренней; слѣдовательно обѣ торговли связаны вмѣстѣ“ (стр. 16). Народъ такимъ образомъ, по мысли Норта, богатѣетъ только съ помощью той и другой торговли, а не одной иностранной, какъ думали меркантилисты, и притомъ не деньги рождаютъ богатство, а наоборотъ богатство—деньги. „Когда нація, говоритъ онъ,—сдѣлается богатой, золото, серебро, драгоцѣнные металлы, однимъ словомъ все полезное или желаемое будетъ находиться въ изобиліи. Вслѣдствіе изобилія денегъ продукты земли будутъ продаваться дороже нежели прежде, когда народъ былъ бѣднѣе: за откормленнаго быка напр. нѣкогда платили шиллинги, а теперь фунты“. То же будетъ имѣть мѣсто относительно и заработной платы и всего прочаго: „здѣсь подтверждается, говоритъ Нортъ,—*общій законъ (Universal Maxim), который я построилъ*: изобиліе какого-нибудь предмета дѣлаетъ его дешевле“. (Postscript.)

Изъ всего своего ученія о торговлѣ авторъ резюмируетъ нѣсколько общихъ выводовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній, которыя, по справедливымъ словамъ самого автора, „можетъ быть, покажется страннымъ слышать“ въ XVII вѣкѣ. Онъ утверждаетъ:

„Что *весь свѣтъ* относительно торговли *составляетъ какъ бы одну націю или народъ*, а всѣ отдѣльныя націи — все равно какъ индивиды одного народа;

„Что потеря торговли (trade) одной націи не составляетъ несчастіе только для ней одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ (общими интересами).

„Что не можетъ существовать торговли невыгодной для народа, ибо еслибы таковая оказалась, люди ее оставили бы, а гдѣ торговцы (промышленники) преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ.

„Что нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо что дается одному подданному, то берется у другаго.

„Что никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣны въ торговлѣ, которыя должны устанавливаться сами; а если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія.

„Что вывозъ денегъ въ торговлѣ увеличиваетъ богатство націи, но траты на войну. . . . способствуютъ обѣднѣнію" и т. д.

Свою замѣчательную книгу Дёдлей Нортъ оканчиваетъ слѣдующими характерными словами: „Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но *только миръ, трудолюбіе и свобода создали торговлю и богатство*".

Сочиненіе Норта представляетъ цѣльную систему ученія о свободной торговлѣ: въ ней достаточно выражены главнѣйшіе пункты современной школы laissez-faire, laissez-passer, и остается только развить и по-

полнить нѣкоторыя подробности, чтобъ его книгу сдѣлать вполнѣ удобной для чтенія въ настоящее время. Онъ не только не считаетъ деньги за единственное богатство, какъ дѣлала большая часть его современниковъ, но даже несчитаетъ ихъ и источникомъ богатства, признавая таковымъ трудъ. Нортъ порываетъ почти всякую связь со старыми воззрѣніями. Во главѣ прежней внутренней политики стояло задачей, какъ мы видѣли, водворить съ помощью государственной власти благополучіе, хотя бы и цѣной нѣкоторой потери для возрастанія народнаго богатства. На первомъ планѣ выступала цѣль государства—устраненіе экономическихъ бѣдствій, и только на второмъ—увеличеніе производства и черезъ это богатства. Взгляды Норта значительно разнятся отъ этого порядка: у него на первомъ мѣстѣ стоитъ богатство страны, а для того усиленное производство. Богатство страны отожествляется у него съ ея благополучіемъ или благосостояніемъ, и такимъ образомъ обѣ цѣли сливаются въ одну. Но богатство страны или народа слагается изъ отдѣльныхъ богатствъ различныхъ индивидовъ, и слѣдовательно національное богатство должно рости по мѣрѣ того, какъ каждый индивидъ прибавляетъ нѣчто къ тому, чѣмъ онъ владѣетъ. При этомъ каждое ограниченіе, вмѣшательство, составляетъ препятствіе къ пріобрѣтенію человѣкомъ богатства, и онъ всегда выиграетъ избѣгая его. Отсюда всякое законодательное вмѣшательство дѣйствуетъ какъ помѣха къ производству и должно быть отвергнуто здравою политикой.

Таковъ логическій путь мышленія, которому долженъ былъ слѣдовать Дедлей Нортъ, чтобы придти къ отрицанію государственной опеки и къ системѣ свобод-

ной торговли *). Онъ идетъ отъ частнаго къ общему— отъ понятія и условій богатства индивида къ понятію и условіямъ богатства цѣлаго народа. Государственное богатство, по его представленіямъ, есть простая совокупность частныхъ имуществъ. „Богатые, говоритъ онъ, — передаютъ что имѣютъ своему потомству, и черезъ это отдѣльныя фамиліи дѣлаются богаты; и такимъ образомъ слагаются города, страны, націи....“ (стр. 3).

Въ другомъ мѣстѣ, въ разсужденіи о деньгахъ, свои выводы объ одномъ городѣ онъ цѣликомъ примѣняетъ ко всякой націи и странѣ (стр. 14); ему кажется это вполнѣ естественно. *Частные, личные интересы уже не отдѣляются у него отъ общенародныхъ или государственныхъ*, какъ это дѣлалось меркантилистами. Мéнъ, напр., мы видѣли, въ вопросѣ объ иностранной торговлѣ различалъ выгоду купца (т. е. частнаго лица), выгоду государства и выгоду короля (т. е. собственно правительства). Строя систему свободной торговли изъ наблюденій надъ индивидуальными условіями производства богатства, Дёдлей Нортъ долженъ былъ откинуть это различіе и признать всѣ интересы тождественными. Отсюда же его воззрѣнія на весь міръ какъ на одну семью изъ націй, преслѣдующихъ однородныя цѣли и интересы въ торговлѣ. Эти идеи Норта, еще недостаточно выясненныя, получили свое дальнѣйшее развитіе у Ад. Смита и у новѣйшихъ экономистовъ школы свободной торговли, или т. н. манчестерской партіи. Индивидуализмъ воззрѣній этой школы, который проглядываетъ у Норта, имѣетъ тѣсную связь съ частно-

---

*) См. любопытное сопоставленіе у американскаго экономиста John Rae: Statement of some new Principles on the subject of Political Economy. Boston. 1834, стр. 7.

правовымъ характеромъ средневѣковаго строя, отъ котораго меркантилисты успѣли уже до нѣкоторой степени отрѣшиться. Несмотря на свою преемственность по времени и сущности многихъ своихъ выводовъ, сторонники системы свободной торговли въ помянутомъ отношеніи остались позади своихъ соперниковъ—меркантилистовъ. *) Эта черта ихъ направленія, какъ увидимъ позднѣе, привела логически ко многимъ весьма одностороннимъ построеніямъ и ошибкамъ. Такимъ образомъ происходитъ замѣчательное явленіе: вновь рождающаяся съ Нортомъ экономическая система, безъ сомнѣнія, представляетъ рѣшительный прогрессъ мысли; съ другой же стороны, взявши ошибочную исходную точку, школа свободной торговли возвращаетъ мысль къ старому, обветшалому міровоззрѣнію и въ наше время, спустя болѣе полутораста лѣтъ, даетъ поводъ къ новой реакціи.

*) Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить, напримѣръ, воззрѣнія Джемса Стьюарта и Адама Смита на цѣль и задачи государственной власти. См. J. Steuart: Jnquiry into the Principles of Political Economy etc 1767. Capit. XV. Также A. Smith: Wealth of Nations, Book V, Ch. I.

ГЛАВА IV.

Локкъ и причины развитія англійскаго пауперизма.—Воззрѣнія его современниковъ на этотъ вопросъ.—Положеніе англійскаго народа въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка.—Предшественники А. Смита: Джосуа Джи, Дж. Стьюартъ, Давидъ Юмъ и др.—Англійская промышленность и торговля наканунѣ появленія труда Адама Смита.

Идеи Дёдлея Норта о необходимости свободной торговли еще долго не перешли въ практику. Если онъ, какъ предполагаетъ Рошеръ, разсчитывалъ на либеральную политику новаго правительства Вильгельма Оранскаго, то совершенно ошибся въ своихъ ожиданіяхъ и показалъ вмѣстѣ съ тѣмъ незнаніе современнаго положенія своей страны. Въ Англіи того времени только-что начала устанавливаться система постоянныхъ налоговъ, и съ этого царствованія она получаетъ прочное развитіе. Главную роль между новыми налогами играютъ косвенные—акцизы и таможенныя пошлины, наиболѣе стѣстѣсняющіе свободу торговли и промышленности, за которую ратовалъ Нортъ. Въ иностранной торговлѣ установилась самая строгая покровительственная и даже запретительная система. Нѣкоторыя отрасли отечественной промышленности поощрялись не только запрещеніемъ *ввоза* иностранныхъ продуктовъ, но даже

государственными *преміями на вывозъ*; такія преміи напр. были введены для вывоза хлѣба въ видахъ покровительства собственному земледѣлію, или, вѣрнѣе, интересамъ землевладѣльцевъ.

Очевидно, что, при существованіи такой политики, воззрѣнія Норта могли мало найдти сторонниковъ. Самый свѣтлый умъ того времени—философъ Локкъ—стоялъ во многомъ на сторонѣ меркантилистовъ: онъ высказывается за соблюденіе торговаго баланса, рекомендуетъ поощреніе мануфактуръ и стоитъ за необходимость многихъ полицейскихъ регуляцій. Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ, Локкъ развиваетъ дальше мысли, высказанныя Нортомъ. Такъ, онъ считаетъ трудъ не только главнымъ, но почти единственнымъ опредѣлителемъ цѣнности каждаго продукта: „трудъ есть, говоритъ онъ,—то, что опредѣляетъ различіе цѣнности всякихъ вещей. Возьмите напр. акръ земли, засаженный табакомъ или сахарнымъ тростникомъ и засѣянный пшеницей или ячменемъ, и наконецъ тотъ же акръ необработанной земли; вы увидите тогда, что только улучшеніе труда составляетъ большую часть цѣнности.“ „Если мы возьмемъ, говоритъ онъ далѣе,—нѣкоторые изъ обыкновенныхъ предметовъ необходимости и проведемъ ихъ черезъ нѣсколько стадій обработки (several progresses) прежде чѣмъ они дойдутъ до нашего употребленія, мы увидимъ тогда, сколь многая часть ихъ цѣнности получается черезъ человѣческій трудъ. Хлѣбъ, вино и платье суть предметы ежедневнаго потребленія и находятся въ большомъ изобиліи; однако желуди, вода, листья или шкуры были бы еще нашимъ хлѣбомъ, питьемъ и одеждой, еслибы трудъ не снабдилъ насъ болѣе полезными предметами; все, чѣмъ хлѣбъ дороже желудей, вино—воды и сукно или шелкъ—листьевъ, кожъ или моху, все это всецѣло принадле-

житъ труду и индустріи" *). Въ своихъ представленіяхъ о даровыхъ силахъ природы, которымъ сообщаетъ цѣнность только трудъ человѣка, Локкъ слишкомъ на полвѣка опережаетъ физіократовъ. Это сходство воззрѣній Локка съ знаменитой французскою школой „экономистовъ" замѣчается и въ другихъ вопросахъ экономіи и финансовъ. „Страна дѣлается богатой или бѣдной, говоритъ онъ,— напр., смотря потому, какимъ дѣлается земледѣлецъ, и не иначе... Такъ какъ первый источникъ богатства заключается въ землѣ, то и общественныя потребности должны удовлетворяться удобнѣе всего налогомъ на землю... Какимъ бы путемъ налогъ ни взимался и изъ какихъ бы то ни было рукъ получался, но въ странѣ, гдѣ главнѣйшій фондъ—земля, онъ въ концѣ концовъ все-таки упадетъ на землю... Во всякой странѣ, гдѣ только взимаются налоги, наибольшая тягость ихъ чувствуется землей". Изъ косвенныхъ налоговъ Локкъ, повидимому, сочувствуетъ тѣмъ, которые служатъ для поощренія промышленности или падаютъ на предметы роскоши (fashionable commodities) **).

Но рядомъ съ занятіями философіей и экономической теоріей знаменитому писателю приходилось посвящать свой досугъ на разрѣшеніе вопросовъ экономической политики. Дѣло въ томъ, что со второй половины XVII столѣтія, несмотря на возрастаніе народнаго капитала, въ Англіи замѣчается значительное развитіе пауперизма. Число нищихъ и бѣдныхъ, поступающихъ на содержаніе приходовъ, сильно возрастаетъ, приходится увеличивать мѣстные налоги и придумывать спо-

---

*) Trav. Twiss: View of Pol. Economy, 86—89. Roscher, глава X.

**) John Locke: Essayon Interest and Value of Money 1691 (Murray's edit.). 1870, стр. 231, 256 и далѣе. См. также мою книгу объ англійскомъ акцизѣ, стр. 55—56.

собы положить конецъ бродяжничеству, которое ведетъ за собой нищета рабочихъ классовъ. Такое явленіе обусловливалось многими причинами, но мы укажемъ только на двѣ ближайшихъ, которыя наиболѣе ухудшили положеніе народа, хотя и увеличили производство страны. Какъ мы знаемъ, даже во времена Елизаветы каждый коттэджъ, нанимаемый сельскимъ рабочимъ, долженъ былъ непремѣнно имѣть при себѣ извѣстное количество земли для пользованія его семейства. Въ теченіе XVII в., съ возрастаніемъ населенія и цѣны земли, этотъ обычай вышелъ изъ употребленія; но для рабочихъ оставалось право пользованія общинными землями, а главное—выгонами, которые давали возможность каждому содержать корову и птицъ, что́, конечно, до нѣкоторой степени улучшало положеніе массы сельскаго населенія. Эти права принадлежали рабочему въ качествѣ члена извѣстной общины или прихода и были связаны съ его положеніемъ нанимателя коттэджа. Земля же въ сущности составляла собственность лорда и только находилась во владѣніи общины. Понятно, что съ возрастаніемъ ренты поземельные собственники начали смотрѣть съ сожалѣніемъ на эти обширные куски земли, которые много бы могли прибавить къ ихъ доходамъ, и вслѣдствіе этого обратились въ парламентъ за разрѣшеніемъ возстановить ихъ—нарушенное давностью — право владѣнія. Лишнимъ мотивомъ служило *народное благосостояніе*, благодаря будущей обработкѣ этихъ пустопорожнихъ земель, и парламентъ, находившійся тогда въ рукахъ землевладѣльцевъ, охотно выдавалъ свое согласіе: въ продолженіе только царствованія Георга II вышло до двухъ сотъ парламентскихъ актовъ (Inclosure Bills), дававшихъ различнымъ владѣльцамъ права отчужденія такихъ общинныхъ земель. Съ восшествія же на престолъ Георга III (1760)

и до 1832 г. число всѣхъ этихъ актовъ доходитъ до 3.635. Черезъ эту мѣру большое количество земли, служившей прежде только для пастбища, было приведено въ обработанный видъ и земледѣльческое производство расширилось; но въ то же самое время, однако, эти выгоды были получены насчетъ весьма существенныхъ потерь для значительной части сельскаго населенія. Въ огромномъ большинствѣ приходовъ сельскій рабочій былъ лишенъ пастбища, а съ нимъ и одного изъ своихъ немаловажныхъ источниковъ благосостоянія. Правда, что законъ назначаетъ нѣкоторое вознагражденіе со стороны собственника владѣльцу общинныхъ правъ, но эти деньги поступали собственникамъ коттэджей, а не ихъ наемникамъ, и, по утвержденію Торнтона, въ девяноста девяти случаяхъ изо ста сельскій рабочій классъ потерялъ свои права безъ всякаго за то вознагражденія *). Въ то же время земли мелкихъ собственниковъ переходили къ богатымъ сосѣдямъ, и фермы сосредоточивались въ немногихъ рукахъ, ведя хозяйство на большую ногу.

Другая причина увеличенія пауперизма къ началу XVIII в. лежитъ въ постепенномъ развитіи крупныхъ формъ мануфактурной промышленности. Это движеніе шло рука объ руку съ успѣхами британской торговли, хотя до великихъ техническихъ открытій Уатта, Аркрайта и др. сравнительно медленно. Производство фабричнымъ способомъ, въ большихъ размѣрахъ, постепенно вытѣсняло съ рынка мелкое, домашнее производство и самостоятельныхъ мастеровъ превращало въ рабочихъ, зависѣвшихъ отъ всѣхъ случайностей рынка.

Къ этимъ двумъ причинамъ можно присоединить

---

*) Thornton: Overpopulation, стр. 210 и 211.

еще и третью — возрастаніе налоговъ и превращеніе ихъ изъ временныхъ въ постоянные, причемъ большинство налоговъ—косвенные—падаетъ на предметы общаго потребленія, и слѣдовательно ихъ главная тягость несется неимущею частью народа.

При такихъ измѣненіяхъ въ народномъ хозяйствѣ, конецъ XVII и почти весь XVIII вѣкъ характеризуется одной оригинальной чертой — множествомъ всевозможныхъ проектовъ, являвшихся въ литературѣ и въ парламентѣ по двумъ экономическимъ вопросамъ. Во-первыхъ идутъ проекты новыхъ налоговъ, въ которыхъ государство съ самаго паденія феодальнаго строя начинаетъ сильно нуждаться главнымъ образомъ для военныхъ цѣлей. Этотъ вопросъ, по его неотложности и настоятельности, весьма интересуетъ литературу того времени и обращаетъ главное вниманіе правительства. Другой разрядъ такихъ проектовъ относится къ законодательству о бѣдныхъ, которое начинаетъ разработываться во множествѣ брошюръ и книгъ и вызываетъ на свѣтъ многочисленные парламентскіе билли и репорты.

Къ послѣдняго рода произведеніямъ и относится проектъ Локка о средствахъ къ уменьшенію пауперизма, представленный имъ въ качествѣ чиновника департамента торговли (Commissioner of the Board of Trade), въ завѣдываніи котораго находились дѣла о бѣдныхъ. Проектъ этотъ не содержитъ въ себѣ ничего особенно важнаго и оригинальнаго, достойнаго великаго философа, но любопытенъ въ историческомъ отношеніи для характеристики своего времени.

„Умноженіе бѣдныхъ и увеличеніе налоговъ для ихъ содержанія, говоритъ Локкъ въ своемъ репортѣ,—составляетъ явленіе общее, вызывающее жалобы и не подлежащее никакому сомнѣнію. Оно началось не съ

послѣдней войны, но уже за много лѣтъ становится возрастающей тягостью для королевства. Увеличеніе бѣдности замѣчается въ теченіи двухъ послѣднихъ царствованій, также какъ и настоящаго". *) „Причина зла лежитъ, по мнѣнію Локка, не въ недостаткѣ предметовъ потребленія, не въ недостаткѣ труда для бѣдныхъ, такъ какъ Богъ благословилъ эти времена изобиліемъ....., но совсѣмъ въ другой причинѣ: возрастаніе бѣдныхъ произошло только вслѣдствіе *ослабленія дисциплины и порчи нравовъ* (relaxation of discipline and corruption of manners"). Далѣе Локкъ выражаетъ мнѣніе, что половина всѣхъ бѣдныхъ, получающихъ пособіе отъ приходовъ вполнѣ способны самостоятельно добывать средства существованія; а остальныхъ онъ дѣлитъ на три класса: первые тѣ, которые дѣйствительно не могутъ добывать ничего для собственнаго пропитанія, вторые могутъ частію поддерживать себя своимъ трудомъ, а третьи могли бы даже совсѣмъ жить своею работой. Главныя средства, которыя предлагаетъ Локкъ противъ бѣдности, заключаются въ усиленіи строгости законовъ противъ нищенства и бродяжничества и въ устройствѣ ремесленныхъ или рабочихъ школъ для способныхъ къ труду и богадѣленъ для неспособныхъ **).

Насколько философъ былъ далекъ отъ пониманія истинныхъ причинъ развитія пауперизма, это видно даже на одномъ мѣстѣ его собственнаго репорта: по его словамъ, человѣкъ съ женой, въ здоровомъ состояніи, способны были въ его время обыкновенною ра-

---

*) Еще за тридцать слишкомъ лѣтъ до Локка (въ 1660 г.) сэръ Метью Гэль (Mathew Hale) отмѣтилъ фактъ сильнаго и постояннаго возрастанія числа бѣдныхъ.

**) Sir Fr. Morton Eden: The State of the Poor, 1797. Vol. I, стр. 243—247.

ботой содержать себя съ двумя маленькими дѣтьми (до 2 лѣтъ). Слѣдовательно, съ тремя дѣтьми или при болѣзни одного изъ супруговъ, эта возможность пропитанія безъ посторонней помощи прекращалась. Очевидно, что заработная плата, сравнительно съ средствами продовольствія, стояла слишкомъ низко, чтобы доставить удовлетворительное содержаніе семейному рабочему.

Нѣкто Бартонъ въ 1833 году вычислилъ сравнительное отношеніе заработной платы къ цѣнѣ пшеницы слишкомъ за триста лѣтъ, съ конца XV в. по его время. Оказалось, что если выразить цифру заработной платы въ пинтахъ пшеницы, то англійскій сельскій рабочій 1495 года получалъ въ недѣлю за свой трудъ 199 пинтъ, а въ 1685 году, т. е. всего за двѣнадцать лѣтъ до отчета Локка, уже только 51 пинту, т. е. покупная сила его жалованья относительно предмета первой необходимости за этотъ періодъ времени *уменьшилась почти въ четыре раза.* Для ремесленниковъ, какъ напр. плотниковъ и каменьщиковъ, выводы Бартона одинаково неблагопріятны: ихъ плата означенное время понизилась съ 292 пинтъ на 74, то есть относительное вознагражденіе уменьшилось въ тѣ же четыре раза *). Но какъ ни скуденъ былъ этотъ заработокъ, но и его, благодаря стягиванію фермъ и развитію фабричнаго производства, немогли получать многіе; другими словами, спросъ на земледѣльческій трудъ уменьшился, а трудъ мануфактурный, напр. ткаческій, при увеличенной шерстяной промышленности, былъ недоступенъ для большинства сельскихъ рабочихъ по ихъ неумѣнью и неподготовленности, почему Локкъ и рекомендуетъ ремесленныя школы.

---

*) См. John Wade: History of the Middle and Working Classes. 1835, 3d ed., Appendix I, 537—539.

Недостатокъ спроса на трудъ, повидимому, сознавался и самимъ правительствомъ. Въ своей тронной рѣчи при открытіи сессіи 1699 г. король помянулъ между прочимъ и объ этомъ вопросѣ: „Увеличеніе бѣдныхъ, говоритъ онъ, дѣлается большимъ бременемъ для королевства....“ и далѣе: „Непремѣнную обязанность составляетъ, чтобы тѣ бѣдные, которые неспособны сами помогать себѣ, были содержимы на счетъ общества, и я считаю крайне желательнымъ, чтобы такіе, которые способны и желаютъ работать, не оставались безъ нея....“ Та же мысль выражается въ тронной рѣчи и слѣдующаго года. „Устройство и улучшеніе, нашей промышленности имѣетъ такое общественное значеніе, что я надѣюсь, вы обратите на нее серьезное вниманіе. Притомъ, если вы можете найдти средства чтобы доставить бѣднымъ классамъ работу, то вы облегчите и себя отъ большей тягости, и въ тоже время прибавите полезныя руки къ занятію мануфактурой....“ *).

Нѣтъ никакого основанія удивляться неудовлетворительности воззрѣній Локка на причины возникновенія тогдашняго пауперизма: въ этомъ отношеніи онъ стоялъ только на уровнѣ своего вѣка; всѣ его современники, и даже слѣдующее поколѣніе, выражали мнѣнія отнюдь не выше его. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1698 г. появилась въ Эксетерѣ анонимная брошюра подъ названіемъ „Хлѣбъ для бѣдныхъ“, принадлежавшая, какъ оказалось впослѣдствіи, перу нѣкоего Ричарда Доннинга (Dunning) **). Авторъ приписываетъ обѣднѣніе народа: 1) излишеству въ ѣдѣ и питьѣ и 2) лѣнности. Какъ на средство, Доннингъ указываетъ на устройство такихъ рабочихъ домовъ, гдѣ

*) Chandler's Debates. King's Speech, Vol. III, 107. M. Eden, V. I. 247—248.

**) Bread for the Poor, by R. D. M. Eden, loco citato.

бы каждый бѣдный могъ найдти работу. Цифру существующей заработной платы онъ опредѣляетъ отъ 2 шил. 6 пенсовъ до 2 шил. 8 пенсовъ въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и меньше: такой размѣръ платы весьма незначителенъ, даже для того времени. Одинаково съ нимъ и ту же причину пауперизма утверждаетъ Кэри, авторъ одной брошюры, вышедшей около 1700 года *).

Въ 1704 году Даніилъ Дефо, знаменитый авторъ Робинзона Крузо, издалъ одну брошюру, посвященную парламенту, подъ именемъ: „Раздача милостыни не есть благотворительность" **). Дефо доказываетъ, что въ Англіи, будто бы, болѣе труда, нежели рукъ его исполнять, а потому нѣтъ никакого основанія жаловаться на недостатокъ работы: всякій, имѣющій здоровыя руки, имѣетъ и возможность ее получить. Доказательствомъ можетъ служить та трудность, съ которой комплектуется армія посредствомъ вербовки. Корень зла, слѣдовательно, лежитъ въ другой причинѣ, и Дефо видитъ ее прежде всего въ неудовлетворительности самой системы общественной благотворительности. Всѣ ея принятыя формы, особенно рабочіе дома и раздача пособій, вмѣсто уменьшенія только *увеличиваютъ* число бѣдныхъ. Здѣсь Дефо высказываетъ нѣсколько весьма здравыхъ мыслей о вредѣ конкурренціи занятій бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ съ рыночнымъ трудомъ. Трудъ бѣдныхъ въ этихъ домахъ можетъ быть направленъ съ пользой для націи, по его мнѣнію, только на такіе предметы, которые въ странѣ не производились до сихъ поръ, или на ко-

*) Essay towards regulating the trade and employing the Poor of this Kingdom by Cary. Idem, 253.

**) Daniel De Foe: Giving Alms no Charity. Idem, 258.

торые полученъ особый заказъ изъ-за границы; во всякомъ другомъ случаѣ производство рабочихъ домовъ не только не полезно, но даже положительно вредно. „Вотъ еслибы вы, господа, говоритъ авторъ, обращаясь къ членамъ парламента,—могли завязать съ Московіей торговлю нашей саржей, или еслибы вышелъ отъ царя ордеръ, вслѣдствіе котораго всѣ его подданные начали бы носить чулки, до сихъ поръ ими не употреблявшіеся, то, конечно, черезъ пряденье и вязанье въ рабочихъ домахъ страна получила бы чистую выгоду и ея общій капиталъ возросъ..... Но если рабочихъ дома занимать тѣмъ же трудомъ, какимъ занимался и весь рабочій людъ прежде, и въ то же время не увеличивать потребленія; то это значитъ *давать одному, что̀ вы берете у другаго*, обогащать одного бѣдняка, чтобы морить безъ работы другаго, и отдавать какому-нибудь бродягѣ работу, которая давала существованіе честному человѣку.....“

Самую главную причину бѣдности рабочаго класса англійскаго народа Дефо видитъ, впрочемъ, въ его *неблагоразуміи* и *невоздержанности*: „Мы, говоритъ онъ,— самая *лѣниво-прилежная* (lazy-diligent) нація въ мірѣ. Нѣтъ ничего чаще, какъ видѣть англичанина сильно работающимъ, пока не набьетъ карманъ деньгами, а затѣмъ онъ остается бездѣятельнымъ и отправляется пить, пока не спуститъ всего, и примется опять за работу.... Отсюда бѣдность, нищенство и приходскіе налоги“ *). Вмѣстѣ съ этимъ авторъ проводитъ параллель между рабочимъ голландцемъ и англичаниномъ, къ большой невыгодѣ послѣдняго. „Еслибы почтенное собраніе

*) M. Eden, 260. Wade: History of Middle and Working Classes, стр. 72—73. Между сообщеніями этихъ писателей замѣчается разнорѣчіе.

могло найдти средство, говоритъ онъ, противъ этой стороны нашего несчастія, еслибы акты парламента могли исцѣлить наши бѣдные классы отъ распущенности и расточительности, сдѣлать пьяницъ заботливыми о ихъ женахъ и дѣтяхъ и бережливыми на черный день, лѣнтяевъ превратить въ прилежныхъ, и наконецъ еслибъ акты парламента могли безсмысленныхъ и беззаботныхъ дѣлать заботливыми и предусмотрительными.... то никакой бѣдности между нами не существовало бы" *). Такимъ образомъ сущность воззрѣній Дефо на бѣдность сводится, также какъ и у его предшественниковъ, на *лѣнность* и *расточительность*,—частныя причины, которыя еще ничего не объясняютъ. Первое удовлетворительное объясненіе возрастанія пауперизма было сдѣлано не ранѣе 1758 года: Джемсъ Масси (Massie) въ брошюрѣ, изданной въ этомъ году, старается доказать причину этого увеличенія въ монополизированіи фермъ и отчужденіи общинныхъ земель. Онъ утверждаетъ также, что уменьшеніе числа работниковъ и многія другія бѣдствія произошли отъ того, что они переносятъ свой трудъ съ такого солиднаго базиса, какъ земледѣліе, на искуственный и колеблющійся базисъ промышленности (т.-е. мануфактуры). Масси предлагаетъ для помощи бѣднымъ учредить новый налогъ на полный доходъ всѣхъ собственниковъ королевства; бѣдный можетъ обращаться не въ свой только, но во всякій приходъ, гдѣ ему случится проживать и платить налогъ. Кромѣ того должно быть учреждено въ странѣ достаточное количество богадѣленъ. Брошюра Масси не имѣла успѣха и даже самое ея названіе до насъ не дошло **).

---

*) Eden, 261.

**) Eden, 329, Wade, 72.

Кромѣ изслѣдованій о пауперизмѣ, экономическая литература XVIII вѣка, до Смита, представляетъ также большое количество трудовъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ и даже цѣлые курсы экономической науки (Джемса Стьюарта). Особенно много сочиненій по торговлѣ и промышленности, что весьма понятно при ихъ возрастаніи. Весь періодъ времени (до 1776 г.) можно назвать переходнымъ: старыя меркантильныя понятія еще были въ полномъ приложеніи на практикѣ и далеко не совсѣмъ опровергнуты въ теоріи; новыя воззрѣнія, впервые высказанныя Нортомъ, продолжали разработываться, хотя еще далеко не проникали въ народную жизнь. Отсюда двойственность направленія въ литературѣ этого времени: съ одной стороны издаются чисто меркантильныя сочиненія, какова напр. книга Джосуа Джи о торговлѣ, съ другой—многочисленные трактаты Давида Юма, проникнутые философскимъ сознаніемъ необходимости свободной экономической дѣятельности. Для характеристики времени достаточно ограничиться только немногими болѣе крупными представителями; остальные только развиваютъ и популяризируютъ ихъ мысли. Со стороны меркантилистовъ мы возьмемъ Джи и Дж. Стьюрта, изъ писателей новаго направленія Давида Юма и Джосуа Токкера.

Книга Джи носитъ названіе: „О торговлѣ и мореплаваніи Великобританіи" *). Она вышла въ 1730 г. и имѣла множество изданій, что лучше всего свидѣтельствуетъ объ ея успѣхѣ и о томъ, на сколько меркантильныя идеи были сильны и популярны въ Англіи середины прошлаго вѣка. Относительно главнаго содержанія, сочиненіе Джи не представляетъ ничего но-

---

*) Joshua Gee: The Trade and Navigation of Great-Britain Мы цитуемъ по *седьмому* изданію 1767 года.

ваго: только ясное изложеніе меркантильныхъ воззрѣній, уже достаточно знакомыхъ. „Чтобы правильно судить, говоритъ онъ,—объ увеличеніи или уменьшеніи богатства націи чрезъ иностранную торговлю, должно изслѣдовать, получаемъ ли мы черезъ нее деньги или посылаемъ, наоборотъ, свои. Когда мы вывозимъ товаровъ болѣе, нежели ихъ получаемъ, то на нашей сторонѣ будетъ балансъ въ золотѣ или серебрѣ, который останется монетному двору превратить въ нашу монету; но если мы ввозимъ болѣе, нежели вывозимъ, или тратимъ наши деньги въ иностранныхъ государствахъ, то балансъ конечно будетъ противъ насъ, и придется посылать золото и серебро, чтобъ уплатить этотъ долгъ *). „Нація, можетъ, говоритъ онъ далѣе,—торговлей и промышленностью пріобрѣтать огромныя богатства, но, по недостатку должной осмотрительности и вниманія, и терять ихъ“. „Я боюсь, добавляетъ онъ,—что настоящее положеніе нашихъ дѣлъ болѣе уноситъ нашихъ богатствъ, нежели ихъ доставляетъ“ **). Прежде большое количество благородныхъ металловъ доставлялось въ Англію, благодаря торговому балансу, и перечеканивалось въ монету; „теперь же, по его словамъ,— обстоятельства измѣнились, и весь запасъ металла, который ввозимъ, немедленно и отправляется назадъ, чтобъ уплачивать наши долги“.

Къ обсужденію этого факта Джи возвращается во всей книгѣ, стараясь подтвердить различными доказательствами и соображеніями. Такъ, многія страны препятствуютъ допущенію англійскихъ мануфактуръ и въ то же время продолжаютъ ввозить въ Англію большое количество льна, пеньки, паташу, лѣсу и т. п., из-

*) J. Gee, стр. 205.

**) Idem, 246.

влекая ежегодно огромное количество денегъ. „Мы посылаемъ наши деньги иностранцамъ, давая работу ихъ бѣднымъ классамъ вмѣсто своихъ собственныхъ, и даемъ имъ въ то же время возможность уменьшать нашу иностранную торговлю такими высокими пошлинами, которыя равны запрещенію *).

Во всей книгѣ, также, Джи жалуется на паденіе иностранной торговли вслѣдствіе недостатка поощренія туземнаго производства. Упадокъ народнаго богатства въ Англіи замѣчается, по словамъ автора, со временъ реставраціи; прежде этого времени англійское благосостояніе напротивъ росло, благодаря разумной политикѣ. Здѣсь Джи дѣлаетъ историческій очеркъ этой политики, который составляетъ, по нашему мнѣнію, самую любопытную часть его книги, какъ образецъ воззрѣній меркантилиста на исторію англійской торговля.

При Эдуардѣ III (1327—1377), такъ начинаетъ авторъ, столько мѣръ было принято къ улучшенію торговли, что въ 28 году его царствованія (1355) размѣръ нашего вывоза доходилъ до 291.484 ф. с., тогда какъ ввозъ былъ не болѣе какъ въ 38.970 ф. с., такъ что балансъ былъ тогда въ 254.214 ф. с. на нашей сторонѣ **). „Но самыя дѣйствительныя мѣры для возрастанія нашей торговли были приняты лишь въ царствованіе Елизаветы. Такъ сильна была поддержка, которую эта королева давала купечеству, что, какъ говоритъ Джи, достаточно было этого толчка, чтобы торговля продолжала быстро возрастать въ два слѣдующія царствованія, хотя онѣ ничѣмъ не содѣйствовали ея поощреніе". Послѣ реставраціи, съ царствованія Карла II,

*) J. Gee, 37, 117, 224. См. также Edinburgh Review за іюль 1843 г. стр. 4.

**) Эти свѣдѣнія заимствованы авторомъ у Чайльда.

все пошло назадъ. При королѣ Вильгельмѣ масса металла вывозилась изъ страны вслѣдствіе войны съ съ Франціей; иностранные товары отнимали ежегодно у страны значительныя суммы, и хотя правительство обратило нѣкоторое вниманіе на это обстоятельство, но всѣ старанія были разбиты политикой Франціи, которой удалось получить первенство въ иностранной торговлѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Георга I наша торговля и мореплаваніе встрѣтили дальнѣйшую задержку со стороны царя московскаго и короля шведскаго, которые хотѣли принудить насъ получать продукты ихъ владѣній за ихъ цѣну и на ихъ собственныхъ корабляхъ. „Это заставило англичанъ, продолжаетъ Джи, задаться вопросомъ, нельзя ли ихъ продукты получать изъ своихъ колоній, вслѣдствіе чего были сдѣланы нѣкоторыя регуляціи торговли; такъ, напримѣръ, была снята пошлина на лѣсъ изъ англійскихъ плантацій, увеличенъ срокъ для возвращенія налога для нѣкоторыхъ товаровъ и т. п.“ *). Но авторъ всѣмъ этимъ не довольствуется и требуетъ дальнѣйшихъ мѣръ для поощренія промышленности: „Остается очень много сдѣлать, чтобы привести балансъ въ нашу пользу. Такъ нужно поощрять постройку судовъ большой вмѣстимости, на подобіе шведскихъ и датскихъ, нужно позаботиться о достаточномъ количествѣ дерева въ разныхъ мѣстахъ, чтобы корабли могли нагружаться въ нѣсколько дней, и эта мѣра усилитъ привозъ лѣса изъ Новой-Англіи, Новой-Шотландіи и Ньюфаундленда, слѣдуетъ поощрять въ колоніяхъ добываніе желѣза, выдѣлку поташу и разведеніе пеньки и льна, и сверхъ того добываніе шелку въ Каролинѣ, Виргиніи, Мэрпландѣ и Пенсильваніи. Нужно, наконецъ, поддерживать и рас-

*) J. Gee, 225, 237, 238, 249.

ширять наши сахарныя плантаціи и вообще увеличивать наши вывозы, на сколько возможно, не только въ Голландію, Гамбургъ и прибалтійскія страны, но открыть новые пути торговли для всѣхъ нашихъ колоніальныхъ произведеній въ Португалію, Испанію и страны Средиземнаго моря".

Еще рѣшительнѣе въ своихъ требованіяхъ и опредѣленнѣе въ воззрѣніяхъ — замѣчательнѣйшій меркантилистъ XVIII вѣка—Джемсъ Стьюартъ. Ему принадлежитъ честь первому написать полный и систематическій курсъ политической экономіи, который въ нѣкорыхъ частяхъ отличается значительной оригинальностью и самостоятельностью *). Въ существенныхъ пунктахъ системы, напр. относительно сохраненія торговаго баланса, необходимости государственнаго вмѣшательства и т. д. Стьюартъ сходится съ своимъ предшественникомъ, но по широтѣ своего взгляда, обусловленнаго гораздо лучшимъ образованіемъ, и по сравнительному безпристрастію и искренности своихъ сужденій онъ далеко оставляетъ за собой всѣхъ писателей его школы. Стьюартъ первый поставилъ строго-научнымъ образомъ ученіе о цѣнѣ и кромѣ того сдѣлалъ удачную попытку примѣнить историческія свѣдѣнія о жизни различныхъ народовъ къ провѣркѣ и постановкѣ экономическихъ положеній.

Ограничимся разсмотрѣніемъ второй части его книги, спеціально посвященной вопросу о торговлѣ. Какъ общее и основное правило онъ выставляетъ извѣстное

*) James Steuart: Inquiry into the Principles of Political Economy, being an Essay on the Science of Domestic Policy in free Nations. 1767. 2 vol. Мы цитуемъ по современному нѣмецкому переводу: Untersuchung der Grundsätze der Staats-Wirthschaft u. s. w. Hamburg, 1769. Имя автора почему-то здѣсь обозначено уже John, а не James; одинъ толстый томъ in folio.

положеніе, что „ввозъ обработанныхъ матеріаловъ должно затруднять и задерживать, а вывозъ—облегчать и поощрять.“ Отступленіе отъ этого принципа онъ считаетъ весьма опаснымъ, которое можетъ повлечь за собой самыя погубныя для страны последствія. Когда богатая нація, гдѣ роскошь достигла высокой степени, гдѣ стремленіе къ пріобрѣтенію поощряетъ промышленность, гдѣ всѣ бѣдные снабжены работой, а торговый балансъ благопріятенъ, когда такая страна начнетъ потреблять не только все, что ея жители производятъ, но и многіе иностранные продукты, тогда ея балансъ сдѣлается весьма невыгоднымъ и придется платить наличными деньгами или занимать деньги подъ проценты, а черезъ это самый капиталъ страны уменьшится. Продолжится такая торговля долго, и нація въ концѣ концовъ нетолько лишится всѣхъ денегъ, но можетъ быть придется *вывозить и самую землю* (!) Это звучитъ, конечно, странно, но тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Корсиканцы лучшую часть своего острова вывезли въ Геную, т. е. продали тамъ свои земли....“ Поэтому Стюартъ не только совѣтуетъ ограничивать потребленіе иностранныхъ товаровъ, если оно не согласно съ собственнымъ вывозомъ, но вообще рекомендуетъ строгія государственныя регуляціи во всѣхъ частяхъ народнаго хозяйства. На правителяхъ народа, на государственныхъ людяхъ лежатъ обязанности самыя сложныя и разнообразныя. Здѣсь Стюартъ рисуетъ картину временъ денежнаго баланса, когда государственная власть входитъ во всѣ подробности экономической жизни подданныхъ. „Черезъ иностранную торговлю“, говоритъ онъ, „возникаетъ новый родъ сообщества, и благодаря этому обязанности государственнаго человѣка усложняются. Онъ долженъ, какъ и прежде, заботиться, чтобы не было недостатка для всего народа

какъ въ средствахъ пропитанія, такъ и въ работѣ. Но уже отъ самыхъ сношеній съ иностранцами рождается нѣкоторая отъ нихъ зависимость. Поэтому государственный человѣкъ долженъ пріобрѣсть солидныя свѣдѣнія объ ихъ внутреннемъ государственномъ устройствѣ, съ тѣмъ чтобы, насколько это возможно, соединить интересы обѣихъ націй; притомъ онъ долженъ добиваться, чтобы чужеземцы не вывозили золота и серебра, а доставляли только такіе предметы, которые наименѣе необходимы и принимали въ свою очередь предметы, подверженные быстрому и излишнему потребленію. Онъ долженъ стараться развивать въ собственномъ народѣ духъ соревнованія, какъ въ примѣненіи къ труду и искусствамъ, такъ и относительно умѣренности, воздержанности и хозяйственности....." „До тѣхъ поръ, пока въ торговой націи господствуетъ духъ умѣренности, она можетъ быть увѣрена, что преодолѣетъ другихъ въ силѣ и богатствѣ настолько, насколько превосходитъ въ умѣренности". Главную и общую задачу всей экономической политики Стьюартъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Извѣстное число жителей должно наивозможно полезнѣйшимъ образомъ занять работой, чтобы создать всѣхъ необходимыхъ вещей такой запасъ, который постоянно былъ бы больше, нежели это требуется собственными потребностями жителей. Должно отыскать средство, чтобы *каждый рабочій находился въ состояніи*, съ помощью того рода индустріи, которымъ онъ занятъ, *имѣть свой честный кусокъ хлѣба*" *). Когда всѣ необходимыя потребности удовлетворены, государство должно позаботиться о получаемомъ излишкѣ продуктовъ, прежде всего предназначаемомъ для будущихъ работниковъ;

*) J. Steuart: XV Capit. 287, 288, 289. XXIX Cap. 437.

пока же этотъ излишекъ служитъ для вывоза за границу. Съ увеличеніемъ вывоза будетъ возрастать число жителей пропорціонально упомянутому излишку, а вмѣстѣ съ тѣмъ на государствѣ лежитъ обязанность употребить всѣ надлежащія заботы, чтобы связанный съ этимъ увеличенный спросъ находилъ себѣ удовлетвореніе. Земледѣлію Стьюартъ придаетъ великое значеніе: расширеніе его должно быть всячески поощряемо, чтобы всегда былъ избытокъ въ жизненныхъ припасахъ; отсутствіе его можно считать прямо за недостатокъ, ибо этотъ излишекъ служитъ для еще не рожденыхъ работниковъ. На этомъ основаніи авторъ совѣтуетъ урѣзывать, сокращать (abschneiden) иностранную конкурренцію сверхъ извѣстной мѣры относительно жизненныхъ припасовъ, нужныхъ для внутреняго продовольствія; черезъ преміи на вывозъ государство должно давать возможность земледѣльцамъ сбывать излишекъ ихъ запаса, когда цѣна падаетъ слишкомъ низко.

На роскошь Стьюартъ смотритъ неблагопріятно. На всѣ товары, которые служатъ для ея удовлетворенія, по его мнѣнію слѣдуетъ смотрѣть какъ на приготовляемые исключительно для иностранцевъ, и поэтому всякое внутреннее потребленіе ихъ, превосходящее извѣстную мѣру, нужно всячески затруднять, но не поднимая впрочемъ цѣны слишкомъ высоко, дабы не пресѣчь спроса иностранцевъ. Если же замѣчается его уменьшеніе, то должно стараться *дать роскоши сосѣдей всевозможное поощреніе*; напротивъ въ своей странѣ слѣдуетъ держаться простоты въ образѣ жизни и не жалѣть никакихъ издержекъ для помощи ремесленникамъ (т. е. рабочимъ въ настоящемъ смыслѣ), когда стоимость ихъ содержанія превосходитъ ихъ заслуги для промышленности, или, говоря проще, когда цѣны жиз-

ненныхъ припасовъ не удовлетворяются достаточно заработной платой. Послѣднюю мысль объ обязанности государства заботиться, чтобы подданнымъ не было недостатка въ трудѣ, достаточно оплачиваемомъ, авторъ повторяетъ нѣсколько разъ и по различнымъ поводамъ: „государственная власть", по его словомъ, „должна заботиться о доставленіи готовыхъ результатовъ труда пропорціонально со спросомъ; если же, несмотря на всѣ заботы, предложеніе сильнѣе спроса, то она должна смотрѣть на эти товары какъ на излишніе для иностранцевъ; и, чтобы поддержать на равной ногѣ требованіе труда съ его предложеніемъ, государственная власть обязана поощрять продажу такихъ товаровъ—подъ извѣстными ограниченіями уже въ собственной странѣ, до тѣхъ поръ пока лица, занятыя въ профессіи съ слишкомъ усиленнымъ предложеніемъ, не перейдутъ къ другимъ отраслямъ промышленности, болѣе выгоднымъ". „Слѣдуетъ, продолжаетъ Стьюартъ дальше, разсматривать споспѣшествованіе *общему благу* какъ предметъ, *отъ котораго зависитъ непосредственно интересъ каждаго частнаго лица* и должно, съ помощью чуждаго всякаго себялюбія распоряженія общественными деньгами, убѣдить всю публику въ справедливости этого положенія" *).

Общее благо, въ смыслѣ благосостоянія и благополучія *всѣхъ вмѣстѣ* подданныхъ, авторъ ставитъ главной задачей всей экономической политики. Частныя лица дѣйствуютъ подъ мотивомъ себялюбія или, говоря его словами, стремленія къ частной пользѣ; но государственная власть заботится только объ общей пользѣ, о развитіи общаго благосостоянія, и „эта обязанность правителей страны должна быть главнымъ рычагомъ

*) J. Steuart, Capit. XV, 290.

всей ихъ дѣятельности“ *). Свой идеалъ человѣческаго общежитія—общее благополучіе или благосостояніе онъ отдѣляетъ рѣзко отъ богатства: послѣднее, происходящее отъ развитія торговли и промышленности, вовсе не составляетъ непремѣннаго условія счастія для людей. Для доказательства, онъ посвящаетъ цѣлую главу описанію устройства Лакедемонской республики подъ законами Ликурга (Capit. XIV второй части).

Вообще государство въ мысляхъ Стьюарта представляется обширнымъ механизмомъ, всѣ части котораго находятся подъ тщательнымъ наблюденіемъ и управленіемъ общественной власти; всѣ частные интересы и стремленія хотя иногда и не сознательно отдѣляются у него отъ общихъ и имъ подчиняются. Въ противоположность съ Дёдлеемъ Нортомъ, онъ отъ общаго блага страны выводитъ благо каждаго индивида: если государство хорошо организовано, безопасно отъ сосѣдей и пользуется благосостояніемъ, то благо каждаго подданнаго обезпечено; частная воля при этомъ, въ ея дѣятельности, приносится въ жертву общенароднымъ цѣлямъ. Отсюда, изъ такого основнаго возрѣнія, и проистекаютъ всѣ подробности меркантильной системы. Если общее благо, составляющее побудительный мотивъ всей государственной дѣятельности, требуетъ ограничить или даже совсѣмъ уничтожить извѣстное проявленіе частной дѣятельности, то государство нетолько можетъ, но даже *должно* это сдѣлать. Такимъ образомъ получается въ результатѣ отрицаніе свободной торговли и признаніе самой широкой правительственной регламентанціи во всѣхъ ея видахъ. Монополіи, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ, по возрѣнію автора, могутъ лучше содѣйствовать общему благу

*) Idem, XXXI Capit., 502.

страны, нежели частная и свободная промышленная дѣятельность; поэтому Стьюартъ иногда защищаетъ ихъ: опытъ, по его увѣренію, показалъ, что, при торговлѣ въ странахъ нецивилизованныхъ и недавно открытыхъ, самое лучшее средство, *для блага своей націи* поддерживать низкую цѣну тамошнихъ продуктовъ— есть учрежденіе торговой монополіи для одной какой—нибудь компаніи, почему онъ и отдаетъ ей рѣшительное предпочтеніе передъ свободнымъ доступомъ каждаго лица къ торговымъ сношеніямъ съ такой страной. Когда не существуетъ никакой привилегированной компаніи, то купцы набиваютъ, изъ-за наживы, высокую цѣну на иностранные продукты и тѣмъ дѣлаютъ ихъ менѣе выгодными для своего отечества *). Точно также онъ высказывается за городскія корпораціи и цехи, но опять выставляя за руководящее начало государственной политики, относительно этихъ учрежденій, тотъ же основный принципъ—общее благо. „Какъ скоро, говоритъ онъ,—общее благо (счастіе) государство нарушается черезъ извѣстныя привилегіи, которыми владѣютъ частныя лица, то такія привилегіи должны быть уничтожены или ограничены" **).

Въ полной связи со всей системой Стьюарта находятся и его воззрѣнія на торговыя сношенія съ иностранцами. Въ одной странѣ, по его словамъ, интересы производителей и потребителей соединены вмѣстѣ; но совсѣмъ иное дѣло относительно иностранной торговли. Здѣсь интересы совершенно различны. По его оригинальному выраженію, „государственные люди двухъ странъ въ этомъ случаѣ какъ бы играютъ другъ съ другомъ въ шахматы". Понятно, что, при такой постановкѣ во-

*) Idem, Capit. V, стр. 205.

**) Idem, Cap. XXIII, 358.

проса, торговые интересы націй могутъ быть взаимны и совпадать только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. „Государственная власть націи, потребляющей чужеземные товары, должна стараться научить свой народъ самому удовлетворять всѣ свои нужды; наоборотъ, правительство народа, производящаго товары для иностраннаго потребленія, должно, насколько можетъ, дѣлать эти стремленія первой націи безплодными и въ то же время поощрять выгодную продажу, стараясь для того убѣдить подданныхъ той страны въ предпочтительной выгодѣ покупать товары на ея, нежели на своемъ туземномъ рынкѣ“ *).

Этотъ взглядъ Стьюарта, откровенно выразившій практическое правило англійской торговой политики, несмотря на безспорное и рѣшительное свое господство въ XVIII в., находилъ себѣ уже довольно рано и противниковъ. Вмѣсто узкой національной точки зрѣнія, подкрѣпляемой впрочемъ практическимъ опытомъ дѣйствительной жизни, они стремятся стать на теоретическомъ фундаментѣ и приходятъ постепенно къ космополитизму, отрицающему особые, спеціальные интересы отдѣльныхъ народовъ. На мѣсто меркантильной враждебности и противоположности ихъ интересовъ является всеобщее согласіе, всеобщій миръ, построенный на полной свободѣ экономической дѣятельности. Таково, по крайней мѣрѣ, *видимое* выраженіе этихъ новыхъ воззрѣній.

Самымъ выдающимся ихъ представителемъ до А. Смита по своей извѣстности, безъ сомнѣнія, можетъ служить Давидъ Юмъ, одна изъ великихъ историческихъ личностей, оказавшихъ большое вліяніе на разныя отрасли духовной жизни. Его экономическія воз-

*) Idem, XXXI, 515.

зрѣнія не представляютъ безсвязнаго аггрегата мыслей по разнымъ вопросамъ, но образуютъ извѣстное законченное цѣлое, имѣютъ внутреннюю связь и рядъ философскихъ обобщеній. Впрочемъ Юмъ свои экономическіе очерки посвятилъ изслѣдованію только нѣкоторыхъ сторонъ народно-хозяйственной жизни, изъ которыхъ главнѣйшую составляетъ вопросъ о деньгахъ и торговомъ балансѣ *).

Деньги, по словамъ Юма, суть только орудіе для того, чтобъ облегчить обмѣнъ товаровъ. „Онѣ составляютъ, по метафорическому выраженію,—не колеса торговли, а масло, благодаря которому движеніе этихъ колесъ становится мягче и легче.“ Самъ по себѣ большій или меньшій запасъ денегъ не имѣетъ никаго значенія; большое количество денегъ въ странѣ если и выгодно для кого, то только для правительства, которому оно можетъ оказать пользу въ военномъ дѣлѣ. Поэтому всѣ богатыя и торговыя націи, начиная отъ Карѳагена и до Голландіи и Великобританіи, имѣютъ возможность содержать наемныя войска, которыя вербуются между ихъ бѣдными сосѣдями. При ихъ богатствѣ и изобиліи, всякая наемная плата должна стоять высоко. Содержаніе небольшой арміи для Англіи обходится стольже дорого, сколько для Франціи войско втрое многочисленное **). Сочиненія Джосуа Джи, говоритъ Юмъ,—стараются возбудить панику въ народѣ

*) David Hume: Essays and Treatises on several Subjects. 1753. Этотъ трудъ содержитъ въ себѣ очерки „о торговлѣ,“ „о роскоши,“ „о деньгахъ,“ „о процентахъ,“ „о торговомъ балансѣ,“ „о зависти или балансѣ торговаго могущества,“ „о налогахъ,“ „о государственномъ кредитѣ.“ Мы цитуемъ по старому нѣмецкому переводу: D. H. Vermischte Schriften über die Handlung, die Manufacturen u. s. w. Hamburg u. Leipzig. 1754.

**) D. Hume, стр. 55.

тѣмъ, что торговый балансъ представляетъ противъ насъ такія значительныя суммы, что по истеченіи пяти или шести лѣтъ мы не будемъ имѣть ни одного шиллинга. Но, къ счастію, вотъ уже прошло двадцать лѣтъ, мы успѣли выдержать дорого стоившую войну и тѣмъ не менѣе однако, по общему мнѣнію, деньги у насъ теперь въ большемъ изобиліи, нежели прежде.“ Точно такъ же неосновательны были опасенія, которыя высказывалъ Свифтъ относительно вывоза денегъ изъ Ирландіи въ своемъ сочиненіи „Short View of the State of Irland.

„Предположимъ, говоритъ далѣе Юмъ,—что въ одну ночь четыре-пятыхъ всѣхъ денегъ Великобританіи исчезнутъ и что нація въ отношеніи денегъ, слѣдовательно, очутится въ томъ положеніи, въ которомъ была при Генрихѣ и Эдуардѣ; какія послѣдствія отсюда произойдутъ? Не должны ли черезъ это пропорціонально упасть цѣны всякаго труда и товаровъ и все сдѣлаться столь же дешевымъ, какъ нѣкогда въ прежнія времена? Какая же тогда нація можетъ конкуррировать съ нами на чужихъ рынкахъ или брать такія незначительныя фрахтовыя деньги и продавать мануфактуры такъ же дешево, какъ мы, хотя, однако, и съ весьма большою прибылью? Въ короткое время мы должны привезти назадъ наши деньги, которыя отъ насъ исчезли, и у насъ опять настанетъ въ нихъ такое же изобиліе, какъ у сосѣдей. Какъ скоро это произойдетъ, мы потеряемъ опять всѣ выгоды, которыми пользовались благодаря дешевымъ цѣнамъ труда и товаровъ, и деньги уже потекутъ отъ насъ, вслѣдствіе ихъ изобилія. Но возьмемъ теперь обратное; предположимъ, что количество денегъ Великобританіи въ одну ночь увеличилось бы въ пять разъ: какое бы дѣйствіе отсюда послѣдовало? Не должны ли черезъ это всѣ то-

вары и трудъ сдѣлаться такъ крайне дороги, что никакая чужая нація не будетъ у насъ ничего покупать? Напротивъ иностранные товары сравнительно будутъ такъ дешевы, что, несмотря на всѣ запретительные законы, которые могли бы установить, нашъ рынокъ будетъ переполненъ чужими товарами и наши деньги потекутъ вонъ, до тѣхъ поръ, пока мы не сравняемся съ сосѣдями и не потеряемъ этого преимущества, повлекшаго за собой столь вредныя послѣдствія" *).

Такимъ образомъ Юмъ полемизируетъ съ меркантилистами. Онъ устанавливаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, вредъ политики торговаго баланса: подобно тому, какъ вода находится вездѣ на одномъ и томъ же уровнѣ, точно также деньги всегда находятся въ равновѣсіи съ товарами, сообразно труду, прилежанію и искусству націи. Всякія искусственныя ограниченія и мѣры, по мысли автора, могутъ только вредить, но не помогать дѣлу: означенное равновѣсіе можетъ нарушаться, но только вслѣдствіе физическихъ причинъ („тогда какъ всѣ законы не могутъ этого достигнуть"). Напримѣръ, вслѣдствіе страшной отдаленности Китая и *монополіи тамъ англійскихъ компаній*, серебра въ этой странѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ, и оно дороже цѣнится **). Но ни одинъ разумный человѣкъ не сомнѣвается, что этотъ трудолюбивый народъ (китайцы) возьметъ у насъ скоро все количество денегъ, которымъ мы его превышаемъ.....

Самый перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ Юмъ не считаемъ опаснымъ: „Когда мы товаровъ болѣе ввозимъ, нежели вывозимъ, то это значитъ, что мѣна противъ

*) D. Hume: 105 и далѣе.

**) D. Hume (Balanz der Handlung), 106, 107. Мы передали его мысль собственными словами. Подчеркнутое намъ кажется противорѣчіемъ съ его главнымъ положеніемъ, приведеннымъ выше въ скобкахъ.

насъ, и это будетъ новое поощреніе къ вывозу настолько, насколько это выносятъ издержки фрахта и безопасность въ полученіи денегъ.“ Исходя изъ такихъ началъ, Давидъ Юмъ рѣзко возстаетъ противъ господствовавшаго влеченія поддерживать торговый балансъ, что ведетъ часто къ войнѣ и самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ для собственной промышленности. Онъ указываетъ на благодѣтельность свободныхъ торговыхъ сношеній между отдѣльными провинціями или частями одного и того же государства и рекомендуетъ то же и въ сношеніяхъ съ иностранцами. „Передъ соединеніемъ Шотландіи съ Англіей господствовалъ общій страхъ, что Шотландія притянетъ къ себѣ англійскія сокровища, ежели будетъ дозволена *свободная торговля;* тоже опасеніе существовало и на другомъ берегу Твида: между тѣмъ, время показало, что этотъ страхъ былъ неоснователенъ.“ „Что можно сказать о маленькихъ подраздѣленіяхъ человѣчества, то должно касаться также и большихъ,“ т. е. то же равновѣсіе денегъ существуетъ между отдѣльными государствами, какое и между провинціями одного государства. „Чѣмъ больше находится людей, больше трудолюбія и больше товаровъ, тѣмъ слѣдовательно больше и денегъ; послѣднее всегда соразмѣрно первому, и отсюда происходитъ ихъ взаимное равновѣсіе“ *).

Ненависть и зависть къ чужеземцамъ создаютъ, по Юму, массу несчастій для всѣхъ странъ. Онъ беретъ для примѣра такое настроеніе англичанъ къ французамъ. „Эти страсти создали для торговли безчисленныя препятствія, въ которыхъ, нужно сознаться, мы обыкновенно дѣлали первый шагъ. Что же мы черезъ это пріобрѣли?—Мы потеряли французскій рынокъ для на-

*) Idem: 110, 111.

шихъ шерстяныхъ мануфактуръ и винную торговлю перенесли въ Испанію и Португалію, гдѣ мы далеко худшіе напитки покупаемъ за бо́льшія деньги. Существуетъ мало англичанъ, которые не думали бы, что ихъ отечество разрушится, если французское вино будетъ такъ дешево, что вытѣснитъ изъ употребленія эль и другіе туземные напитки. Но еслибы мы хотѣли отказаться отъ предразсудковъ, то не трудно было бы убѣдиться, что въ сущности эта перемѣна не только была бы безвредна, но можетъ-быть и очень выгодна. Каждый новый кусокъ земли во Франціи, воздѣланный виноградомъ, для доставки въ Англію вина, сдѣлалъ бы необходимымъ для французовъ покупать продуктъ такого же англійскаго куска земли...“ *).

У Юма, въ его способѣ построенія экономическихъ выводовъ, замѣчается тотъ же пріемъ, который мы видѣли у Дедлея Норта: изъ какого-нибудь частнаго случая онъ дѣлаетъ отвлеченіе для общаго правила; по примѣру удачной свободной торговли нѣсколькихъ провинцій другъ съ другомъ онъ составляетъ заключеніе и о выгодѣ свободной международной торговли. Точно такъ же Юмъ, какъ и Нортъ, отожествляетъ частные интересы съ общественными или государственными, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. По его мнѣнію, величина государства и счастіе его жителей настолько, насколько они зависятъ другъ отъ друга, въ отношеніи торговли — нераздѣльны. Вся сила частнаго человѣка заключается въ его владѣніи торговлей и богатствами, которыя обезпечиваютъ ему большую независимость; точно также государство могущественно (а отсюда, по его мысли, и счастливо), когда торговля и богатства частныхъ лицъ велики и обширны.

---

*) D. Hume, 113.

Впрочемъ, онъ дѣлаетъ здѣсь одно исключенiе въ видахъ политическихъ. „Могутъ быть обстоятельства, гдѣ торговля, богатство и роскошь частныхъ лицъ, вмѣсто того чтобъ усиливать могущество государства, будутъ ослаблять его военныя силы...“ Это можетъ происходить такимъ образомъ: весь трудъ Юмъ дѣлитъ на земледѣльческiй и мануфактурный; послѣднiй можетъ быть значителенъ только въ томъ случаѣ, когда существуютъ излишнiя руки отъ земледѣлiя и развита роскошь между богатыми лицами. Изъ мануфактурныхъ работниковъ преимущественно государство вербуетъ и своихъ солдатъ. Теперь если кругъ потребностей народа ограниченъ и мануфактура незначительна, то государство получаетъ несравненно легче возможность излишнiя отъ земледѣлiя руки употреблять для своего войска и флота, нежели въ томъ случаѣ, когда мануфактуры процвѣтаютъ, чтобъ удовлетворять роскошь частныхъ людей. Здѣсь, такимъ образомъ, происходитъ коллизiя интересовъ частныхъ и государственныхъ. Государство не можетъ сдѣлаться могущественѣе, когда лишнiя руки не прилагаются къ его службѣ; между тѣмъ, для увеличенiя удобствъ частныхъ лицъ, требуется, чтобъ эти руки были обращены къ удовлетворенiю ихъ стремленiй къ роскоши.

Мысль объ этомъ противорѣчiи его общей системѣ видимо занимаетъ автора, и онъ возвращается къ ней нѣсколько разъ. „Все на свѣтѣ, говоритъ онъ,—прiобрѣтается черезъ трудъ, и наши страсти суть единственная пружина труда. Когда нацiя имѣетъ излишекъ въ мануфактурахъ и механическихъ искуствахъ, то собственники земли, ровно какъ и фермеры, обращаются къ земледѣлiю какъ къ наукѣ и удвоиваютъ свое прилежанiе и внимательность. Ничего, что получается отъ ихъ труда, не пропадаетъ, но обмѣниваег-

ся на трудъ мануфактуриста, и люди становятся стяжательны изъ любви къ роскоши. Сверхъ необходимаго на содержаніе земледѣльцевъ образуется излишекъ сельскихъ произведеній, который идетъ въ мирное время на содержаніе мануфактуристамъ и занятымъ свободными профессіями. Но, кромѣ того, государству весьма легко многихъ изъ этихъ мануфактурныхъ рабочихъ обратить въ солдатъ, и тогда они содержатся на тотъже излишекъ" *). Но, полагая страсти или стремленіе къ удовлетворенію разнородныхъ прихотей побудительною причиной труда, Д. Юмъ не считаетъ ихъ чѣмъ-либо порочнымъ или ведущимъ государство къ упадку,—во-первыхъ потому, что „прихоть" или „удовольствіе" есть понятіе весьма относительное и условное, и во-вторыхъ потому, что эти прихоти богатыхъ даютъ работу бѣднымъ. Доказательствомъ также можетъ служить, что въ странахъ, весьма мало развитыхъ въ промышленномъ отношеніи, пороки нерѣдко господствуютъ весьма сильно; корень, слѣдовательно, лежитъ не въ стремленіи къ роскоши. „Изо всѣхъ европейскихъ странъ, приводитъ онъ примѣръ,—Польша есть наиболѣе отсталая во всѣхъ отношеніяхъ—какъ въ военномъ, такъ и въ мирномъ искусствахъ, какъ въ механическихъ, такъ и въ свободныхъ профессіяхъ; и при всемъ этомъ нигдѣ не существуетъ бо̀льшаго стремленія къ подкупу и продажѣ голосовъ (на выборахъ). Кажется, дворянство тамъ для того только и держится права избирать своихъ королей, чтобы продавать корону лицу болѣе за нее дающему. Чуть-ли это не единственный родъ торговли, извѣстный польскому народу" **).

*) D. Hume, 16.

**) David Hume (Von der Ueppigkeit), стр. 14.

Юмъ ставитъ высоко значеніе иностранной торговли для богатства страны и благосостоянія и довольства подданныхъ, что у него видимо отожествляется. Торговля и прилежаніе, по своей сущности, представляютъ ничто иное какъ капиталъ или запасъ труда (Capital von Arbeit), который въ мирное время служитъ для удобствъ и прихотей частныхъ лицъ, а въ военное можетъ быть обращенъ для общественной службы... Иностранная торговля увеличиваетъ могущество государства, также какъ благополучіе и богатство подданныхъ. Эта торговля увеличиваетъ капиталъ труда у націи, и монархъ можетъ одну часть его обратить для общественныхъ или государственныхъ цѣлей. Иностранная торговля даетъ черезъ ввозъ матеріалы для новыхъ мануфактуръ, а черезъ вывозъ обращаетъ тотъ же трудъ къ такимъ мануфактурамъ, которыя не могутъ быть употребляемы въ странѣ. Короче, государство, которое владѣетъ большимъ ввозомъ и вывозомъ, должно необходимо имѣть болѣе работы, направленной на производство предметовъ роскоши и изящества, нежели страна, которая довольствуется только своими туземными продуктами. Оно могущественнѣе, богаче и счастливѣе" *).

Приведенныя мѣста изъ трудовъ Юма достаточно обрисовываютъ общій характеръ его воззрѣній: они представляютъ собой апологію расширявшейся тогда индустріи и торговлѣ. Въ отвѣтъ меркантилистамъ, Юмъ старается опровергнуть теорію торговаго баланса и доказать разнообразную пользу роскоши. Стремленіе человѣка къ удовлетворенію своихъ второстепенныхъ нуждъ и прихотей является у него главнымъ двигателемъ къ усиленной производительности. Чѣмъ

---

*) D. Hume: 18—20.

болѣе богатыхъ людей живетъ въ странѣ, чѣмъ роскошнѣе они живутъ, тѣмъ болѣе страна богатѣетъ и процвѣтаетъ. Прежде всего, по его мнѣнію, развивается иностранная торговля, такъ какъ гораздо удобнѣе и легче получать готовые иностранные продукты, нежели дожидаться развитія собственныхъ мануфактуръ, что совершается медленно и постепенно. Но затѣмъ кругъ потребностей и самая сила стремленія къ ихъ удовлетворенію еще болѣе расширяются, и тогда получаютъ свое развитіе и туземныя мануфактуры, которыя, слѣдовательно, обязаны своимъ происхожденіемъ отчасти иностранной торговлѣ.

Кромѣ богатства и благосостоянія отдѣльныхъ индивидовъ, которое Юмъ вездѣ отождествляетъ и съ благосостояніемъ страны, развитіе торговли и промышленности важно и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Добывая себѣ съ помощію трудолюбія довольство, люди становятся общительнѣе, нравы смягчаются и дѣлаются человѣчнѣе, наконецъ наука и изящныя искусства развиваются. Все это вмѣстѣ опять увеличиваетъ общее благосостояніе и даетъ лишній стимулъ къ обогащенію. Такимъ образомъ *трудолюбіе*, *наука* и *гуманность* тѣсно связаны вмѣстѣ и присущи временамъ общаго довольства и богатства. Эти двигатели человѣческаго счастія выгодны какъ частнымъ лицамъ, такъ и всему государству. Они распространяютъ свое благодѣтельное вліяніе на всю общественную жизнь и дѣлаютъ государство великимъ и цвѣтущимъ настолько, насколько его отдѣльные члены сдѣлались счастливы и богаты. Отсюда рождается, какъ необходимость, выводъ, что всякое вмѣшательство, всякія препоны частной дѣятельности въ торговлѣ и промышленности должны ослаблять ее и уменьшать ея размѣры, а тѣмъ уменьшать общее благополучіе и богатство. Поэтому

и слѣдуетъ отвергнуть какъ регулированіе денежнаго обращенія въ видахъ поддержанія торговаго баланса, такъ и регулированіе высоты процентовъ, которая опредѣляется не количествомъ денегъ, а общимъ накопленіемъ богатства страны, какъ результатомъ труда. Относительно торговли Юмъ дѣлаетъ одну непослѣдовательность: онъ допускаетъ, что въ *нѣкоторыхъ случаяхъ* таможенныя пошлины могутъ быть не только не вредны, но даже и полезны. По его словамъ, „къ такимъ пошлинамъ въ Англіи слѣдуетъ причислить налогъ на нѣмецкое полотно и холстъ, что приводитъ въ цвѣтущее состояніе туземную мануфактуру и черезъ это увеличиваетъ населеніе и наше трудолюбіе“ *).

Гораздо рѣшительнѣе въ своихъ выводахъ современники Юма: Джосуа Токкеръ (Tucker) и Адамъ Фергюсонъ (Ferguson), воззрѣнія которыхъ значительно подходятъ къ настоящимъ—манчестерской школы. Первый писатель не только не считаетъ деньги богатствомъ страны, но стремится даже опровергнуть какъ предразсудокъ, что бѣдныя націи, будто-бы, естественные враги богатыхъ націй въ экономическомъ отношеніи. Такъ какъ бѣдныя страны не могутъ конкуррировать съ богатыми по недостатку капитала и искусства, то имъ выгоднѣе заниматься производствомъ сырыхъ продуктовъ, а богатымъ предоставить мануфактуру. „*Между народами*, по мнѣнію Токкера, *не существуетъ никакого антагонизма интересовъ*, а напротивъ господствуетъ согласіе, гармонія; Провидѣніе каждому народу доставило возможность и способность возрастанія и успѣха“. „Можно считать за общее правило, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что промышленная нація не

*) David Hume (Von der Balanz der Handlung), 124.

можетъ терпѣть ущерба, за немногими исключеніями, отъ увеличенной индустріи ея сосѣдей“. Это космополитическое воззрѣніе на всемірную торговлю Юма и Токкера, впослѣдствіи развитое Смитомъ, находитъ себѣ представителя также и въ Фергюсонѣ. У этого послѣдняго замѣчается тотъ же, неразрывно связанный съ системой свободной торговли, частно-правовый взглядъ на отношеніе индивидуальныхъ интересовъ къ государственнымъ. „Интересы отдѣльныхъ лицъ, по его мнѣнію,—весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные классы, особенно купеческій, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности гражданъ“. Фергюсонъ является рѣшительнымъ сторонникомъ принципа свободной экономической дѣятельности почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и Ад. Смитъ. „Торговля, утверждалъ напр. онъ,—есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправый путь“ *).

Дѣйствительно, время, въ которое это положеніе высказывалось, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало сознанію необходимости свободной экономической дѣятельности. Во всей Европѣ господствовала строгая запретительная система, мѣшавшая расширенію британской торговли. Торговыя сношенія Англіи съ ея ближайшею сосѣдкой Франціей были незначительны и

---

*) Kautz: Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomik. Zweiter Theil, 400—401.

*

опутаны массой всевозможныхъ препятствій, благодаря почти постоянному духу враждебности между обѣими странами. Одинъ изъ главныхъ французскихъ товаровъ, вино, почти не допускалось въ Англію, вслѣдствіе очень высокой пошлины и Метуэнскаго трактата съ Португаліей, по которому вина этой послѣдней страны сдѣлались на британскомъ рынкѣ привилегированными, т. е. обложены низшихъ размѣровъ пошлиной. Португалія, въ министерство извѣстнаго Пломбаля, въ свою очередь вздумала избавиться отъ иностранныхъ мануфактуръ и ввела самую строгую регламентацію надо всей своей промышленностью и торговлею. Производство различныхъ мануфактуръ поощрялось всѣми возможными мѣрами: таксами заработной платы, запрещеніями ввоза, учрежденіемъ монополій, и т. д.,— короче, способами, хорошо извѣстными въ англійской экономической политикѣ, но въ настоящемъ случаѣ для ней самой весьма невыгодными. Англійскія издѣлія начинали встрѣчать въ Португаліи значительныя затрудненія, и *британскіе купцы*, по словамъ Леона Леви, *негодовали на эту дѣятельность Пломбаля*. Въ Испаніи точно также существовалъ строгій запретительный тарифъ: ввозъ всѣхъ хлопчато-бумажныхъ матерій, мануфактура которыхъ только-что начала развиваться въ Англіи и быстро получила огромное значеніе, былъ совершенно запрещенъ въ Испаніи; понятно, что это *тяжело давило британскую торговлю* съ этой страной *).

То же, что въ этихъ трехъ странахъ, повторялось и во всѣхъ остальныхъ государствахъ Европы: вездѣ одинаково запретительная система мѣшала успѣхамъ развивавшейся англійской торговли. Нѣсколько либе-

---

*) Leone Levi: History of British Commerce. 1872, стр. 31.

ральнѣе другихъ странъ, по словамъ Леви, была торговая политика Екатерины II въ Россіи: торговый трактатъ, заключенный ею съ Англіей въ 1776 г., доставилъ послѣдней, нужно думать, значительныя выгоды.

Внутренняя регламентація точно также начинала давить промышленную дѣятельность Англіи: существовали налоги на множество производствъ, существенно важныхъ для страны. Такъ, были обложены акцизами стеклянное, мыловарное, полотняное, шелковое, бумажное и многія другія производства. Законъ стѣснялъ здѣсь мануфактуру не столько величиной самого налога, сколько вмѣшательствомъ чиновника во всѣ стадіи производства и заранѣе предписанными его формами. Для избѣжанія уклоненія отъ налога были предначертаны подробныя мелочныя правила фабрикаціи, которымъ промышленникъ долженъ былъ слѣдовать подъ страхомъ тяжелой пени, или даже закрытія заведенія. Все это конечно не могло не вредить ходу дѣла и не задерживать примѣненія новыхъ способовъ и техническихъ изобрѣтеній. Къ этому времени, между тѣмъ, относятся великія изобрѣтенія Аркрайта. Уатта, Корта и другихъ, дававшія новыя силы мануфактурному производству. Особенную важность имѣло примѣненіе силы пара. Всѣ даровые механическіе двигатели. какъ вѣтеръ и вода, обусловливаются временемъ или мѣстомъ; паръ же сдѣлалъ возможнымъ устройство обширныхъ промышленныхъ заведеній въ любой мѣстности, удобной для сбыта товара; паръ, наконецъ, далъ возможность вести производство постоянно и безъ перерывовъ.

Всѣ эти изобрѣтенія того времени сразу поставили Англію, сравнительно съ остальной Европой, въ промышленномъ отношеніи на высокую степень превосходства: вывозъ машинъ былъ строго воспрещенъ; изобрѣтенія

составляли или привилегіи, или секреты своихъ авторовъ. Великобританія, слѣдовательно, монополизировала всѣ выгоды этихъ новыхъ успѣховъ и получала огромную производительную способность. Иностранная конкурренція надолго становилась неопасной, а иностранная запретительная система, между тѣмъ, *вредила расширенію британскихъ рынковъ*. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла въ англійскомъ обществѣ усилилось броженіе въ пользу началъ свободной торговли. Это сознаніе необходимости переформировать въ новомъ смыслѣ экономическій строй должно было выразиться въ отдѣльныхъ законодательныхъ мѣрахъ, направленныхъ противъ наиболѣе стѣснительныхъ формъ правительственной регламентаціи. Таковы явились первоначально измѣненія во внутренней политикѣ: внутренній акцизъ, напримѣръ, на хлопчато-бумажную мануфактуру, только-что поднимавшуюся, по просьбѣ манчестерскихъ и глазговскихъ ткачей, былъ уничтоженъ. Тѣмъ же путемъ слѣдовали постепенно перемѣны и въ другихъ частяхъ старой системы.

Такимъ образомъ, производительныя силы Британіи начинали развиваться въ широкихъ, сравнительно съ прежнимъ, размѣрахъ, и старыя рамки для нея сдѣлались слишкомъ узки: это чувствовалось всѣми, но въ то же время, по традиціи, они считались необходимыми и полезными. Всѣ понятія спутывались, и представленія о необходимости новаго направленія въ экономической политикѣ были смутны. Законодательство дѣлало, какъ во всякую переходную эпоху, не рѣшительные шаги—то въ ту, то въ другую сторону: одна мѣра была направлена къ освобожденію какого-нибудь экономическаго дѣйствія отъ государственной опеки, другая, наоборотъ, усиливала регламентацію. Чувствовалась настоятельная необходимость привести эконо-

мическія понятія въ ясность, поставить ихъ другъ отъ друга въ логическую зависимость и, наконецъ, установить на прочномъ основаніи. Отвѣтомъ на эту потребность и вызовъ времени и явился въ свѣтъ въ 1776 г. знаменитый трудъ Адама Смита о „Богатствѣ народовъ“ *).

---

*) Честь *первой*, систематической научной обработки экономическихъ поннтій въ ихъ совокупности и взаимной связи принадлежитъ, впрочемъ, Джемсу Стьюарту. Рошеръ совершенно справедливо называетъ его „великимъ экономистомъ,“ хотя едва ли возможно съ нимъ согласитьсн, что причина забвенія потомствомъ Стьюарта состоитъ столько въ еще бо̀льшемъ величіи А. Смита и его внѣшнихъ достоинствахъ (прекрасной формѣ изложенія). Намъ кажется, корень лежитъ нѣсколько глубже: послѣдній экономистъ болѣе отвѣчалъ духу и потребностямъ своего времени, нежели первый, а главное, болѣе соотвѣтствовалъ господствовавшимъ интересамъ. См. Рошеръ: Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. 1874, стр. 563.

ГЛАВА V.

Воззрѣнія Адама Смита на торговлю и государственное вмѣшательство.—Вліяніе естественнаго права, теологіи и индуктивнаго метода Монтескьё.—Историческая параллель развитія началъ старой и новой школы.

„Богатство народовъ“ появилось наканунѣ объявленія независимости Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которое представляетъ важный моментъ въ британской торговой политикѣ. Бывшія колоніи заключали собой одну изъ самыхъ выгодныхъ монополій британскихъ мануфактуристовъ и торговцевъ. Большая часть американскихъ продуктовъ могла продаваться только въ Великобританіи. Всѣ произведенія колоній дѣлились на *перечисленныя* въ навигаціонныхъ законахъ (enumerated commodities) и *неперечисленныя* (non enumerated), т.-е. дозволенные къ продажѣ иностранцамъ. Къ первымъ принадлежали всѣ важнѣйшіе продукты, какъ лѣсъ, дерево всякаго рода, смола, терпентинъ и т. д., вывозъ которыхъ былъ запрещенъ во всякую другую страну кромѣ метрополіи; исключеніе изъ этой категоріи, впрочемъ, составлялъ хлѣбъ и нѣкоторые сельскіе продукты, которые, въ интересахъ англійскихъ землевладѣльцевъ, не только дозволялось вывозить въ иностранныя государства, но было даже запрещено *ввозить* въ Анг-

лію. Но такими мѣрами еще не ограничивалась эксплуатація колоній, крайне вредная для ихъ экономическаго развитія: съ этою же цѣлью преслѣдовалась всякая попытка колонистовъ завести у себя мануфактуру, которая могла бы представить конкурренцію метрополіи. Такъ, добываніе желѣза и его обработка въ первоначальномъ видѣ колоніямъ была дозволена, но затѣмъ всякое дальнѣйшее производство, какъ прокатка желѣза, выдѣлка стали и т. д. было строго воспрещено въ интересахъ англійскихъ заводчиковъ. Вообще, основное положеніе колоніальной политики заключалось въ томъ, что всѣ, по возможности, мануфактурныя произведенія колоніи обязаны были пріобрѣтать въ своемъ старомъ отечествѣ, не производя ничего, кромѣ сырья, у себя дома. До какой степени доходили стѣснительныя мѣры, предпринимаемыя для этого, можно судить по тому, что даже между провинціями одной и той же колоніи запрещалась всякая перевозка для торговыхъ цѣлей шерстяныхъ матерій и даже шляпъ *).

Съ объявленіемъ независимости, американцы сбрасывали съ себя эту тяжелую гегемонію своей мачихи— метрополіи, нанося ея торговымъ интересамъ сильный, хотя и временный, ущербъ, и вступали самостоятельнымъ народомъ въ семью свободныхъ націй. Извѣстно то сочувствіе, съ которымъ большинство Европы привѣтствовало новое государство, которое давало сильный ударъ себялюбивой политикѣ Англіи. Даже въ этой послѣдней раздавались голоса, признававшіе право на

*) См. Ad. Smith: Wealth of Nations, Book IV, Chap. VII. Leone Levi: History of British Commerce. 1872, Part I, Chap II. „Не слѣдуетъ допускать чтобы колонисты могли дѣлать даже подковы, чтобы ковать ихъ собственныхъ лошадей!“ Такъ восклицаетъ однажды лордъ Чатамъ при обсужденіи вопросовъ колоніальной политики въ парламентѣ, почти наканунѣ отложенія Соединенныхъ Штатовъ.

сторонѣ Америки и ея защитниковъ *). Въ самомъ дѣлѣ, разсчитывая на общую симпатію, трудно было бы колоніямъ выбрать лучшій моментъ для своего освобожденія. поднимавшееся во всѣхъ образованныхъ государствахъ тогдашней Европы среднее сословіе громко заявляло требованія на расширеніе своихъ политическихъ правъ; скептическое отношеніе къ существовавшимъ учрежденіямъ и стремленіе къ широкой индивидуальной свободѣ составляютъ характерныя черты эпохи. Братство, равенство, свобода служатъ лозунгомъ времени; господство разума, вѣротерпимость, свобода изслѣдованія, презрѣніе къ государственному произволу являются исходными точками всѣхъ господствующихъ стремленій.

Въ тѣсной связи съ этимъ духомъ и настроеніемъ вѣка состоятъ и начала свободной конкурренціи, возвѣщенныя и установленныя трудомъ Смита: экономическая дѣятельность человѣка свободная отъ всякихъ ограниченій, трудъ свободный отъ всякой регламентаціи, промышленность и торговля свободныя отъ всякой опеки и предоставленныя исключительно частной иниціативѣ. Таковы принципы его системы, послужившіе фундаментомъ новѣйшей экономической политикѣ Великобританіи, а въ меньшей степени и всей Европы; они видимо составляютъ только часть и развитіе въ экономической области тѣхъ идей, которыя создали революцію 1789 года. Отрицаніе всякихъ монополій въ широкомъ смыслѣ слова, отрицаніе корпорацій, цеховъ, таксъ, уничтоженіе всякихъ торговыхъ запрещеній, какъ и поощреній,—все это сводится къ отрицанію

---

*) См. напр. Taxation-Tyranny, 1775. The Pamphlet entitled: „Taxation—no Tyranny“ candidly considered. 1775 и др., а также Ад. Смитъ: loco citato.

произвола, или точнѣе, къ общему желанію умаленія власти, что характеризуетъ такъ весь XVIII вѣкъ. „Свобода, свободная индивидуальная дѣятельность есть для Смита", по словамъ одного экономиста, „всеоплодотворяющій и одухотворяющій элементъ; это есть воздухъ, которымъ дышетъ хозяйство, свѣтъ, который освѣщаетъ богатство, дыханіе жизни, которое все проникаетъ и призываетъ къ живой дѣятельности, базисъ для общаго развитія и усовершенствованія, рычагъ всякаго успѣха и, наконецъ, истинная волшебная формула, съ помощью которой все дурное изгоняется, а все доброе, великое и прочное вызывается" *).

Эта сильная вѣра въ могущество и творческую силу принциповъ свободы, нѣтъ сомнѣнія, содѣйствовала развитію космополитизма его воззрѣній на международную торговлю и убѣжденію въ необходимости и полезности неограниченной свободной конкурренціи. Но какъ политическое движеніе конца XVIII в., хотя и произвело огромный и во многихъ отношеніяхъ благодѣтельный переворотъ, не привело однако человѣчества къ желанному благополучію, точно также и ученіе Смита о свободной конкурренціи далеко не оправдало его надеждъ на свою благодѣтельность, а космополитизмъ не привелъ къ братскому единенію народовъ.

Свою борьбу съ меркантилизмомъ, какъ важнѣйшей общею помѣхой къ свободной экономической дѣятельности, Адамъ Смитъ начинаетъ съ вопроса о деньгахъ **). Прежде чѣмъ перейдти къ изслѣдованію раз-

*) Kautz: Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomik. 1860. II Theil, 425.

**) Ad. Smith: An Inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations 1776. Мы пользовались десятымъ изданіемъ 1801 г., но въ виду ихъ множества и разнообразія рѣшились приводить только часть и главу.

личныхъ ограниченій торговли, онъ опровергаетъ меркантильный взглядъ на деньги, какъ единственное богатство и доказываетъ, что онѣ суть такой же товаръ, какъ и всякій другой, который подлежитъ измѣненіямъ какъ въ цѣнности, такъ и цѣнѣ. Служа орудіемъ мѣны, деньги отнюдь не вызываютъ необходимости въ ихъ привлеченіи въ страну: „Страна, которая не имѣетъ собственныхъ рудъ золота и серебра, должна несомнѣнно извлекать ихъ изъ иностранныхъ государствъ тѣмъ же образомъ, какъ и страна, которая, не имѣя своихъ виноградниковъ, получаетъ вино. Нѣтъ вовсе надобности, чтобы вниманіе правительства было болѣе направлено на одинъ предметъ, нежели на другой. Страна, которая имѣетъ на что купить вина, будетъ всегда получать вино, какое требуется, точно такъ и страна, которая имѣетъ на что купить золота и серебра, никогда не будетъ нуждаться въ этихъ металлахъ. Онѣ покупаются за извѣстную цѣну, подобно всѣмъ другимъ товарамъ, и какъ онѣ представляютъ цѣну (are the price) всѣхъ другихъ товаровъ, такъ всѣ другіе товары — цѣну этихъ металловъ. Мы вѣримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что свобода торговли, безъ всякаго особаго вниманія со стороны правительства, будетъ всегда снабжать насъ всѣхъ золотомъ и серебромъ, которое намъ нужно для обращенія нашихъ товаровъ или для другихъ цѣлей“ (Book IV, Chap. I). Точно также, по мнѣнію Смита, нѣтъ нужды собирать драгоцѣнные металлы для веденія войны за границей и содержанія флота и войска въ отдаленныхъ странахъ, такъ какъ они содержатся не золотомъ и серебромъ, а потребляемымъ добромъ. Нація, которая отъ ежегоднаго производства своей промышленности, отъ ежегоднаго дохода съ земель, труда и т. д. имѣетъ возможность покупать всѣ эти потребляемые

предметы, будетъ въ состоянiи и вести иностранныя войны.

Въ своемъ старанiи опровергнуть предразсудокъ меркантилистовъ, Смитъ впадаетъ даже въ противоположную крайность — умаляетъ значенiе денегъ въ народной экономiи. „Деньги, говоритъ онъ,—составляютъ часть народнаго капитала....., *но малую часть и притомъ самую невыгодную* „(Idem)“. Деньги, по его воззрѣнiямъ, непроизводительный и мертвый капиталъ, такъ какъ не оставляютъ никакихъ матерiальныхъ слѣдовъ на товарахъ при переходѣ ихъ изъ рукъ въ руки“. Очевидно, что такое мнѣнiе Смита въ данномъ случаѣ обусловливается жаромъ полемики. Въ той же главѣ онъ противорѣчитъ этому положенiю, утверждая, что ввозъ драгоцѣнныхъ металловъ составляетъ не главное и далеко *не единственное* благодѣянiе, извлекаемое нацiей изъ иностранной торговли; но, конечно, если деньги самый невыгодный, мертвый капиталъ, то привлеченiе ихъ въ страну и вовсе даже нельзя бы считать *благодѣянiемъ*.

Иностранная торговля, по воззрѣнiю Смита, доставляетъ двоякую выгоду: во-первыхъ, она даетъ возможность сбывать излишнюю часть продуктовъ земли и труда, для которыхъ нѣтъ требованiя въ самой странѣ, и во вторыхъ, доставляетъ взамѣнъ нѣчто другое, на что существуетъ требованiе. Торговля эта даетъ цѣнность излишкамъ, мѣной ихъ на другiе предметы, и сообщаетъ толчокъ раздѣленiю труда въ разныхъ отрасляхъ мануфактуры. Расширенiемъ рынка для какого-либо рода продуктовъ можетъ расшириться и туземное потребленiе; вообще, иностранная торговля поощряетъ производительныя силы и умножаетъ ежегодное производство, увеличивая черезъ это истинный доходъ и богатство общества. Но существуетъ убѣжденiе,

прилагаемое вездѣ на практикѣ, что нужно способствовать возрастанію собственной промышленности и торговли съ помощью различныхъ запретительныхъ и охранительныхъ мѣръ противъ конкурренціи иностранцевъ. Главная изъ этихъ мѣръ заключается въ томъ, что ввозъ иностранныхъ товаровъ или подвергается абсолютному запрещенію, или облагается высокими таможенными пошлинами, черезъ что обезпечивается туземной промышленности монополія домашняго рынка. Для примѣра Смитъ приводитъ рядъ подобныхъ запрещеній изъ современной англійской таможенной практики. „Нѣтъ сомнѣнія, объясняетъ онъ далѣе, что такая монополія домашняго рынка даетъ большое поощреніе отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, которыя имъ пользуются, и часто обращаетъ къ этому производству большую долю труда и капитала страны, чѣмъ это случилось бы иначе". Но, допуская полезность покровительственной системы для отдѣльныхъ мануфактуръ, Смитъ доказываетъ ея общій вредъ для всего производства и богатства страны. Промышленность страны никогда не можетъ превзойти тотъ капиталъ, который она можетъ употреблять (затрачивать). Какъ число работниковъ, которое каждый можетъ держать за работой, должно состоять въ извѣстное пропорціи къ его капиталу, точно такъ и число рабочихъ, которое можетъ быть занято всѣми членами государства, должно находиться въ извѣстной пропорціи къ его цѣлому капиталу и *никогда не можетъ превосходить эту пропорцію.* Никакія, поэтому, регуляціи торговли не могутъ увеличить размѣровъ всей промышленности, и ни въ какой странѣ далѣе того, что капиталъ можетъ содержать. Онѣ могутъ только измѣнить часть его въ направленіи, которому иначе бы капиталъ не послѣдовалъ, и отнюдь не извѣстно, будетъ ли это

искусственное направленіе промышленности болѣе выгодно для страны нежели то, которому она сама могла бы послѣдовать. (Book IV, Chap. II).

„Каждый индивидъ, продолжаемъ поясненіе собственными словами Смита, постоянно стремится найдти наивыгоднѣйшее употребленіе для капитала, которымъ располагаетъ. Онъ, конечно имѣетъ въ виду свою собственную выгоду, а не общества; но *изученіе его собственныхъ выгодъ* натурально, или скорѣе необходимо *приведетъ его къ предпочтенію того занятія, которое есть въ то же время, самое выгодное для общества.* „(Idem)". Каждый индивидъ, заботясь по своему крайнему разумѣнію о томъ, какъ бы лучше употребить свой капиталъ, т. е. съ большой выгодой для себя, тѣмъ самымъ, однако способствуетъ наилучшимъ образомъ общему благу. Въ дѣйствительности онъ вовсе не хлопочетъ объ интересахъ общества и не знаетъ какъ имъ помочь; но, заботясь исключительно о своемъ личномъ интересѣ и стараясь направить свой промыселъ такъ, чтобы получать отъ него наибольшую цѣнность, тѣмъ самымъ приводится *невидимою рукой* къ концу, которой вовсе не былъ въ предѣлахъ его намѣренія". Короче, преслѣдуя свой собственный интересъ онъ способствуетъ общей пользѣ гораздо больше, нежели когда къ ней направляется искусственно. Какъ и къ какому дѣлу частному лицу лучше всего приложить свой капиталъ, чтобы получить наибольшую выгоду, лучше всего можетъ судить само частное лицо и скорѣе, нежели любой государственный человѣкъ.

Такимъ образомъ, частные, индивидуальные интересы отождествляются у Смита съ общими интересами народа. Отсюда слѣдуетъ опять, какъ необходимый выводъ, отрицаніе всякаго государственнаго вмѣшательства въ частную экономическую дѣятельность: чѣмъ менѣе

правительство заботится, черезъ запрещенія, преміи, таксы и другія подобныя средства, контролировать и поощрять промышленность и торговлю, тѣмъ для нихъ лучше, тѣмъ успѣшнѣе будетъ ихъ ходъ и скорѣе будетъ развиваться народное богатство. Дѣятельность государственной и общественной власти сводится, слѣдовательно, главнымъ образомъ только къ одной охранительной функціи. „Предоставить домашній рынокъ продуктамъ домашней индустріи въ какой-нибудь отдѣльной отрасли искусства или мануфактуры, говоритъ Смитъ, — значитъ до нѣкоторой степени направить частныхъ лицъ къ тому способу, которымъ они должны употребить ихъ капиталы, а такая политика во всѣхъ почти случаяхъ является безполезной или вредной: если продукты своего производства могутъ быть получаемы такъ же дешево, какъ заграничные, то всѣ регуляціи очевидно безполезны; если же собственные продукты дороже, то конечно онѣ вредны". Далѣе Смитъ съ тѣмъ индивидуализмомъ, который его отличаетъ, на примѣрѣ частнаго хозяйства старается доказать истину своего положенія для хозяйства народнаго. Можно считать говоритъ онъ, за правило для каждаго благоразумнаго главы семейства—никогда не пытаться приготовлять дома предметы, которые бы ему обошлись при этомъ дороже, нежели купленные. Портной не думаетъ дѣлать самъ свои башмаки, а покупаетъ ихъ у башмашника. Башмашникъ не пытается дѣлать для себя платье, а пріобрѣтаетъ его у портнаго. Земледѣлецъ не производитъ самъ ни того, ни другаго, а покупаетъ у этихъ ремесленниковъ. Всѣ они одинаково находятъ, что для ихъ интереса всего выгоднѣе направлять свой трудъ исключительно къ такому занятію, въ которомъ они могутъ имѣть нѣкоторое преимущество передъ сосѣдями, и покупать за часть цѣны сво-

нхъ продуктовъ все остальное, въ чемъ они нуждаются. „*Но что благоразумно въ поведеніи частнаго семейства, то едва ли можно считать глупостью для цѣлаго королевства.* Если иностранное государство можетъ снабжать насъ какимъ-нибудь товаромъ дешевле, чѣмъ мы можемъ его производить, то конечно лучше его покупать съ помощью части продуктовъ нашей промышленности, въ которой мы имѣемъ нѣкоторое преимущество. Черезъ это общая промышленность страны, будучи всегда въ пропорціи къ капиталу, который на нее употребляется, не будетъ уменьшаться — какъ и упомянутыхъ выше ремесленниковъ, но будетъ только предоставлена тому пути, на которомъ можетъ вестись съ наибольшею выгодой. А конечно нельзя считать капиталъ употребленнымъ съ наибольшею выгодой, когда было бы дешевле купить предметъ, нежели его производить. Благодаря этому, цѣнность ежегоднаго производства страны болѣе или менѣе уменьшается" (Book IV, Chap. II). Вообще, по словамъ Смита можно выставить за общее правило: въ интересахъ огромнаго большинства народа слѣдуетъ покупать то, въ чемъ онъ нуждается, тамъ гдѣ этотъ товаръ продается, всего дешевле. (Book IV, Chap. III). И такъ, общее правило новой торговой политики: покупай на самомъ дешевомъ рынкѣ, продавай на самомъ дорогомъ.

Отрицая монополію туземнаго рынка для цѣлаго производства страны, Смитъ одинаково отвергаетъ и всѣ внутреннія монополіи, какъ стѣсненія и ограниченія права труда, свободы передвиженія и т. д., считая подобныя мѣры вредными въ томъ же самомъ направленіи, т. е. для всей суммы производства—этой главной и почти единственной у него задачи всего народнаго хозяйства. „Монополіи, какъ онъ называетъ всякое ограниченіе экономической дѣятельности, есть

великій врагъ всякому хорошему направленію, которое можетъ быть не иначе устроено, какъ только съ помощью свободной и всеобщей конкурренціи..." (Book I, Chap. XI). Вмѣсто торговаго баланса меркантилистовъ, онъ выставляетъ другой балансъ — ежегоднаго производства и потребленія. Если мѣновая цѣнность ежегоднаго производства превосходитъ ежегодное потребленіе, то *капиталъ общества долженъ ежегодно увеличиваться пропорціонально этому излишку*. Общество въ этомъ случаѣ живетъ на свой доходъ и сверхъ того каждый годъ нѣчто сберегаетъ изъ него и естественно прибавляетъ къ своему капиталу, расширяя дальше и ежегодное производство. Наоборотъ, если мѣновая цѣнность ежегоднаго производства падаетъ сравнительно съ потребленіемъ, то и капиталъ общества долженъ каждый годъ упадать въ пропорціи къ этой недостачѣ (Book IV, Chap. III).

Принимая тождество индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ за исходную точку своей системы, Смитъ одинаково съ Нортомъ и Юмомъ приходитъ къ убѣжденію въ космополитическомъ значеніи торговли, выгодной для всѣхъ націй, въ противность утвержденіямъ меркантилистовъ. Торговля, по его словамъ, должна быть по натурѣ (?) между націями, какъ и индивидами *связью союза* (a bond of union) *и дружбы*; а между тѣмъ ложныя воззрѣнія сдѣлали ее постояннымъ источникомъ несогласія и враждебности и привели къ цѣлому ряду войнъ. Богатство сосѣдней націи должно возбуждать не зависть, а чувство доброжелательства: если оно иногда и опасно, такъ только во время войны, давая возможность непріятелю содержать бо́льшее войско. Но во время мира богатство сосѣдей только выгодно для торговли: оно расширяетъ обмѣнъ и доставляетъ лучшій рынокъ какъ для продажи соб-

ственныхъ продуктовъ, такъ и для покупки чужихъ. „Какъ богатый человѣкъ есть лучшій покупатель для промышленниковъ его сосѣдства, нежели бѣдный, такъ точно и богатая нація. Богатый человѣкъ, мануфактуристъ, въ самомъ дѣлѣ представляетъ опасное сосѣдство для занимающихся тѣмъ же дѣломъ, но въ тоже время для всего остальнаго сосѣдства, далеко большаго численностью, онъ даетъ выгоду, доставляя хорошій рынокъ своими издержками. Сосѣди получаютъ прибыль даже благодаря его перевѣсу надъ бѣднымъ рабочимъ, который съ нимъ конкуррируетъ въ одномъ и томъ же занятіи. Мануфактуристы богатой націи точно такимъ же образомъ являются, нѣтъ сомнѣнія, опасными соперниками для мануфактуристовъ же сосѣдняго народа, но эта конкурренція, однако, выгодна для большинства народа, который пользуется въ об ширныхъ размѣрахъ прибылями отъ хорошаго рынка, представляемаго такой (богатой) націей въ каждомъ другомъ случаѣ“. Вообще, по мнѣнію Смита, *тоже правило, которое* въ данномъ случаѣ *направляетъ здравый смыслъ одного, десяти или двадцати индивидовъ, должно бы регулировать и сужденіе одного, десяти или двадцати милліоновъ людей и* заставить цѣлую націю смотрѣть на богатство ихъ сосѣдей какъ на вѣроятный поводъ и случай самимъ пріобрѣсть богатство (Book IV, Chap. III).

Смитъ не скрываетъ отъ себя тѣхъ практическихъ затрудненій, которыя могутъ возникать отъ уничтоженія покровительственной системы и установленной свободной торговли. Онъ разрѣшаетъ этотъ трудный вопросъ весьма легко, хотя далеко не безспорно. Обыкновенно указываютъ, говоритъ онъ, что черезъ такую мѣру многія мануфактуры прекратятся и значительное число работниковъ останется безъ труда. Но это зло только

временно и далеко не такъ велико, какъ его представляютъ. Смитъ указываетъ, какъ на примѣръ, на распущеніе стотысячной арміи солдатъ и моряковъ послѣ послѣдней войны; черезъ это обстоятельство число бродягъ въ странѣ почти не увеличилось и даже заработная плата не уменьшилась и всѣ они скоро пристроились къ дѣлу. Тѣмъ менѣе основанія опасаться за рабочихъ: они не могутъ остаться долго безъ работы; капиталъ страны останется тотъ же самый, какъ и прежде, требованіе на трудъ также одинаковое, и слѣдовательно всѣ отпущенные рабочіе, какъ и означенные солдаты, могутъ скоро найдти себѣ подходящій трудъ. Какъ лучшее средство дать выходъ изъ возможнаго временнаго затрудненія, Смитъ рекомендуетъ свободу труда, т. е. уничтоженіе цеховъ, корпорацій и т. п. учрежденій. Съ отстраненіемъ ихъ ни публика, ни индивиды, не потерпятъ отъ распущенія нѣкоторыхъ классовъ рабочихъ болѣе, нежели отъ распущенія солдатъ. Наши рабочіе, нѣтъ сомнѣнія, составляютъ весьма полезный классъ страны, но конечно не заслуживаютъ болѣе нѣжнаго обращенія чѣмъ тѣ, которые защищали эту страну и проливали за нее кровь, (B. IV, Ch. II).

Приведенныхъ мѣстъ достаточно для знакомства съ общими воззрѣніями Смита на промышленность и торговлю. Главная исходная точка его ученія заключается въ указанному уже отождествленіи индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ: что полезно въ экономическомъ отношеніи для частнаго лица, то должно быть полезно и для цѣлой націи или страны, которая состоитъ изъ такихъ лицъ. Государство представляется простой совокупностью индивидовъ, и частное хозяйство отличается отъ народнаго скорѣе въ количественномъ, нежели въ качественномъ отношеніи. Между

ними существуетъ не внутренняя разница, обусловленная ихъ существенными особенностями, но чисто внѣшняя—числовая. Правила и сужденія, прилагаемыя къ хозяйству двадцати индивидовъ, мы видѣли, Смитъ цѣликомъ переноситъ на хозяйство большой страны въ двадцать милліоновъ. Но стремленія одного лица, направляемыя лучше всего собственнымъ интересомъ, требуютъ по тому самому для своего успѣха отсутствія всякихъ внѣшнихъ помѣхъ и ограниченій, которыя давали бы измѣненія самому ходу его дѣятельности: самоинтересъ есть лучшій и болѣе вѣрный указатель въ хозяйственной сферѣ. А что вѣрно для одного лица, то должно быть вѣрно и для всего народа, и слѣдовательно государственное вмѣшательство въ экономическую дѣятельность во всѣхъ его видахъ, противорѣчитъ стремленію націи къ увеличенію своихъ матеріальныкъ благъ. Чѣмъ больше свободы въ индивидуальной дѣятельности, чѣмъ сильнѣе конкурренція между производителями, тѣмъ скорѣе увеличивается производство страны и возрастаетъ ея богатство. Послѣднее занимаетъ первенствующее мѣсто во всемъ трудѣ Смита: политическая экономія, какъ вѣтвь знанія для государственнаго человѣка, по его убѣжденію, имѣетъ своею задачей прежде всего создать богатый доходъ для страны. Поэтому онъ вездѣ и всегда посвящаетъ главнѣйшее свое вниманіе производству цѣнностей въ обширномъ смыслѣ, удѣляя весьма мало мѣста изслѣдованію условій ихъ потребленія и распредѣленія, и этотъ взглядъ, нѣтъ сомнѣнія, находится въ непосредственной связи съ индивидуализмомъ, отличающимъ всю его систему. Выдвигая и возвеличивая значеніе индивидуальнаго себялюбія и стремленія къ собственной выгодѣ до степени высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ, Смитъ даетъ въ своей теоріи

почти исключительное мѣсто матеріальному моменту, забывая все важное значеніе въ народной жизни духовной и нравственной стороны человѣка. Онъ смотритъ на человѣка только какъ на извѣстную экономическую единицу,—частицу обширнаго хозяйственнаго механизма, представляющюю извѣстную производительную силу для созданія новыхъ цѣнностей. Эта точка зрѣнія проходитъ черезъ всю его систему и ведетъ ко многимъ весьма важнымъ заблужденіямъ.

Индивидуализмъ воззрѣній Смита и благодаря тому, общую односторонность всей его системы, нѣтъ сомнѣнія, возможно объяснить только тѣми вліяніями, которымъ развитіе всей его теоріи подвергалось. Въ эпоху, когда появилось на свѣтъ „Богатство народовъ", существовали двѣ противоположныя системы изслѣдованія основныхъ законовъ человѣческаго общества. Первая система—естественное право и естественная философія, старалась a priori изслѣдовать „природу" человѣческихъ отношеній и раскрыть ихъ законы съ помощью гипотезы о существованіи „натуральнаго" порядка всѣхъ вещей. Вторая — индуктивная система Монтескье, подвергала изслѣдованію исторію и явленія дѣйствительнаго міра въ различныхъ состояніяхъ общества и старалась найдти ихъ причины *).

Особенность труда Смита заключается въ томъ, что онъ стремился соединить, комбинировать оба противоположные метода, что часто ему и удавалось. Но нерѣдко также, и притомъ въ весьма важныхъ положеніяхъ системы, неопредѣленность въ примѣненіи обоихъ методовъ, слишкомъ рѣзкая противоположность

---

*) См. превосходную статью проф. Клиффъ - Лесли: „The Political Economy of Adam Smith" въ Fortnightly Reviw 1872 года. Съ нѣкоторыми его выводами, впрочемъ, мы не можемъ согласиться.

апріорныхъ выводовъ съ фактами окружающей жизни— приводили Смита къ нѣкоторымъ колебаніямъ, непослѣдовательности и даже противорѣчіямъ.

Естественное право или ученіе о природныхъ законахъ человѣческаго общежитія, господствовавшее въ XVIII вѣкѣ, разнообразится по своимъ формамъ и оттѣнкамъ, но главныя, существенныя черты остаются тѣ же самыя: гипотетическій методъ построенія системы и вѣра въ простые и незыблемые естественные законы человѣческаго общества, которые существуютъ внѣ времени и пространства, т. е. одинаково приложимы ко всякому народу и времени, но искажаются дурно направленными человѣческими учрежденіями Возвращеніе къ этому благодѣтельному естественному порядку, слѣдуя указаніямъ природы, и уничтоженіе всѣхъ помѣхъ, сдерживающихъ это благое стремленіе, составляетъ отчасти мечту, но отчасти дѣйствительную задачу этой замѣчательной эпохи. Отсюда теорія прирожденныхъ правъ человѣка, общественнаго договора и т. п. другія гипотетическія построенія, игравшія такую большую роль у многихъ мыслителей XVIII столѣтія.

А. Смитъ, уже какъ большой почитатель физіократовъ, думавшій даже посвятить свой трудъ Кенэ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ ученій естественнаго права. Благодаря этой причинѣ, а также свойствамъ и наклонностямъ своего ума, онъ предпочтительно (хотя далеко не исключительно, какъ ошибочно утверждаетъ Бокль *) держится апріорнаго или дедуктивнаго метода въ своемъ построеніи естественныхъ, неизмѣняемыхъ и всюду приложимыхъ законовъ народнаго хозяйства. „Великая и руководящая цѣль его

*) Th. Buckle: History of the Civilisation of England. I, 228; II, 449. C. Leslie: Polit. Economy of A. Smith, 550.

изслѣдованія, говоритъ Дугальдъ Стьюартъ,—заключается во первыхъ въ томъ, чтобъ освѣтить предначертанія, дѣлаемыя природой на принципахъ человѣческаго духа и обстоятельствахъ внѣшняго положенія человѣка, ради постепеннаго и прогрессивнаго увеличенія въ средствахъ народнаго богатства, и во вторыхъ— указать, что самое дѣйствительное средство къ достиженію народомъ величія состоитъ въ томъ, чтобы *держаться того порядка вещей, который указуется самой природой.* „Это стремленіе къ осуществленію *естественнаго* порядка и рѣшительному предпочтенію его передъ искусственными человѣческими учрежденіями замѣчается и въ другихъ сочиненіяхъ Смита. Такъ, въ очеркѣ, оставшемся отъ его предположенной, но не приведенной въ исполненіе „Исторіи юриспруденціи,“ онъ утверждаетъ, что „каждая система положительнаго закона можетъ быть разсматриваема какъ болѣе или менѣе несовершенная попытка приближенія къ системѣ *естественной* юриспруденціи,“ и что главная цѣль юридическаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы „узнать *естественныя* правила правосудія, независимыя отъ всѣхъ положительныхъ установленій“ *).

Но существуетъ еще другой, чисто личный факторъ, который доставилъ пищу абстрактнымъ построеніямъ Смита о благодѣтельномъ, справедливомъ и естественномъ экономическомъ порядкѣ, который долженъ водвориться на землѣ, благодаря свободному дѣйствію индивидуальныхъ интересовъ. Мы разумѣемъ здѣсь то вліяніе, которое оказала на идеи Смита теологія: законы природы, которыя управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, являются у него выраженіемъ воли Провидѣнія, которое премудро направляетъ людей къ наи-

*) C. Leslie: Idem, 552.

возможно-бóльшему на землѣ счастію. Эти законы дѣлаются для Смита предметомъ вѣры, и начала человѣческой природы, предоставленныя ихъ естественнымъ влеченіямъ, могутъ привести только къ самому благодѣтельному развитію всѣхъ способностей человѣка. При такой постановкѣ вопроса, становится излишней человѣческая забота о наилучшемъ назначеніи матеріальныхъ цѣнностей и ихъ распредѣленіи: человѣческое законодательство безполезно тамъ, гдѣ прямо проявляется воля Провидѣнія, ведущая людей къ наилучшему обезпеченію ихъ матеріальнаго благосостоянія *). Мы видѣли уже раньше (см. стр. 159) образецъ этой стороны воззрѣній А. Смита: „Человѣкъ, по его словамъ, дѣйствуя исключительно для своего интереса, нисколько не заботясь объ общественномъ благѣ, а только о своей наибольшей выгодѣ, въ дѣйствительности однако служитъ ближайшимъ пользамъ всего общества; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ ведется *невидимой рукой* къ цѣли, которая вовсе не была въ предѣлахъ его намѣренія" (B. IV, Ch. II). Одинаковая мысль повторяется Смитомъ и въ его „Теоріи нравственныхъ чувствъ", которая составляетъ необходимое дополненіе къ „Изслѣдованію богатства народовъ." „Продукты почвы, говоритъ онъ здѣсь, — во всякое время содержатъ то количество жителей, которое они

---

*) Сильное вліяніе теологіи на экономическія воззрѣнія, или точнѣе, стремленіе объяснять экономическія явленія путемъ теологическихъ представленій замѣчается у многихъ фритредеровъ: изъ французовъ у Bastiat и т. д., изъ англичанъ у Бриггса, Теннанта и др., причемъ это вліяніе у представителей послѣдней націи выказываются всего сильнѣе. Можно указать еще на современнаго американскаго экономиста Перри который доходитъ въ этомъ отношеніи до крайности. См. его книгу: Elements of Political Economy 13-th Led. by A. L. Perry, New-York, 1875. Chap. II, стр. 49 и т. д.

способны содержать. Богатые выбираютъ только изъ массы продуктовъ то, что есть самаго драгоцѣннаго и пріятнаго. Они употребляютъ немного болѣе, нежели бѣдные, несмотря на естественное себялюбіе и жадность; хотя они думаютъ притомъ только о своихъ собственныхъ удобствахъ, хотя ихъ единственная цѣль, для которой они пользуются трудами всѣхъ тысячъ людей, употребляемыхъ ими въ работу, чтобъ удовлетворять свои тщеславныя и ненасытныя желанія,— несмотря на все это, однимъ словомъ, они раздѣляютъ съ бѣдными продукты всѣхъ своихъ успѣховъ. Они ведутся *невидимой рукой* къ тому, чтобы произвести почти то же распредѣленіе необходимостей жизни, которое могло бы быть сдѣлано, еслибы вся земля была раздѣлена на равныя доли между всѣми жителями, и такимъ образомъ, безъ намѣренія и безъ сознанія, они двигаютъ впередъ интересы общества и доставляютъ средства къ размноженію человѣчества. Когда Провидѣніе раздѣлило всю землю между немногими владѣльцами, оно не забыло и не покинуло тѣхъ, которые, повидимому, остались внѣ этого раздѣла" *).

Такимъ путемъ, подъ вліяніемъ естественнаго права и теологическихъ представленій, сложилось убѣжденіе въ томъ, что по естественному закону индивидуальные интересы гармонируютъ съ общественными. Благодаря авторитету Смита, это воззрѣніе сдѣлалось надолго почти аксіомой для многихъ ученыхъ и государственныхъ людей Англіи и привело ко многимъ важнымъ заблужденіямъ въ вопросахъ экономической политики. Первый выводъ изъ этого положенія, какъ мы указали,

*) A. Smith: Theory of Moral Sentiments, Part VI, Sec. II, Ch. III. C. Leslie, l. c.

заключался въ отрицаніи права государственнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность частныхъ лицъ. У Смита, и затѣмъ у всѣхъ сторонниковъ системы свободной конкурренціи, значеніе государственной власти крайне умаляется,—даже низводится, по выраженію одного экономиста, почти до нуля. Ей оставляется только одна охранительная функція.—По Смиту, „согласно естественной свободѣ," на государствѣ лежатъ исключительно три обязанности: a) защищать націю отъ непріятельскаго нашествія, b) производить правосудіе и c) содержать такія учрежденія, которыя внѣ достиженія частнаго предпріятія (B. V, Ch. I).

Но принципъ тождества всѣхъ интересовъ повлекъ за собой также и другое послѣдствіе, которое отразилось весьма неблагопріятно на всѣхъ борцахъ противъ государственной регламентаціи. Если каждый индивидъ въ его своекорыстныхъ стремленіяхъ поступаетъ по предначертанному Провидѣніемъ плану и споспѣшествуетъ общей пользѣ всего народа, то отсюда, конечно, всякая частная экономическая дѣятельность, какъ бы очевидно и рѣзко ни наносила она ущербъ общему благу, но если только не заключаетъ въ себѣ обмана или насилія, должна быть оправдана и, съ точки зрѣнія школы свободной конкурренціи, признана выгодной для общества. Такимъ образомъ получается то стремленіе видѣть всякое зло въ лучшемъ свѣтѣ,—тотъ крайній оптимизмъ, который характеризуетъ нѣкоторыя воззрѣнія Смита на частные вопросы, а еще болѣе многихъ его послѣдователей, развившихъ далѣе его положенія и доведшихъ эту точку зрѣнія почти до абсурда; нѣкоторые изъ нихъ (Mandeville) готовы напр. были утверждать, что частные пороки составляютъ благодѣяніе для общества. Примѣръ такого оптимистическаго увлеченія мы видѣли у

Смита, въ его разсужденіи о послѣдствіяхъ для рабочаго класса закрытія многихъ фабрикъ, вслѣдствіе открытія иностранцамъ свободной торговли. Но еще лучшимъ образцомъ могутъ служить его воззрѣнія на знакомый для насъ вопросъ—запущеніе землевладѣльцами XVI вѣка своихъ полей для разведенія овецъ. Благодаря означенной точкѣ зрѣнія, Смитъ находитъ эту мѣру выгодной для страны, хотя чуть не цѣлыя цвѣтущія провинціи были превращены въ пустыни и тысячи народа выброшены изъ дѣла; по его мнѣнію, землевладѣльцы, поступая такимъ образомъ, лишая своихъ земледѣльцевъ работы и покупая на полученный излишекъ богатства въ тоже время предметы роскоши, не уменьшали національнаго труда сравнительно съ прежнимъ,—хотя земля питала овецъ вмѣсто людей, а шерсть, вмѣсто того чтобъ одѣвать народъ дома, уходила за границу въ обмѣнъ на вино, шелкъ и бархатъ *). На этомъ же основаніи законы, имѣвшіе задачей ограничить свободу дѣйствій землевладѣльцевъ (напр. запрещеніе вывоза шерсти при Эдуардѣ III), Адамъ Смитъ называетъ „самой разрушительной регуляціей, какая только могла быть придумана, потому что этотъ законъ понижалъ цѣну земли и скота“ (B. I, Ch. XI). Одинаковымъ образомъ относится онъ въ той же главѣ къ другому анологичному явленію: было замѣчено въ Англіи, что съ уменьшеніемъ мелкихъ земельныхъ владѣльцевъ тѣсно связано было и уменьшеніе въ странѣ домашней птицы и свиней, а черезъ это самая цѣна ихъ значительно увеличилась. Имѣя въ виду, что увеличеніе цѣны сельскихъ продуктовъ составляетъ необходимое условіе лучшей культуры страны, Смитъ, хотя въ сущности и сочувствуетъ мелкому землевладѣнію,

---

*) C. Leslie: loco citato.

тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что на означенное явленіе слѣдуетъ смотрѣть не какъ на народное бѣдствіе, а напротивъ „какъ на необходимаго предтечу и спутника величайшаго общественнаго благоденствія“.

Совершенно противоположное вліяніе оказалъ на Смита историческій индуктивный методъ Монтескье: онъ привелъ его къ провѣркѣ нѣкоторыхъ своихъ, apriori построенныхъ выводовъ наблюденіями дѣйствительной жизни и изслѣдованіемъ экономической исторіи въ различное время и у разныхъ народовъ. Монтескье имѣлъ значительное вліяніе въ Шотландіи— родинѣ Адама Смита: многіе политики и юристы того времени (Kaimes, Millar. Dalrymple) слѣдовали индуктивному методу Монтескье и находились подъ его прямымъ воздѣйствіемъ; сочиненіе послѣдняго изъ этихъ писателей по исторіи феодальной собственности было даже предварительно просмотрѣно въ рукописи, по его словамъ, „величайшимъ геніемъ вѣка, президентомъ Монтескье“. А. Смитъ читалъ въ университетѣ философію права также по плану и методу Монтескье и часть этого курса цѣликомъ вошла въ „Богатство народовъ“.

Примѣненіе Смитомъ индукціи къ нѣкоторыхъ частямъ своего изслѣдованія оказалось для его труда, нѣтъ сомнѣнія, весьма благодѣтельнымъ: оно избавило Смита отъ многихъ крайностей, къ которымъ пришли нѣкоторые его ученики, болѣе исключительные въ абстрактныхъ построеніяхъ экономическихъ положеній. Для примѣра можно указать на его утвержденіе неравенства дѣйствительныхъ прибылей и заработной платы въ разныхъ профессіяхъ и мѣстностяхъ страны, въ противоположность ихъ равенству въ теоріи. Сюда принадлежатъ и тѣ исключенія, которыя дѣлаетъ онъ изъ своей теоріи свободной торговли. Какъ мы видѣли, Смитъ устанавливаетъ ея начала весьма ясно и опре-

дѣленно, устраняя значительную часть возможныхъ возраженій. Но наблюденія надъ дѣйствительною жизнію не соотвѣтствовали нѣкоторымъ апріорнымъ заключеніямъ системы: изъ исторіи Англіи хорошо извѣстно, что вся ея промышленность и торговля выросла подъ самой сильной регламентаціей и отрицаніемъ свободной экономической дѣятельности; тѣмъ не менѣе, она достигла высокой степени развитія и особенно рѣзко бросались въ глаза выгоды страны отъ навигаціонныхъ законовъ и колоніальной политики. И вотъ Смитъ дѣлаетъ нѣсколько исключеній изъ общаго правила: „Существуетъ, говоритъ онъ, — два случая, въ которыхъ вообще выгодно налагать нѣкоторую тягость на иностранцевъ для поощренія домашней промышленности „(Book IV, Ch.II)“. Первый состоитъ въ оправданіи навигаціонныхъ законовъ, весьма важныхъ для развитія морскихъ силъ государства. Такимъ образомъ Смитъ вводитъ въ свое разсужденіе, противно обыкновенію, уже новый элементъ и цѣль государства кромѣ хозяйственнаго—элементъ политическій, что очевидно не согласуется съ характеромъ его цѣлой экономической системы. Съ этой точки зрѣнія онъ называетъ навигаціонный актъ „мудрѣйшимъ изъ всѣхъ торговыхъ законовъ Англіи“.

Другой случай отступленія отъ принциповъ свободной торговли совершенно безспорный: именно наложеніе пошлинъ на тѣ иностранные продукты, соотвѣтствующіе которымъ обложены внутри страны налогами (акцизомъ).

Кромѣ этихъ *двухъ общихъ* исключеній, Смитъ дѣлаетъ еще *два частныхъ*, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны быть подвергнуты особому обсужденію. *Къ первому* изъ нихъ относятся тѣ случаи, когда иностранцы налагаютъ запрещенія или слишкомъ вы-

сокую пошлину на какой-нибудь товаръ и отсюда является вопросъ о *возмездіи*, о наложеніи подобныхъ же стѣсненій на ввозъ въ страну иностранныхъ товаровъ. Смитъ и тутъ дѣлаетъ отступленіе отъ своей системы и до извѣстной степени допускаетъ противную ей политику. „Можно считать, по его мнѣнію,—такое возмездіе за хорошую политику, когда существуетъ вѣроятность, что она доставитъ уничтоженіе запретительной мѣры со стороны иностранцевъ. *Раскрытіе большаго иностраннаго рынка болѣе нежели вознаградитъ за временное неудобство вздорожанія нѣкоторыхъ товаровъ на короткій срокъ*" (B. IV, Ch. II). Этимъ важнымъ исключеніемъ Смитъ даетъ сильный аргументъ защитникамъ покровительственнаго тарифа и, слѣдовательно, дѣйствуетъ несознательно противъ одного изъ своихъ основныхъ положеній. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, какъ онъ дѣлаетъ здѣсь, временное ограниченіе производства, ради возмездія иностранцамъ и съ цѣлью раскрытія ихъ рынковъ, то нѣтъ логическаго основанія не допустить того же ради избѣжанія иностранной конкурренціи и въ томъ же ожиданіи вознаградить себя впослѣдствіи расширеніемъ чужихъ рынковъ. Нѣсколько разъ въ своей книгѣ и даже два раза въ одной и той же главѣ (B. IV, Ch. II), Смитъ, совершенно въ разрѣзъ съ настоящими фритредерами, утверждаетъ мнѣніе, что благодаря покровительственнымъ пошлинамъ „отдѣльныя мануфактуры могутъ развиваться быстрѣе, нежели это могло бы быть иначе (то-есть, еслибы онѣ были предоставлены свободной конкурренціи), а черезъ нѣсколько времени эти мануфактурныя произведенія могутъ обходиться въ странѣ *такъ же дешево, или даже дешевле, чѣмъ заграничныя*." Очевидно, что если принять выставленное имъ исключеніе, т.-е. выгоду для страны временнаго уменьшенія производства въ чаяніи буду-

щаго, то не можетъ быть серьезнаго возраженія и противъ стремленія—черезъ покровительство поднять отдѣльныя мануфактуры, тоже въ видахъ напр. заграничнаго сбыта ихъ произведеній. Въ обоихъ случаяхъ производство, а съ нимъ и капиталъ страны, одинаково на время уменьшается. Нужно думать, что Смитъ, увлекшись какимъ либо удачнымъ „возмездіемъ" подобнаго рода въ англійской торговой политикѣ, просмотрѣлъ его существенное противорѣчіе со всей своей системой.

Послѣднее исключеніе (второй частный случай) Смитъ дѣлаетъ въ видахъ этическихъ, побуждаемый чувствомъ человѣколюбія. Если, подъ вліяніемъ запретительнаго тарифа, въ странѣ появилось много мануфактуръ, которыя, на свободѣ, однако, не могли бы соперничать съ иностранными, то, конечно, внезапное объявленіе началъ политики свободной торговли наводнило бы страну дешевыми иноземными товарами и лишило бы многія тысячи народа труда и средствъ существованія. Поэтому въ настоящемъ случаѣ, думаетъ Смитъ, „*гуманность* требуетъ, чтобы свобода торговли вводилась постепенно и осмотрительно", чтобы дать возможность промышленнымъ классамъ перейдти къ другимъ занятіямъ.

Итакъ, въ этихъ четырехъ отступленіяхъ отъ a priori построенной системы свободной торговли, Смитъ, рядомъ съ единственнымъ до сихъ поръ руководящимъ экономическимъ моментомъ, допускаетъ три новыхъ начала, которыя получаютъ преимущество надъ исключительными цѣлями его системы. Въ *первомъ* случаѣ (навигаціонный актъ) мотивомъ являются соображенія внѣшней *политики* — увеличеніе вооруженныхъ силъ страны, какъ результатъ поднятія торговаго флота; *второе* исключеніе основано на соображеніяхъ

фискальныхъ: было бы абсурдомъ облагать налогомъ только половину какихъ-либо товаровъ, т.-е., при существованіи обложенія на собственные продукты, оставлять свободными иностранные; *третій* случай (второй частный) привелъ къ исключенію на основаніи *этическаго* мотива, въ видахъ гуманности. Наконецъ, первый частный случай, выставленный Смитомъ—запретительная политика въ видахъ „возмездія“ или „взаимности“, хотя руководствуется соображеніями чисто экономическими, но вноситъ *одно новое положеніе*: наибольшее производство страны въ какой-либо моментъ *не всегда* въ то же время есть и наивыгодное для страны, то-есть, другими словами, могутъ быть случаи, гдѣ *временное уменьшеніе производства можетъ съ избыткомъ окупиться будущей выгодой для страны.* Такой необходимый выводъ изъ этого исключенія, очевидно, даетъ оружіе собственнымъ противникамъ Смита.

Такимъ образомъ, благодаря наблюденію дѣйствительной жизни и преимущественно исторіи своей родины, вообще — вслѣдствіе примѣненія индуктивнаго метода къ своему изслѣдованію, Смиту приходится дѣлать уклоненія отъ многихъ основныхъ положеній своей системы. Дѣйствительная жизнь иногда не укладывалась въ рамки апріорныхъ заключеній, и для нея приходилось отводить особое мѣсто. Стремленіе комбинировать оба метода — дедукцію, наслѣдованную отъ естественнаго права и индукцію, отъ Монтескьё— далеко не всегда удавалось автору „Богатства народовъ“; иногда требованія дѣйствительной жизни и общій голосъ народа шли слишкомъ въ разрѣзъ съ „естественными“ законами, съ предполагаемымъ „естественнымъ“ порядкомъ, и не было даже возможности примирить ихъ противоположные выводы. По этой причинѣ замѣчается неясность и часто колебанія, когда

приходится примѣнять начала теоріи къ практикѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и прямыя противорѣчія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такого разнорѣчія, которое обусловливается, по нашему мнѣнію означеннымъ различіемъ примѣняемыхъ къ данному вопросу методовъ и тѣхъ вліяній, подъ которыми въ каждый моментъ находилась мысль автора.

Во второй книгѣ, говоря о выпускѣ частными банками банковыхъ нотъ, Смитъ, согласно идеѣ естественнаго порядка, гарантирующаго каждому индивиду экономическую свободу, утверждаетъ и свободу этихъ операцій. „Удерживать частныхъ лицъ, по его словамъ, отъ полученія платежей такими нотами въ большихъ или малыхъ суммахъ, когда они сами желаютъ ихъ брать, или удерживать (restrain) банкировъ отъ выпуска этихъ нотъ, когда всѣ ихъ сосѣди желаютъ ихъ получать,—значитъ совершать открытое насиліе естественной свободы, которую законъ обязанъ поддерживать, а не нарушать“ (B. II, Ch, II). Такъ говоритъ естественное право; но опытъ дѣйствительной жизни сообщаетъ нѣчто иное: неограниченная государственнымъ вмѣшательствомъ, свобода выпуска банкнотъ приводитъ къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Примѣромъ для Смита послужила исторія шотландскихъ банковъ съ ихъ злоупотребленіями, и вотъ Смитъ, *въ виду этого наблюденія*, рѣшительно измѣняетъ свой приговоръ и на той же самой страницѣ высказываетъ мнѣніе діаметрально противоположное. Такія проявленія естественной свободы нѣсколькихъ индивидовъ, которыя угрожаютъ безопасности цѣлаго общества, по его словамъ, должны быть обузданы законами всякаго правительства, какъ либеральнаго, такъ и деспотическаго. При этомъ, по поводу необходимости регуляцій банковаго дѣла и какъ бы для оправданія своей мысли,

онъ указываетъ на другое необходимое нарушеніе естественной свободы закономъ—на обязательство постройки брандмауэровъ въ зданіяхъ, въ видахъ предупрежденія распространенія пожаровъ. Далѣе, въ концѣ главы, онъ поясняетъ еще свой взглядъ на этотъ вопросъ: частное банковое дѣло можетъ быть допущено свободно, если только выпускъ нотъ ограниченъ извѣстною суммой и ноты оплачиваются по предъявленіи немедленно и безусловно (B. II, Ch. II). Такимъ образомъ естественная свобода уже значительно ограничивается.

Основной взглядъ Смита на всѣ монополіи, какъ на учрежденія крайне вредныя для возрастанія богатства страны, также имѣетъ свои исключенія. Мы видѣли, онъ дѣлаетъ таковое, между прочимъ, для навигаціонныхъ законовъ, которые способствовали развитію мореходства и увеличили вооруженную силу страны. Нѣсколько позднѣе, однако, обсуждая вопросъ о колоніяхъ, тѣсно связанный съ существованіемъ этихъ законовъ, онъ старается ослабить ихъ значеніе: онъ увѣряетъ, что торговый капиталъ Англіи былъ весьма великъ еще до развитія колоніальной торговли и до выхода въ свѣтъ навигаціоннаго акта, что англійскій флотъ былъ выше голландскаго еще при Кромвелѣ, а при Карлѣ II этотъ флотъ равнялся, а, можетъ быть, и превосходилъ, соединенную флотилію Голландіи и Франціи. Эта великая морская сила, слѣдовательно, обязана своимъ величіемъ вовсе не навигаціоннымъ законамъ, этимъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ торговыхъ постановленій Великобританіи, какъ ихъ называетъ тотъ же Смитъ пятью главами раньше *). Но затѣмъ посвящая много мѣста указанію разныхъ невыгодъ колоніаль-

*) Сравни Book IV, Chap. II и Book IV, Chap. VII.

ной политики, столь несогласной съ его принципами, Смитъ въ заключеніе не могъ однако не признать опять той огромной пользы, которую колоніи въ концѣ концовъ принесли его странѣ, какъ исключительные торговые рынки, и, слѣдовательно, вторично сдѣлалъ важное исключеніе. „Колоніальная торговля, однакожъ, болѣе выгодна, можно сказать, чѣмъ всякая другая; и монополіи, направивши въ эту торговлю бо́льшій британскій капиталъ нежели это было бы иначе, *обратили его на занятіе болѣе выгодное для страны нежели всякое другое*, которое могло быть найдено". (B. IV, Ch. VII). Нѣсколько дальше, онъ еще болѣе усиливаетъ значеніе этой монополіи, столь выгодной для англійскихъ интересовъ, несмотря на все то зло́, которое она должна была бы приносить на основаніи апріорнаго заключенія о вредѣ всѣхъ монополій. „Естественныя, благія послѣдствія колоніальной торговли, говоритъ онъ, *однакоже* болѣе нежели перевѣшиваютъ для Великобританіи дурныя дѣйствія монополіи, такъ что монополія и всецѣло эта торговля, даже какъ она ведется въ настоящее время *не только выгодна, но даже чрезвычайно выгодна*" (B. IV, Ch. VII). Новый рынокъ и новое занятіе, которые открываются колоніальной торговлей, суть гораздо больше по своему объему, нежели старый рынокъ и старое занятіе, которые, по мнѣнію Смита, потеряны черезъ монополію. Итакъ, въ результатѣ получается выводъ, что не всякая монополія составляетъ зло, существованіе котораго не согласно съ хорошей политикой; или, другими словами, важный принципъ всей системы свободной торговли и конкурренціи получаетъ значеніе только относительное и условное *).

---

*) Неясность и противорѣчивость Смита въ обсужденіи даннаго вопроса ввели, намъ кажется, въ заблужденіе Рикардо. Въ своей политической эко-

Всѣ приведенныя уклоненія отъ системы и до нѣкоторой степени непослѣдовательность, нѣтъ сомнѣнія, не могутъ быть поставлены въ большую вину Адаму Смиту; можетъ-быть даже на оборотъ. Это колебаніе, когда приходится примѣнять новые принципы къ вопросамъ жизни, указываютъ на добросовѣстность изслѣдователя и—хотя нѣсколько затемненное предубѣжденіемъ—но такое стремленіе къ истинѣ, которое присутствуетъ далеко не во всѣхъ трудахъ той же школы экономической науки. Нѣсколько пристрастный къ главнымъ основамъ построенной имъ системы,—что впрочемъ вполнѣ понятно,—Смитъ однакоже, какъ доказываютъ приведенные примѣры, всегда готовъ идти на уступки, когда извѣстныя ему наблюденія дѣйствительной жизни рѣзко говорятъ противъ полученныхъ имъ выводовъ. Не слѣдуетъ также забывать и время, въ которое жилъ Смитъ. Англійская промышленность въ крупныхъ размѣрахъ едва только начинала развиваться, и всѣ ея хорошія и дурныя стороны не успѣли еще опредѣлиться; изобрѣтенія Уатта, Харгрэвса, Аркрайта и др. начинали примѣняться къ дѣлу, но далеко не успѣли создать тотъ могучій фабричный механизмъ, который представляетъ собой современная Англія. Темныя стороны индустріальной системы, какъ усиленный пау-

———

номіи (гл. XXV, о колоніальной торговлѣ) этотъ экономистъ старается опровергнуть мнѣніе, будто бы, Смита о невыгодѣ колоніальной торговли для метрополіи. Рикардо доказываетъ (впрочемъ весьма осторожно), что такая торговля *можетъ быть отчасти выгодна для метрополіи*. Только что приведенныя нами выдержки изъ Смита показываютъ достаточно убѣдительно, что онъ и самъ этого не отрицалъ, и оба экономиста расходятся исключительно въ способахъ этой выгоды. Замѣчательно, что мѣсто у Смита которое возбудило сомнѣніе и возраженіе Рикардо, находится въ той же самой главѣ, гдѣ и приведенные нами цитаты (Book IV, Chap. VII).

перизмъ, вредъ крайняго раздѣленія труда и все зло необузданной конкурренціи—еще не могли выясниться по недостатку времени. Насколько условія тогдашней промышленной жизни были вообще далеки отъ настоящихъ, видно изъ того, что Смитъ нигдѣ не упоминаетъ въ своей книгѣ о *промышленномъ трудѣ женщины*: говоря о мануфактурѣ, онъ имѣетъ всегда въ виду только одну половину человѣческаго рода—одинъ мужской трудъ (the natural effort of every man), а женщинѣ отводитъ мѣсто у домашняго очага, какъ хозяйкѣ семейства (the mistress of family) съ соотвѣтствующими этому положенію заботами *). Извѣстно между тѣмъ, какое великое значеніе въ современной мануфактурѣ имѣетъ женскій и даже дѣтскій трудъ; нѣкоторыя отрасли промышленности всецѣло держатся этимъ трудомъ, а въ другихъ замѣчается его постоянное возрастаніе. Такимъ образомъ очень возможно, что еслибы Смиту удалось дожить до тѣхъ поръ, когда всѣ перемѣны, произведенныя великимъ промышленнымъ переворотомъ его времени, успѣли достаточно обнаружиться и выясниться, ему пришлось бы сдѣлать въ своемъ трудѣ еще бо́льшее количество исключеній, и новое изданіе „Богатства народовъ“ появилось бы въ значительно измѣненномъ и исправленномъ видѣ.

Въ заключеніе, сравнимъ систему Смита съ экономическими воззрѣніями, которыя ему предшествовали. Въ средніе вѣка, какъ мы знаемъ, отношенія частныхъ лицъ къ государству были построены на началахъ частнаго права. Цѣли и стремленія частныхъ лицъ не отличались отъ общественныхъ, и государство разсматривалось какъ простая связь индивидуальныхъ интересовъ, а народное хозяйство—какъ совокупность част-

---

*) См. статью проф. Лесли: Polit. Economy of A. Smith, 362—3.

ныхъ хозяйствъ. Въ XIV и XV вѣкахъ эти взгляды подвергаются значительному измѣненію, и государственная власть получаетъ большое значеніе въ экономической дѣятельности народа. Развивающаяся меркантильная система обхватываетъ всѣ стороны народной жизни самой строгою регламентаціей. Торговля и промышленность подчинены сильной государственной опекѣ и ведутся только по извѣстнымъ предписаннымъ правиламъ и подъ непосредственнымъ контролемъ правительства, или общества. Государственная власть того времени считала себя нетолько въ правѣ, но и обязанной вмѣшиваться во всѣ частныя экономическія отношенія и даже нарушать тѣ ихъ нихъ, которыя—по ея мнѣнію, грозили невыгодой для общаго блага. Это послѣднее, въ смыслѣ *благополучія, довольства и счастія* всего народа, становится руководящей цѣлью всей меркантильной политики и главнымъ отличіемъ ея отъ школы свободной торговли. Дёдлей Нортъ, Давидъ Юмъ и Адамъ Смитъ, мы видѣли, также конечно имѣли въ виду благо страны; но, требуя индивидуальной экономической свободы, они подъ благомъ страны понимали исключительно ея богатство въ обыденномъ смыслѣ, т. е. владѣніе большими капиталами, или значительное число богатыхъ людей, двигающихъ промышленность и торговлю страны въ крупныхъ размѣрахъ. Интересъ каждаго частнаго лица представляется у нихъ тождественнымъ съ интересами общества, и поэтому возможно бóльшая производительность частнаго хозяйства—безъ всякаго почти ограниченія—обусловливаетъ и наибольшее производство страны, а слѣдовательно и ея благо. Богатство народа, полагаютъ всѣ сторонники свободной торговли, составляется изъ богатствъ различныхъ индивидовъ, и потому народное богатство должно рости по мѣрѣ того, какъ каждый индивидъ

прибавляетъ что—нибудь къ своему богатству. Но каждое ограниченіе есть препятствіе къ пріобрѣтенію человѣкомъ богатства, и онъ вездѣ выиграетъ, избѣгая его. Отсюда, всякое вмѣшательство законодателя дѣйствуетъ какъ такое стѣсненіе, и онъ долженъ для общей пользы не вмѣшиваться въ хозяйственную дѣятельность частныхъ лицъ *).

Иначе разсуждали меркантилисты: благополучіе каждаго индивида находится въ непосредственной связи и даже прямо зависитъ отъ благополучія цѣлаго народа, а поэтому все, что увеличиваетъ благосостояніе народа, способствуетъ и благосостоянію каждаго частнаго лица. Но замѣчено, что тѣ націи процвѣтали, которыя имѣли обширную мануфактуру и торговлю. На этомъ основаніи поощреніе ихъ всѣми возможными средствами должно составлять великую цѣль законодателя, и всякое узаконеніе, ведущее къ этой цѣли, должно, конечно, вести и къ увеличенію индивидуальнаго богатства. Отсюда прямо выводится система государственнаго вмѣшательства и протекціи **). Но ставя вопросъ такимъ образомъ, меркантилисты не считали благосостояніе страны находящимся *всегда* въ прямомъ отношеніи къ производству богатства: могутъ быть случаи, гдѣ извѣстное производство увеличивается, а интересы народа не только черезъ это не выигрываютъ, но даже прямо страдаютъ. Такимъ примѣромъ меркантилистъ Стьюартъ выставляетъ *излишнее* производство

*) См J. Rae: Statement of some new Principles of Political Economy, etc. Boston, 1834. стр. 7.

**) „Слѣдуетъ разсматривать споспѣшествованіе *общему благу* какъ предметъ, отъ котораго зависитъ непосредственно интересъ каждаго частнаго лица....“ J. Steuart: Inquiry into the Principles of Political Economy, being an Essay on the Science of Domestic Policy in free Nations 1767. Capit. XV.

предметовъ роскоши, рекомендуя націи, которая стремится къ общему благу своихъ членовъ, воздержанность и умѣренность. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ совѣтуетъ правителямъ сокращать производство, преслѣдуя истинные интересы страны. Точно также В. Стаффордъ, въ XVI вѣкѣ, предлагаетъ наложить пошлину на вывозъ шерсти, чтобы воспрепятствовать превращенію полей въ луга, въ интересахъ сельскаго рабочаго населенія. На государственной власти, по воззрѣніямъ меркантилистовъ, лежитъ обязанность не только *охранять*, *блюсти* дѣятельность подданныхъ—какъ думаютъ защитники принципа государственнаго невмѣшательства,—но и *направлять* ее наивозможно лучшимъ для общаго блага образомъ, т. е. *заботиться о самомъ характерѣ распредѣленія продуктовъ этой дѣятельности.*

Такимъ образомъ, между воззрѣніями обѣихъ экономическихъ системъ можно провесть слѣдующую параллель: меркантильная система заимствовала у среднихъ вѣковъ свой ошибочный взглядъ на деньги какъ на единственное богатство, но за то скоро въ противоположность съ ними отдѣлила индивидуальные интересы отъ общественныхъ (Мёнъ) и признала въ позднѣйшемъ своемъ развитіи общественно-правовое значеніе государственной власти, близкое къ современному пониманію задачъ государства. Государство есть не только пассивное, охранительное учрежденіе, но и активное, создающее прямо благо своихъ подданныхъ всѣми зависящими отъ него способами. Оно заботиться въ экономической области объ усиленномъ производствѣ цѣнностей, но не жертвуетъ для него другой стороной—распредѣленіемъ ихъ; вообще, по воззрѣніямъ меркантилистовъ, государственная власть разностороння въ своихъ обязанностяхъ: она стремится удовлетворить всѣ необходимыя потребности под-

данныхъ и старается содѣйствовать прочному экономическому положенію каждаго индивида. Государство, по ихъ мнѣнію (Д. Стьюартъ) должно озаботиться, что бы всякій подданный имѣлъ возможность заработывать свои необходимыя средства существованія. Адамъ Смитъ и съ нимъ, вообще, вся школа свободной торговли и конкурренціи опровергла меркантильный предразсудокъ о деньгахъ, но въ то же время возвратилась къ частно-правовому воззрѣнію среднихъ вѣковъ на отношенія индивидуальныхъ интересовъ къ общественнымъ или государственнымъ. Она цѣликомъ взяла частно-правовой взглядъ на эти отношенія, отождествила хозяйственный интересъ каждаго индивидуума съ интересомъ народа и слѣдовательно привела къ фиктивной гармоніи всѣхъ интересовъ. Отсюда, изъ этой исходной точки, вытекли и другія особенности этой системы: умаленіе значенія государственной власти въ народной экономіи, безусловность и неизмѣнность *всѣхъ* экономическихъ законовъ, одностороннее построеніе почти исключительно однихъ законовъ производства, космополитизмъ въ воззрѣніяхъ на международные интересы и оптимизмъ въ воззрѣніяхъ на темныя стороны экономическаго быта.

Такова сущность экономической системы, установленной Смитомъ и развитой во множествѣ трудовъ новѣйшихъ экономистовъ. Нѣтъ сомнѣнія часть этой системы имѣетъ значеніе только относительное, какъ и въ предшествовавшей школѣ, и обусловливается временемъ и мѣстомъ. Въ самомъ дѣлѣ, наибольшее развитіе меркантилизмъ получилъ при переходѣ средневѣковаго натуральнаго хозяйства въ денежное, т. е. въ то время, когда мѣновой характеръ торговли утрачивался и деньги, какъ удобное орудіе мѣны, получали бо̀льшее значеніе. Понятно отсюда то преувели-

ченное понятіе о ихъ важности, которое придаетъ деньгамъ вся меркантильная политика. Въ тоже время меркантилизмъ поднимаетъ силу и значеніе государственной и общественной власти въ регламентаціи экономическихъ отношеній. Условія этого времени (XIV—XVI вѣковъ) вызываютъ необходимость и такого явленія. Земледѣльческій характеръ страны (до второй половины XVI в.), естественная прибыль населенія, связь развитія торговли съ политическимъ могуществомъ государства,—все это обусловливаетъ сознаніе важности мѣропріятій правительства, которыя могли бы обезпечить расширеніе промышленности и торговли. Сюда, къ этимъ причинамъ, присоединяются дурные пути сообщенія, необезпеченность всякихъ правъ и личности и наконецъ безпрестанныя войны, которыя служили невольнымъ побужденіемъ сдѣлать себя, съ помощію широкаго туземнаго производства, по возможности независимымъ отъ иностранныхъ рынковъ и извлекать, черезъ учрежденіе сильныхъ и богатыхъ монопольныхъ компаній, съ бо́льшей безопасностію наибольшую для страны выгоду отъ продуктовъ чужаго производства.

Но въ XVI в., къ царствованію Елизаветы, многія мѣры первоначальной стадіи меркантильной системы, т. н. денежнаго баланса, становятся излишни и начинаютъ отбрасываться или измѣняться въ формахъ; нѣкоторыя стороны системы (монопольныя торговыя компаніи), достигши огромнаго развитія и распространенности, своею крайностью вызываютъ, хотя еще слабую, реакцію и постепенно возрастающій протестъ противъ правительственнаго произвола, а съ нимъ и противъ самихъ принциповъ государственнаго вмѣшательства. Весь XVII в. и далѣе до конца первой четверти XX в. продолжается еще меркантильная политика, и вмѣстѣ съ тѣмъ промышленыя и торговыя силы страны развиваются

и крѣпнутъ. Производя перемѣны въ экономическомъ строѣ онѣ даютъ новое направленіе и самимъ воззрѣніямъ на экономическія явленія; историческій ходъ событій подготовляетъ постепенно сознаніе въ необходимости свободной хозяйственной дѣятельности; общее стремленіе эпохи къ индивидуальной свободѣ и иностранное вліяніе физіократовъ все это вмѣстѣ служитъ стимуломъ къ повороту мысли и реакціи противъ меркантилизма. Появляются сочиненія Норта, Юма, Токкера и наконецъ Адама Смита, которые совершаютъ этотъ великій поворотъ въ идеяхъ хозяйственной дѣятельности, и будучи сами продуктами и выраженіемъ времени, они не остаются безъ сильнаго вліянія на послѣдующій ходъ развитія экономическаго строя и законодательства. Но вызванная на свѣтъ реакціей противъ меркантилизма, новая школа должна была выбрать исходную точку—отличную отъ старой системы. Этой точкой она и взяла частноправовое отождествленіе интересовъ индивида съ интересами народа и государства и слѣдовательно, по своей сущности, возвратилась къ средневѣковому индивидуализму. Такимъ образомъ происходитъ любопытная и знаменательная смѣна экономическихъ понятій въ исторіи народнаго хозяйства. *Меркантильная школа* (преимуществено торговаго баланса) явилась реакціей противъ средневѣковаго индивидуализма и взаимнаго частноправоваго отношенія индивидовъ и государства, а поэтому и пришла къ сознанію общественно-правовыхъ задачъ государственной власти. Въ свою очередь, *ученіе свободной конкурренціи* явилось реакціей противъ меркантильныхъ началъ и возвратилось къ старому индивидуализму со всѣми его необходимыми выводами. Наконецъ въ настоящее время, мы видимъ *историческую*, или *реальную школу*, которая повидимому стремится примирить эти оба направленія: отбрасы-

ваетъ крайній индивидуализмъ Смита, оставляя прочія части его системы; но при этомъ беретъ, развивая далѣе, общественно-правовую сторону меркантильныхъ воззрѣній. Историческая школа вновь устанавливаетъ право государственнаго вмѣшательства и активнаго содѣйствія общему благу. И такъ, во всей исторіи экономическихъ идей замѣчается послѣдовательная смѣна двухъ основныхъ принциповъ: начала остаются тѣ-же самыя, и только выраженіе ихъ—формы—подвергаются существеннымъ измѣненіямъ *).

*) Индивидуализмъ Смита вызвалъ противъ себя очень рано сильныя возраженія. Болѣе извѣстнымъ его противникомъ въ этомъ отношеніи является изъ первыхъ графъ Лодердэль Lauderdale) въ своей книгѣ: An Inquiry into the nature and origin of public Wealth and into the means and causes of its increase. Edinburgh. 1804. Вотъ его основная мысль: „увеличеніе индивидуальнаго богатства не увеличиваетъ необходимо народнаго благосостоянія, *возможно*, наоборотъ, *что народное благосостояніе увеличивается, когда индивидуальное богатство уменьшается*". См. нѣмецкій переводъ: Ueber den National—Wohlstand von Grafen Lauderdale. Berlin, 1808. Zweites Capitel, § 4, S. 8.

ГЛАВА VI.

Воззрѣнія Давида Рикардо на торговлю и государственное вмѣшательство.—Несостоятельность исключительнаго дедуктивнаго метода въ изслѣдованіи экономическихъ явленій. - Джемсъ Милль и Мальтусъ.—Конецъ меркантильнаго періода англійской исторіи.

Изъ писателей, слѣдующихъ за Смитомъ, первое мѣсто безспорно занимаетъ Давидъ Рикардо, который не только развиваетъ далѣе многія положенія своего учителя—Смита, но является оригинальнымъ и самостоятельнымъ мыслителемъ, подвинувшимъ впередъ начала экономической науки. Въ противоположность съ своимъ знаменитымъ предшественникомъ, этотъ даровитый экономистъ держится въ своихъ изслѣдованіяхъ исключительно абстрактнаго, дедуктивнаго метода. Исходя изъ гипотетическихъ законовъ, принциповъ природы человѣка, онъ почти не прибѣгаетъ къ индукціи ни для подтвержденія своихъ посылокъ, ни для оправданія полученныхъ a priori выводовъ. Установивши главныя положенія, его строго логическій умъ послѣдовательно проводитъ ихъ при построеніи всей системы, не обращая вниманія на противорѣчія съ дѣйствительностью, а можетъ быть умышленно игнорируя ее: Рикардо старался построить систему абстрактнымъ путемъ, отвлекая отъ даннаго явленія всѣ стороннія влі-

янія и имѣя въ виду „естественную организацію“ экономическаго строя и раскрытіе его „естественныхъ“ законовъ. Отсюда, изъ этого односторонняго способа изслѣдованія, происходятъ весьма важныя заблужденія, въ которыя впадаетъ Рикардо въ тѣхъ вопросахъ науки, которые имѣютъ прямое, непосредственное приложеніе къ жизни, каково напримѣръ его ученіе о налогахъ. Полученные имъ выводы во многомъ рѣшительно и рѣзко противорѣчатъ какъ дѣйствительному положенію вопроса, такъ и мнѣнію большинства экономистовъ, что́ обусловливается исключительно отсутствіемъ индуктивной провѣрки при его изслѣдованіяхъ.

Какъ и Смитъ, Рикардо прежде всего является индивидуалистомъ, хотя нѣкоторые его собственные выводы и противорѣчатъ этому основному положенію. „При системѣ безграничной свободы торговли, говоритъ онъ,— каждая страна естественно посвящаетъ свой капиталъ и свой трудъ такому употребленію, какое наиболѣе для нея выгодно. *Это преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ общимъ благомъ всѣхъ.* Поощряя промышленность, награждая изобрѣтательность, успѣшно пользуясь отдѣльными силами природы,—оно способствуетъ наиболѣе выгодному и экономическому распредѣленію труда: увеличивая въ то же время общую массу произведеній, оно распространяетъ всеобщее благосостояніе и посредствомъ общихъ узъ интереса и сообщеній связуетъ между собой въ одно универсальное цѣлое народы всего цивилизованнаго міра“ [1]). Такимъ образомъ Рикардо,

---

[1]) David Ricardo: Principles of Political Economy and Taxation. 1817. Chap. VII. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подлинника подъ руками, а два перевода (русскій и французскій) которые иногда передаютъ смыслъ весьма различно. Сравни напр. цитованное мѣсто въ русскомъ переводѣ Н. И. Зибера: „Сочиненія Давида Рикардо. Выпускъ I. Кіевъ,

какъ и всѣ сторонники свободной конкурренціи, считаетъ частные интересы вполнѣ тождественными съ народными; повидимому, онъ даже не вѣритъ въ возможность частныхъ случаевъ ихъ противорѣчія *). Но, сходясь со Смитомъ въ этомъ главномъ положеніи и проводя его даже послѣдовательнѣе, онъ расходится съ нимъ въ очень многихъ воззрѣніяхъ на результаты и послѣдствія международной и колоніальной торговли. Первое изъ этихъ различій заключается въ слѣдующемъ. Согласно мнѣнію Ад. Смита, *большая прибыль*, которая получается иногда нѣкоторыми купцами *въ иностранной торговлѣ, увеличиваетъ общій уровень прибыли въ странѣ*, благодаря извлеченію капитала изъ другихъ помѣщеній, въ видахъ участія въ этой болѣе выгодной торговлѣ. Капиталъ, употребляемый на производство предметовъ внутренняго потребленія, вслѣдствіе этого отвлеченія необходимо уменьшается, а такъ какъ спросъ остается тотъ же самый, то въ результатѣ цѣны на эти предметы поднимаются, а вмѣстѣ съ ними и прибыль. Рикардо рѣшительно возстаетъ противъ такого вывода. Прежде всего, по его словамъ, нѣтъ основанія думать, чтобы непремѣнно уменьшился капиталъ для англійскаго производства даже въ томъ случаѣ, если уменьшится спросъ на какіе-нибудь товары внутренняго приготовленія. На покупку

1873, стр. 88 и во французскомъ переводѣ Констансіо подъ редакціей Ж. Б. Сэ: „Des principles de l'Economie Politique et de l'Impôt par D. Ricardo. Paris, 1835. v. I, p. 181.

*) Ж. Б. Сэ назвалъ большимъ счастіемъ, что естественный ходъ вещей влечетъ капиталъ не въ такія помѣщенія, которыя доставляютъ (частную) наибольшую выгоду, а въ такія, которыя наиболѣе выгодны для общества. По этому поводу Рикардо выразилъ какъ бы недоумѣніе о возможности такихъ случаевъ, и Сэ отвѣчаетъ въ особомъ примѣчаніи къ означенному переводу Констансіо. См. переводъ Зибера, стр. 263 и въ переводѣ Констансіо, т. II, стр. 200.

иностранныхъ товаровъ нужно употребить столько же, сколько прежде, больше, или меньше продуктовъ Англіи. Если употребляется прежнее количество, то спросъ на сукно, башмаки, хлѣбъ и шляпы останется тотъ же, и то же количество капитала будетъ затрачено на ихъ производство. Если, вслѣдствіе болѣе дешевой цѣны иностранныхъ товаровъ, на покупку ихъ тратятъ меньшую часть ежегоднаго продукта почвы и промышленности Англіи то останется больше на покупку другихъ предметовъ. Если же возростетъ спросъ на эти послѣдніе предметы, то потребители иностранныхъ товаровъ будутъ свободно располагать прибавочною частью своего дохода, слѣдовательно освободится капиталъ, который расходовался прежде на иностранные товары большей цѣнности; а потому явятся средства къ болѣе значительному снабженію, и потому ни цѣны, ни прибыль не станутъ продолжать возвышаться. Наконецъ, если на покупку иностранныхъ товаровъ будетъ затрачиваться больше продукта и труда Англіи и спросъ на собственные товары, какъ хлѣбъ, шляпы, сукно и т. п., уменьшится, то результатъ тѣмъ не менѣе будетъ прежній. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ освобождается капиталъ отъ покупки послѣднихъ предметовъ, должно быть употреблено его больше на изготовленіе тѣхъ товаровъ, за которые покупаются иностранные продукты, и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, спросъ на иностранные и домашніе товары вмѣстѣ, что касается мѣновой цѣнности, ограничится доходомъ и капиталомъ страны. Если возрастаетъ спросъ на одни товары, то долженъ уменьшиться—на другіе и въ концѣ концовъ прибыль останется на той же высотѣ, какъ и прежде. Итакъ, хотя внѣшняя торговля въ высшей степени выгодна для страны, потому что увеличиваетъ

количество и разнообразіе предметовъ, на которые можно расходовать, и дешевизной и изобиліемъ товаровъ даетъ толчокъ сбереженію и накопленію капитала, но *торговля эта* не имѣетъ стремленія возвышать прибыль на капиталъ, если только предметы ввоза не принадлежатъ къ той категоріи вещей, на которыя расходуется заработная плата *). Такимъ образомъ получается выводъ, противоположный утвержденію Смита; но для того, чтобы понять его, нужно напомнить основное положеніе, установленное Рикардо касательно взаимнаго отношенія двухъ составныхъ частей цѣны—прибыли и заработной платы. Онъ первый выяснилъ и доказалъ, что ихъ размѣры обратно пропорціальны и что интересы труда и капитала, поэтому, отнюдь не тождественны, а противоположны. Низшій размѣръ заработной платы опредѣляется минимумомъ средствъ необходимыхъ для содержанія рабочаго; а потому, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, въ цѣнѣ необходимыхъ предметовъ для существованія не можетъ произойдти никакого прочнаго возвышенія безъ того, чтобы за нимъ не послѣдовало, или ему не предшествовало возвышеніе заработной платы, а *то, что возвышаетъ заработную плату, необходимо уменьшаетъ прибыль*, и слѣдовательно прибыль зависитъ отъ высокой или низкой платы, а эта—отъ цѣны необходимыхъ предметовъ потребленія **). Но ежели прибыль не можетъ повыситься иначе, какъ вслѣдствіе пониженія заработной платы, то это пониженіе можетъ быть прочно и продолжительно только въ томъ случаѣ, когда предметы необходимости подешевѣли. Такъ напр., если, вслѣдствіе расширенія внѣшней торговли или механи-

---

*) Рикардо, въ переводѣ Зибера, гл. VII, стр. 83—88.

**) См. русскій переводъ: стр. XIV и 75, 76.

ческихъ улучшеній, пища и другіе предметы потребленія рабочаго могутъ быть доставляемы на рынокъ по болѣе низкой цѣнѣ, нежели прежде, то прибыль возрастетъ. Это—единственный случай, при которомъ иностранная торговля, по мнѣнію Рикардо, можетъ повести за собой увеличеніе прибыли; во всякомъ же другомъ случаѣ, т. е. если торговля удешевитъ предметы роскоши и вообще предметы потребленія богатыхъ классовъ общества, въ размѣрахъ прибыли не произойдетъ никакого измѣненія *).

Итакъ, въ противоположность Смиту, Рикардо допускаетъ возвышеніе прибыли (профита), благодаря иностранной торговлѣ, исключительно при ввозѣ сырыхъ продуктовъ, идущихъ на удовлетвореніе потребностей первой необходимости; всякая иная торговля не понижаетъ заработной платы и черезъ это, по его мнѣнію, не увеличиваетъ и барышей предпринимателей. Эти замѣчанія, сдѣланныя относительно внѣшней торговли, по Рикардо, одинаково примѣняются и къ внутренней: послѣдняя только въ томъ случаѣ увеличиваетъ прибыль, когда благодаря ей заработная плата уменьшается, не оказывая при томъ никакого вліянія на цѣны товаровъ. Въ противномъ случаѣ развитіе торговли дѣйствуетъ такъ же, какъ напр. механическія изобрѣтенія, устройство дорогъ и каналовъ и вообще всякіе способы сокращенія труда при производствѣ, или перевозкѣ товаровъ. Причины эти дѣйствуютъ на цѣны и всегда приносятъ громадныя выгоды потребителямъ, потому что даютъ имъ возможность, при помощи прежняго труда или въ обмѣнъ за цѣнность продуктовъ прежняго труда, получать гораздо

---

*) У Зибера и Констансіо замѣчается нѣкоторая разница: См. у перваго стр. 85 и у втораго т. I, стр. 178.

*

болѣе товаровъ, въ производствѣ которыхъ сдѣлано улучшеніе; но *на прибыль онъ вліянія никакого не имѣютъ*. Съ другой стороны, всякое уменьшеніе въ заработной платѣ увеличиваетъ прибыль, но не оказываетъ никакого дѣйствія на цѣны товаровъ. Одно выгодно для всѣхъ классовъ, потому что всѣ классы — потребители; другое (т. е. уменьшеніе заработной платы) благопріятно единственно для производителей, которые выигрываютъ болѣе, хотя цѣны всѣхъ вещей остаются прежнія *).

Обусловливая возвышенную прибыль исключительно пониженною заработною платой, Рикардо логически долженъ былъ придти, противно Смиту, къ отрицанію разной степени выгодности въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли. Ад. Смитъ постоянно отдаетъ преимущество выгодамъ, вытекающимъ для страны отъ большаго валоваго дохода, передъ выгодами большаго чистаго дохода, т. е. онъ считаетъ наиболѣе выгоднымъ для стороны то занятіе, которое требуетъ наибольшее количество производительнаго труда. Поэтому, на первомъ планѣ Смитъ ставитъ земледѣліе; за нимъ наибольшее количество труда приводитъ въ дѣйствіе капиталъ, употребленный на мануфактуры. Изъ трехъ вѣтвей торговли — внутренной, иностранной и транспортной—самая выгодная и важная есть торговля внутренняя, которая каждою своей операціей приводитъ въ дѣйствіе и занимаетъ *два различныхъ капитала* и даетъ наибольшее употребленіе народному труду. Менѣе выгодна, по Смиту, торговля иностранная, которая употребляетъ только одинъ капиталъ для поддержанія туземной промышленности. И наконецъ торговля транспортная, посвященная пере-

*) Рикардо, гл. VII, 87 и далѣе.

возкѣ и продажѣ иностранныхъ товаровъ, отъ однихъ чужеземцевъ къ другимъ, почти всецѣло исключаетъ поддержку или занятіе для своего отечественнаго труда *).

Рикардо оспариваетъ вѣрность этихъ воззрѣній своего знаменитаго предшественника и старается доказать преимущество большаго чистаго дохода передъ такимъ же валовымъ, т. е. одинаковую для страны выгоду отъ всѣхъ родовъ промышленности и торговли. Сбереженіе и уплата налоговъ, по его мнѣнію, происходятъ изъ прибыли или изъ ренты; заработная плата, будучи умѣренной, равняется только необходимымъ издержкамъ производства. „Для отдѣльнаго лица", говоритъ Рикардо, капиталъ котораго простирается на 20.000 ф. с. а прибыль равна 2.000 ф. с. въ годъ, является совершенно безразличнымъ, дастъ ли его капиталъ занятіе 100 или 200 человѣкъ, продается ли произведенный товаръ за 10.000 или за 20.000 ф. с. въ годъ, если только во всѣхъ подобныхъ случаяхъ прибыль его не падаетъ ниже 2.000 ф. с.". Отсюда, отъ этого частнаго случая, съ свойственнымъ ему индивидуализмомъ, Рикардо сразу переходитъ къ интересамъ цѣлаго народа и дѣлаетъ выводъ вѣрный только развѣ въ абстрактномъ смыслѣ: „Не имѣетъ ли, говоритъ онъ—съ этимъ сходства интересъ націи? Если только чистый доходъ ея, рента и прибыль ея, остаются однѣ и тѣ же, то нѣтъ ни малѣйшей важности въ томъ, состоитъ ли нація изъ 10 или 12 милліоновъ жителей. Средства ея къ содержанію флотовъ и армій и всякаго рода непроизводительнаго труда находятся въ соотвѣтствіи съ ея чистымъ, а не съ валовымъ ея доходомъ. Еслибы 5 милліоновъ людей могли произвести столько

*) A. Smith. Wealth of Nations Book II, Chap. V; B, IV, Ch. I.

пищи и одежды, сколько необходимо для 10 милліоновъ, то пища и одежда для 5 милліоновъ составляла бы чистый доходъ. Будетъ ли представлять для страны какую-нибудь выгоду, если на производство такого же чистаго дохода потребуется 7 милліоновъ человѣкъ, — иными словами, если 7 милліоновъ будутъ употребляться на производство пищи и одежды, достаточныхъ для 12 милліоновъ? Пища и одежда 5 милліоновъ продолжали бы оставаться чистымъ доходомъ. Употребленіе большаго числа людей не дало бы намъ возможности ни увеличить числа людей въ нашей арміи и флотѣ, ни взнести лишней гинеи въ видѣ налога" *). Такимъ образомъ, по мнѣнію Рикардо, для страны безразлично выгодно, доставляетъ ли ея промышленность средства существованія для 7 или для 5 милліоновъ работниковъ, если только прибыль предпринимателей въ обоихъ случаяхъ одинакова. Количество производительнаго труда, слѣдовательно, вовсе не обусловливаетъ въ данномъ случаѣ интересовъ страны; когда рента и прибыль, доставляющія доходъ фиску и увеличивающія богатство, не возрастаютъ, то для страны одинаково важенъ всякій родъ промышленности съ равною прибылью. При этомъ самое распредѣленіе занятій между различными народами опредѣляется единственно степенью ихъ богатства. У народовъ бѣдныхъ, при низкой цѣнѣ первыхъ предметовъ необходимости, естественно употребляются такія занятія, которыя требуютъ большаго числа рукъ. На

*) Рикардо, русскій переводъ, гл. XXVI, стр. 262. «Послѣ этого, замѣчаетъ по поводу этихъ словъ Сисмонди, всего лучше было бы тогда, еслибы во всей Великобританіи остался одинъ человѣкъ, который, вертя постоянно колесо, производилъ бы посредствомъ автоматовъ все то что производитъ теперь весь англійскій народъ»! Sismondi: Nouveaux Principes d' Economie politique, V. II. p. 331.

этомъ основаніи Рикардо допускаетъ, что земледѣліе приводитъ въ движеніе наибольшое количество производительнаго труда. Затѣмъ, въ странахъ богатыхъ, гдѣ пища дорога, капиталъ напротивъ того, по его словамъ, естественно притекаетъ при свободѣ торговли къ такимъ занятіямъ, которыя требуютъ содержанія наименьшаго количества труда; такова—транспортная торговля, отдаленная внѣшняя торговля и промыслы, требующіе большаго количества машинъ,—все такія отрасли промышленной дѣятельности, въ которыхъ прибыль находится въ соотвѣтствіи съ капиталомъ, а не въ соотвѣтствіи съ количествомъ употребленнаго труда *).

Но допуская что капиталъ, употребленный на земледѣліе, занимаетъ большее количество труда, нежели когда онъ идетъ на мануфактуру и торговлю, Рикардо тѣмъ рѣшительнѣе возстаетъ противъ всякаго различія въ этомъ отношеніи внутренней и внѣшней торговли. Ад. Смитъ, какъ мы говорили, отдавалъ предпочтеніе торговлѣ внутренней, считая ее важнѣе для страны сравнительно съ торговлей заграничной. „Капиталъ, употребляемый на перевозку шотландскихъ мануфактуръ въ Лондонъ и на перевозку англійскаго хлѣба и мануфактурныхъ товаровъ въ Эдинбургъ, необходимо замѣщаетъ, говоритъ онъ,—каждой такой операціей *два британскихъ капитала*, изъ которыхъ каждый употребленъ въ земледѣліе и мануфактуры Великобританіи“. Наоборотъ, при иностранной торговлѣ, по словамъ Смита, каждая торговая операція замѣщаетъ только *одинъ британскій капиталъ*, который употребляется на поддержаніе туземной промышленности; другой капиталъ принадлежитъ иностранцамъ.

*) Рикардо въ рус. пер. стр. 263.

Рикардо находитъ такую аргументацію неправильной: „Если два капитала", говоритъ онъ, напр. одинъ португальскій, другой англійскій употребляются согласно предположенію Смита, то капиталъ, затраченный во внѣшнюю торговлю, будетъ вдвое болѣе того, который употребляется во внутреннюю. Предположимъ, что Шотландія употребляетъ 1000 ф. с. напр. на производство льна, который она обмѣниваетъ на продуктъ такого же капитала, употребленнаго на производство шелка въ Англіи; въ такомъ случаѣ обѣ страны вмѣстѣ затратятъ 2.000 ф. и соотвѣтствующее количество труда. Предположимъ за тѣмъ, что Англія находитъ, что она можетъ ввозить болѣе льна изъ Германіи въ обмѣнъ за шелкъ, который она передъ тѣмъ вывозила въ Шотландію, и что Шотландія находитъ, что можетъ получать болѣе шелка изъ Франціи въ обмѣнъ за свой ленъ, который она прежде вывозила въ Англію. Не прекратится ли въ такомъ случаѣ немедленно торговля между Англіей и Шотландіей и не замѣнится ли внутренняя торговля для потребленія внѣшней торговлей для потребленія? Но хотя въ эту торговлю войдутъ два лишнихъ капитала — германскій и французскій, не будетъ ли продолжаться употребляться такая же сумма шотландскаго и англійскаго капитала и не будетъ ли она приводить въ движеніе такой же промышленности, какъ еслибы она была затрачена во внутреннюю торговлю?" *).

Таковы существенныя черты воззрѣній Рикардо на торговлю, построенныя чисто апріорнымъ способомъ: расширеніе рынка отнюдь не вызываетъ возрастанія прибыли, если не сопровождается при этомъ удешевленіемъ предметовъ первой необходимости, служащихъ

*) Рикардо, гл. XXVI стр. 264

для потребленія рабочихъ классовъ. Уровень прибыли при отсутствіи монополіи возрастаетъ единственно вслѣдстіе пониженія заработной платы, возможнаго въ свою очередь при пониженной цѣнѣ предметовъ необходимости. Это начало одинаково приложимо ко всякой торговлѣ, и всѣ ея виды, по мнѣнію Рикардо, употребляютъ одинаковое количество производительнаго труда или, говоря другими словами, въ равной степени выгодны для страны. Всѣ эти воззрѣнія даровитаго экономиста проводятся весьма послѣдовательно и логично во всемъ его трудѣ, но въ то же время, намъ кажется, вызываютъ противъ себя значительное количество возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ его главное, основное положеніе о взаимныхъ отношеніяхъ прибыли и зароботной платы, на которомъ держится значительная часть и его воззрѣній на торговлю. Прибыль, по его мнѣнію, находится въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ, и первая возвышается единственно при пониженіи второй. Если это положеніе принять за вполнѣ вѣрное и доказанное, то какъ примирить съ нимъ индивидуалистическое убѣжденіе Рикардо въ тождествѣ частныхъ интересовъ съ общественными? Преслѣдованіе индивидуальной пользы, говоритъ онъ, совершенно совпадаетъ съ общимъ благомъ; а между тѣмъ индивидуальная польза предпринимателя, по его же воззрѣніямъ, и работника совершенно протувоположны: каждый изъ нихъ можетъ увеличить свою выгоду только на счетъ другаго. Очевидно, что двѣ величины, не равныя другъ другу, не могутъ въ то же время, обѣ порознь, равняться какой-нибудь третьей величинѣ. Что-нибудь изъ двухъ: или обѣ не равны ей, или равна только одна величина. Говоря иначе, отождествленіе всѣхъ интересовъ находится во внутреннемъ про-

тиворѣчіи съ означеннымъ положеніемъ Рикардо: если оба интереса, предпринимателя и рабочаго, не могутъ быть примирены въ одно и то же время съ общимъ благомъ, то въ результатѣ съ нимъ можетъ отождествляться развѣ только одинъ изъ нихъ. Такимъ образомъ получается дилемма слѣдующаго рода: если принять обратное отношеніе прибыли къ заработной платѣ, то должно отбросить, какъ несостоятельное, тождество всѣхъ интересовъ, и наоборотъ, если принять за истину послѣднее положеніе, то нельзя допускать перваго.

Точно также нельзя признать удовлетворительной приведенную аргументацію Рикардо противъ Смита по вопросу относительной выгодности внѣшней и внутренней торговли. Смитъ доказывалъ, что послѣдняя важнѣе и выгоднѣе для страны, потому что замѣщаетъ два капитала и приводитъ въ движеніе двойное количество производительнаго труда, тогда какъ торговля внѣшняя замѣщаетъ всего только одинъ капиталъ и занимаетъ съ нимъ соотвѣтствующее количество труда. Рикардо, какъ мы видѣли, старается опровергнуть это положеніе примѣромъ, который мы и постараемся анализировать. Если Шотландія вывозитъ въ Англію на 1.000 ф. льна и получаетъ отъ нея на 1.000 ф. шелку, то *Великобританія*, значитъ, затрачиваетъ на оба производства 2.000 ф. и соотвѣтствующее количество труда. Теперь, если Англія найдетъ болѣе выгоднымъ закупать свой ленъ въ Германіи и прекратить обмѣнъ съ Шотландіей, то очевидно, что послѣдняя, а съ ней и *все государство*, теряетъ рынокъ для льна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и производительную силу въ 1.000 ф. с. Одно открытіе германскаго рынка еще не вознаграждаетъ *Великобританію* за эту потерю въ рентѣ, прибыли и заработной платѣ. Чтобы воз-

мѣстить этотъ ущербъ, Шотландіи необходимо найдти другой рынокъ для своего льна, который и будетъ, согласно предположенію Рикардо, во Франціи. При этомъ только условіи будетъ продолжать употребляться такая же сумма *великобританскаго* капитала и труда, какъ и прежде, и слѣдовательно *потеря одного внутренняго рынка возмѣщается пріобрѣтеніемъ не одного, а непремѣнно двухъ соотвѣтствующихъ иностранныхъ рынковъ.* Такимъ образомъ аргументы Рикардо въ концѣ концовъ приводятъ къ тому же различію Смита относительно важности внутренней и внѣшней торговли, или, другими словами, его возраженіе собственно ничего не опровергаетъ, а только констатируетъ въ нѣсколько иной формѣ старое положеніе, что каждая операція въ туземной торговлѣ замѣщаетъ два капитала, а въ иностранной—всего одинъ. Когда уничтожается одинъ внутренній рынокъ, то какъ эквивалентъ за него долженъ быть найденъ двойной иностранный сбытъ тѣхъ же товаровъ; Рикардо при этомъ *предполагаетъ*, что такіе иностранные рынки *будутъ найдены*, но это уже вопросъ торговой политики, исторія которой показываетъ, какъ часто трудно бываетъ для страны отыскать даже одинъ рынокъ вмѣсто того, который утраченъ *)... Но увлеченіе Рикардо логическими построеніями допускаетъ здѣсь и другое предположеніе, вызывающее нѣкоторое недоумѣніе: почему Франція должна покупать ленъ въ Шотландіи, если, согласно его собственной гипотезѣ, этотъ продуктъ дешевле въ Германіи? Затѣмъ: отчего Германія станетъ покупать англійскій шелкъ, когда, согласно предположенію, французскій шелкъ стоитъ дешевле?

---

*) См. любопытную объяснительную діаграмму у Byles: Sophisms of Free-Trade and Popular Political Economy examined. 9-th ed. 1870, стр. 30—31.

Кромѣ настоящаго случая, исключительный абстрактный способъ изслѣдованія экономическихъ явленій привелъ Рикардо и ко многимъ другимъ неменѣе важнымъ недомолвкамъ и прямо ошибкамъ въ различныхъ отдѣлахъ науки. Стремясь частію развить, частію вновь перестроить общіе естественные законы мѣны, установленные Смитомъ, Рикардо употребляетъ для этого только дедуктивный методъ, игнорируя факты дѣйствительной жизни, а потому пропуская цѣлый рядъ важныхъ факторовъ, дѣйствующихъ вмѣстѣ съ тѣми, которые уже имѣются въ виду. Отсюда происходитъ неполнота и неудовлетворительность самихъ его выводовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и рѣшительная ихъ несостоятельность въ практическомъ примѣненіи. Политическая экономія есть наука столько же, сколько и искусство: она не только изслѣдуетъ и открываетъ законы экономическихъ явленій, но и стремится управлять ими и измѣнять ихъ ходъ. Одна эта практическая сторона экономической науки вызываетъ необходимость наблюденій дѣйствительной жизни для установки добытыхъ ею нормъ. Положеніе, хотя бы и вполнѣ вѣрное съ абстрактной точки зрѣнія, получаетъ свое полное значеніе только послѣ индуктивной провѣрки. Между тѣмъ Рикардо, чуждаясь ея, часто просматривалъ обстоятельства, которыя существенно измѣняютъ и самыя положенія. „Такъ напр. онъ учитъ, что, по мѣрѣ общественнаго развитія, сырыя произведенія и задѣльная плата имѣютъ постояннымъ стремленіемъ возвышаться, а прибыль падать— вслѣдствіе того, что общество поставлено въ необходимость постоянно переходить къ почвѣ низшаго качества для полученія добавочной пищи. Абстрактная истина дѣйствительно такова. Но, не говоря уже о томъ, что вопросъ объ отношеніи прибыли къ задѣль-

ной платѣ несравненно сложнѣе, чѣмъ думалъ Рикардо, можно замѣтить, что между тѣмъ, какъ съ одной стороны общество постоянно принуждено переходить къ худшей почвѣ, съ другой—земледѣліе способно къ неопредѣленнымъ улучшеніямъ, и эти улучшенія необходимо уравновѣшиваютъ упадокъ плодородія земли и могутъ достигнуть, и даже дѣйствительно часто достигаютъ, преобладанія" *).

Но нигдѣ односторонній методъ изслѣдованія не принесъ для Рикардо столько вреда, сколько въ его ученіи о налогахъ. Въ области финансовъ наблюдатель имѣетъ дѣло преимущественно съ конкретными отношеніями: государство желаетъ съ наименьшею потерей и ущербомъ для подданныхъ добывать матеріальныя средства, необходимыя для удовлетворенія его цѣлей, а наука финансовъ указываетъ лучшій путь для достиженія этой задачи. Опираясь и руководясь общими экономическими законами, она стремится дать надлежащія нормы для государственнаго хозяйства и сообщить тѣ способы, слѣдуя которымъ, возможно устроить это хозяйство наиболѣе выгоднымъ и раціональнымъ образомъ. Но общіе экономическіе законы далеко не могутъ быть прямо приложимы ко многимъ финансовымъ вопросамъ уже вслѣдствіе существеннаго различія между государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ въ самыхъ его источникахъ. Рядомъ съ экономическими соображеніями и вліяніями финансовыя системы подчиняются условіямъ политическаго устройства, природнаго характера самой страны, а иногда даже ея этнографическимъ особенностямъ. Очевидно, поэтому, что изученіе законовъ и правилъ финансовой науки возможно единственно при помощи многочислен-

---

*) Зиберъ: Сочиненіе Д. Рикардо, стр. VI.

ныхъ наблюденій надъ историческою жизнію народовъ и ихъ настоящимъ бытомъ: всякое абстрактное построеніе будетъ неполно, не въ состояніи охватить всѣхъ факторовъ, регулирующихъ разнообразную сферу науки, и слѣдовательно будетъ несовершенно и невѣрно. Чисто-логическій путь изслѣдованія могъ бы привести къ удовлетворительнымъ результатамъ только при одномъ непремѣнномъ условіи: если основныя, начальныя посылки вполнѣ точны въ ихъ практическомъ примѣненіи; въ противномъ случаѣ всѣ дальнѣйшія умозаключенія должны привести только къ ошибочнымъ выводамъ и даже абсурдамъ. Между тѣмъ, эту именно ошибку и совершилъ Рикардо: все его ученіе о налогахъ держится исключительно на нѣсколькихъ чисто апріорныхъ построеніяхъ политической экономіи, хотя онъ и трактуетъ преимущественно переложеніе налоговъ—вопросъ крайне сложный и чисто-практическій по своему характеру *). Главныя основы этого ученія заключаются въ его теоріи заработной платы и

*) Мы не совсѣмъ здѣсь согласны съ г. Зиберомъ, по словамъ котораго ученіе о налогахъ у Рикардо носитъ болѣе практическій характеръ, чѣмъ другія части его труда. Если это касается самаго предмета изслѣдованія, то это справедливо; но ежели способа изслѣдованія, то положительно невѣрно. Толкуя о налогахъ, онъ держится того же дедуктивнаго метода, какъ и во всей книгѣ: Рикардо имѣетъ въ виду, дѣйствительно, только финансы Англіи; но этотъ національный отпечатокъ, несмотря на принятый абстрактный методъ, рѣзко замѣтенъ и во всѣхъ его теоріяхъ. По поводу его ученія о налогахъ Staatswörterbuch Блунчли и Братера даже прямо замѣчаетъ: „...von seiner Steuerlehre, welche er sehr ausführlich fast rein vom Standpunkt der theoretischen Nationalökonomie behandelt“. (8-ter Band, Ricardo, S. 629). Что же касается до мнѣній почтеннаго редактора русскаго перевода Рикардо о точности и важности его ученія о налогахъ передъ всѣми существующими (!!) трактатами о финансахъ, то позволимъ себѣ даже совершенно съ нимъ не согласиться, на основаніи соображеній, которыя въ данную минуту излагаются (См. русскій переводъ Рикардо, т. I, стр. VII).

прибыли, а также въ его теоріи ренты; изъ этихъ теорій, какъ необходимыя послѣдствія уже вытекаютъ у него всѣ законы, которые управляютъ переложеніемъ налоговъ. Возьмемъ, для примѣра, ту часть его ученія о налогахъ, которая касается ихъ вліянія на заработную плату.

Трудъ, по теоріи Рикардо, какъ и всѣ другія *вещи, которыя продаются* и покупаются, имѣетъ цѣну естественную и рыночную. Подъ первой разумѣется та цѣна, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію рода. Поэтому естественная цѣна труда опредѣляется цѣною пищи, одежды и другихъ вещей, необходимыхъ для содержанія рабочаго. Рыночная или дѣйствительная цѣна труда, наоборотъ, зависитъ отъ условій рынка, т. е. регулируется спросомъ и предложеніемъ, и хотя иногда уклоняется и превосходитъ естественную цѣну, но временно, и всегда имѣетъ стремленіе сообразоваться съ этимъ минимумомъ средствъ, необходимыхъ для существованія рабочаго. Отсюда очевидно, что если рыночное вознагражденіе труда равно или даже близко къ его естественной цѣнѣ, то рабочій не можетъ вынести всякаго сколько-нибудь значительнаго уменьшенія его покупной силы, произойдетъ ли оно отъ возрастанія цѣны предметовъ первой необходимости или же прямо отъ уменьшенія заработной платы. Рабочій долженъ непремѣнно переложить всю происшедшую разницу противъ естественной цѣны; иначе онъ рискуетъ собственнымъ существованіемъ. Обстоятельство это происходитъ часто и зависитъ отъ разныхъ причинъ: одна изъ нихъ состоитъ въ налогахъ на хлѣбъ и вообще всякіе предметы необходимости потребляемые рабочими классами, и затѣмъ въ налогахъ на самую заработную плату. Дѣйствіе тѣхъ и

другихъ налоговъ, по Рикардо, въ сущности одинаково: налоги на предметы потребленія дѣлаютъ, конечно, ихъ дороже и потому, согласно его теоріи, должны повысить заработную плату. Налогъ на заработную плату производитъ то же самое вліяніе, только прямо и непосредственно. Все различіе между налогомъ на предметы первой необходимости и налогомъ на задѣльную плату заключается въ томъ, что первый сопровождается всегда повышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, второй же такого вліянія не оказываетъ (гл. XVI, стр. 153). Но теперь возникаетъ вопросъ: на что должно пасть это увеличеніе заработной платы? Отвѣтъ прямо вытекаетъ изъ извѣстнаго намъ и уже установленнаго имъ правила обратнаго отношенія прибыли и заработной платы. Всякое увеличеніе послѣдней необходимо уменьшаетъ въ той же пропорціи прибыль предпринимателя; поэтому „налогъ на заработную плату есть ничто иное, какъ налогъ на прибыль“: достаточно сколько-нибудь поднять черезъ налогъ жалованье рабочаго, чтобъ этотъ послѣдній немедленно переложилъ всю цифру увеличенія на предпринимателя, дающаго ему работу. „Все, что увеличиваетъ задѣльную плату рабочихъ, уменьшаетъ прибыль съ капитала, и, слѣдовательно, всякій налогъ *на какіе бы то ни было предметы потребленія рабочаго* стремится понизить уровень прибыли“ (гл. XV, стр. 145). Въ другомъ мѣстѣ, стараясь опровергнуть мнѣніе Смита, что всѣ эти налоги, возвышая заработную плату, соотвѣтственно перелагаются на цѣну товаровъ, Рикардо опять повторяетъ то-же положеніе: „*насколько эти налоги лежатъ на бѣдномъ рабочемъ классѣ,* они выплачиваются почти сполна уменьшеніемъ прибыли съ капитала...“ (гл. XVI, стр. 169). „Богатые потребители

говоритъ онъ далѣе,—могутъ заплатить и дѣйствительно заплатятъ за бѣднаго потребителя...“

Итакъ, изъ теоріи Рикардо вытекаетъ одинъ важный выводъ: налоги на предметы потребленія рабочихъ классовъ несутся не этими классами, а предпринимателями, на прибыль которыхъ они перелагаются. Поэтому онъ рѣшительно возстаетъ противъ мнѣній Смита, который порицаетъ всѣ эти налоги, какъ такіе, которые тяжело давятъ бѣдные классы народа. По изложеннымъ основаніямъ Рикардо считаетъ эти воззрѣнія совершенно ошибочными и неосновательными. Посмотримъ однако, такъ ли происходитъ въ дѣйствительности.

Англійскія финансы со временъ Рикардо потерпѣли огромныя измѣненія, но ихъ сущность, въ смыслѣ направленія ихъ тягости, осталась та же самая; въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, когда писаны были труды Рикардо, существовала масса налоговъ на потребленіе въ формѣ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ, изъ которыхъ большинство къ настоящему времени уничтожено. Но тогда, какъ и теперь, однакожъ большая часть дохода составлялась этими т. н. косвенными налогами, падавшими на предметы общаго потребленія; мѣсто прежнихъ многочисленныхъ налоговъ только заняли въ настоящее время немногіе, какъ на спиртные напитки, пиво, чай и табакъ, которые доставляютъ вмѣстѣ государственному казначейству около двухъ третей всего дохода. Во всякомъ случаѣ, какъ во времена Рикардо, такъ и теперь господствуетъ убѣжденіе совершенно ему противоположное, что всѣ эти налоги на предметы потребленія несутся преимущественно рабочею массою народа, а вовсе не перелагаются на другіе классы. Это мнѣніе въ настоящее время настолько распространено, что едва ли найдется сколько-нибудь из-

вѣстный англійскій экономистъ, который его бы не раздѣлялъ: Леонъ Леви, Клиффъ Лесли, Торольдъ Роджерсъ, Фосеттъ и отчасти даже ученикъ или послѣдователь Рикардо, Джонъ Стюартъ Милль держатся более или менѣе одинаковаго убѣжденія, что косвенные налоги тяжело давятъ на массу народа и ведутъ къ крайней неравномѣрности обложенія. Вся разница между ними заключается только во мнѣніи относительно степени и значенія этой тягости для англійскаго народа. „Всѣ эти налоги (на потребленіе), говоритъ Милль, весьма несправедливы вслѣдствіе ихъ несоразмѣрной тягости для бѣднѣйшихъ классовъ народа“ *). Крайне консервативный писатель, Дёдлей Бэкетеръ принимаетъ за основаніе и первое правило обложенія, что „предметы необходимости должны быть изъяты отъ налоговъ“, потому конечно, что они падаютъ на заработную плату, не перелагаясь такъ легко на прибыль, какъ думаетъ Рикардо **). Того же мнѣнія держится проф. К. Лесли и проф. Джевонсъ, утверждая, притомъ что чай и сахаръ отнюдь не могутъ считаться предметомъ роскоши и не должны подлежать обложенію ***) По разсчету Л. Леви, изъ 83 мил. ф. с., которые тратитъ англійскій народъ на напитки, 60 мил. приходится на рабочій классъ, который и уплачиваетъ за нихъ до 18 мил. налога ****). Вообще убѣжденіе въ томъ, что большая часть косвенныхъ налоговъ, падая на массу народа, и несутся именно ей, настолько сильно, что въ подтвержденіе

---

*) D. S. Mill: Principles of Political Economy 1868, Book V, Cap. VII, 526.

**) H. Dudley Baxter. The Taxation of the United Kingdom. 1869.

***) W. S. Jevons: The Match Tax. T. E. Cliffe-Leslie: Financial Reform, Cobden Club Essays, Second Series, 1872, стр. 252.

****) Leone Levi: On the Limis of Legislation etc. 1873, 37. См. въ моей книгѣ объ англійскомъ акцизѣ, стр. 300.

можно было бы привести цѣлыя страницы однѣхъ цитатъ.

Итакъ, исключительный абстрактный методъ, которому слѣдовалъ Рикардо, привелъ къ выводамъ вовсе неоправдываемымъ дѣйствительностію: въ теоріи налоговъ, какъ и въ экономической политикѣ, вообще въ вопросахъ практическаго характера является необходимымъ изученіе конкретныхъ отношеній *). Безъ этого условія всегда найдутся многочисленные факторы, которые измѣняютъ направленіе апріорнаго закона и потому могутъ привести къ заблужденіямъ весьма опаснымъ на практикѣ. Стремленіе рыночной заработной платы къ ея естественной цѣнѣ вполнѣ можетъ быть вѣрно въ абстрактномъ смыслѣ, но въ дѣйствительности почти вездѣ и всегда заработная плата стоитъ гораздо выше этого уровня, будучи обусловливаема весьма различными причинами. Понятна отсюда не-

*) Могутъ возразить, что выводы изъ теоріи налоговъ Рикардо слѣдуетъ принимать только въ абстрактномъ смыслѣ, какъ и прочія части его дедуктивныхъ построеній. Но противъ этого, во-первыхъ, говоритъ то обстоятельство, что, толкуя о налогахъ, Рикардо исключительно имѣетъ въ виду современную ему Англію и прямо къ ней прилагаетъ эти выводы почти безъ всякихъ оговорокъ. Во-вторыхъ, въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ Рикардо опять-таки цѣликомъ повторяетъ свои апріорныя положенія, нисколько не обусловливая ихъ примѣненія дѣйствительнымъ положеніемъ народной жизни. Между тѣмъ его авторитетъ, какъ знатока экономической науки, оказывалъ сильное давленіе въ парламентѣ на рѣшеніе многихъ финансовыхъ вопросовъ. Такъ въ 1819 г. рѣчь Д. Рикардо въ парламентѣ по поводу увеличенія различныхъ налоговъ на предметы общаго потребленія (чай, спиртъ, табакъ и т. д.) осталась не безъ вліянія на исходъ дебатовъ и эти налоги были приняты палатой общинъ. *Hansard*: Parliamentary Debates, XL, 1220. Какъ рѣзкій представитель интересовъ средняго сословія, Рикардо всегда рѣшительно высказывался противъ подоходнаго налога, задѣвавшаго интересы его класса. Онъ называетъ его „*позорной мѣрой* вторженія въ частныя дѣла каждаго“. Полит. Экономія, гл. VI, стр. 110.

*

состоятельность выводовъ Рикардо о переложеніи налоговъ; если рыночная плата постоянно выше естественной, то конечно налоги на предметы потребленія рабочихъ классовъ или совсѣмъ не переложимы, или переложимы только отчасти, а поэтому такіе налоги и несутся преимущественно потребителями, на какой бы предметъ они не и падали *).

Самъ Рикардо, кажется, чувствовалъ иногда недостаточность принятаго имъ метода и въ виду дѣйствительности принужденъ былъ дѣлать отступленія отъ началъ своей системы. Такъ, говоря напр. о переходѣ капиталовъ отъ одного употребленія къ другому, онъ дѣлаетъ ограниченія для свободнаго перемѣщенія ихъ изъ страны въ страну. *Опытъ*, по его словамъ, въ данномъ случаѣ учитъ, что этотъ переходъ по разнымъ причинамъ совершается далеко не охотно и люди предпочитаютъ довольствоваться скорѣе низкимъ уровнемъ въ ихъ собственной странѣ, нежели искать болѣе выгоднаго

---

*) Не менѣе несостоятельно другое положеніе, на которомъ держится теорія косвенныхъ налоговъ, построенная абстрактнымъ способомъ. Въ основѣ ея лежитъ гипотеза *о равенствѣ всѣхъ прибылей* предпринимателей, такъ какъ только при этомъ условіи становится возможнымъ равномѣрное переложеніе на потребителей. Возьмемъ трехъ торговцевъ предметами потребленія (напр. виномъ), обложенными налогами. Если ихъ прибыль неравна: напр. 10, 7 и 5 процентовъ на затраченный капиталъ, а налогъ 5%, то первый торговецъ переложитъ весь налогъ, второй—часть, а третій совсѣмъ переложить не можетъ. Очевидно, что равенство прибылей необходимо для того, чтобы такіе налоги падали всецѣло на потребителей, между тѣмъ этого именно условія и недостаетъ въ дѣйствительности, и прибыли весьма различны на практикѣ въ одной и той же профессіи „Считать за общее правило торговли, говоритъ Милль,—что равные капиталы даютъ равныя прибыли, было бы такъ же ошибочно, какъ полагать что равный ростъ или года подразумѣваетъ и равную физическую силу...“ Political Economy, 1868, B. II, Ch. XV, 249.

употребленія своего богатства за границей. Такое же отступленіе онъ дѣлаетъ и въ вопросѣ колоніальной политики, допуская, что монополія торговли съ колоніями выгодна для метрополіи *).

Это послѣднее положеніе, въ противность настоящимъ фритредерамъ, видящимъ въ навигаціонныхъ законахъ исключительно одно зло, принимаетъ также современникъ Рикардо, извѣстный Джемсъ Милль (отецъ Дж. Стюарта Милля). По своему методу и воззрѣніямъ онъ почти тождественъ съ Рикардо, передавая его воззрѣнія только въ болѣе ясной и популярной формѣ. Въ колоніальной системѣ, по его словамъ, всѣ выгоды на сторонѣ метрополіи: во-первыхъ, она получаетъ лишній барышъ, благодаря низкой цѣнѣ колоніальныхъ продуктовъ, назначенныхъ исключительно для ввоза въ метрополію; во-вторыхъ, колоніи, будучи отрѣзаны отъ всѣхъ остальныхъ рынковъ снабженія, принуждены покупать у ней всѣ товары по цѣнѣ болѣе высокой, нежели какъ могла бы существовать при свободѣ торговыхъ сношеній. „Только при свободной торговлѣ обѣ стороны (одинаково) пріобрѣтаютъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, что одна сторона прібрѣтаетъ, то другая теряетъ. Метрополія, принуждая своихъ колонистовъ продавать ихъ продукты ей дешевле, нежели они могли бы это дѣлать другимъ странамъ, тѣмъ самымъ налагаетъ на нихъ своего рода дань, хотя и непрямую, а замаскированную, но не менѣе реальную“ **).

Если Рикардо отличается иногда слишкомъ спѣшными обобщеніями и пренебреженіемъ къ наблюденію дѣйствительной жизни, то другой не менѣе его извѣстный

---

*) Сочиненія Рикардо, въ пер. Зибера, гл. VII, стр. 90, гл. XXV, стр. 253.

**) James Mill: Elements of Political Economy, 1821, Chap. III Sect. XVII, p. 171 etc.

современникъ, Мальтусъ, замѣчателенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ чертами противоположнаго свойства. Насколько Рикардо любитъ обобщенія, на столько Мальтусъ обобщаетъ слишкомъ мало, но за то онъ обращается нерѣдко къ индукціи и старается абстрактнымъ построеніямъ найти подтвержденіе въ дѣйствительности *). Держась такимъ образомъ одного метода со Смитомъ, Мальтусъ отличается и однимъ общимъ недостаткомъ— неясностью и неопредѣленностью нѣкоторыхъ своихъ выводовъ. Въ то время, какъ Рикардо, вооружившись своей сильной логикой, строитъ силлогизмъ за силлогизмомъ, почти не обращая вниманія на конкретную сторону вопроса, Мальтусъ, раздѣляя сущность большинства тѣхъ же воззрѣній, встрѣчаетъ противорѣчія имъ въ дѣйствительности и какъ Смитъ начинаетъ колебаться и дѣлать оговорки и исключенія.

Какъ Смитъ и Рикардо, Мальтусъ является индивидуалистомъ, но въ то же время позволяетъ себѣ нѣкоторыя отступленія. „Въ томъ случаѣ, по его словамъ,— когда капиталъ употребленъ на торговлю и мануфактуры, прибыль государства отъ него пропорціональна прибыли индивида.“ Но совсѣмъ другое дѣло въ земледѣліи: еслибы земля совершенно свободно переходила изъ рукъ въ руки, какъ и всякій другой товаръ, и ее обработывали сами землевладѣльцы, то этотъ законъ имѣлъ бы силу и относительно земледѣлія. Но существующій порядокъ въ Англіи совершенно иного характера и земля всегда обработывается черезъ отдачу въ аренду, а фермеръ, чтобы получать достаточный доходъ, долженъ улучшать землю, вкладывать въ нее капиталъ, который впослѣдствіи съ окончаніемъ сро-

*) См. R. Torrens: An Essay on the Production of Wealth 1821, (Preface).

ка аренды уже не можетъ быть извлеченъ и остается въ землѣ, увеличивая черезъ это цѣнность земли и богатства страны. На этомъ основаніи Мальтусъ и полагаетъ, что государство отъ земледѣлія выигрываетъ болѣе, нежели самъ земледѣлецъ, или, говоря его словами: интересы индивида въ этомъ употребленіи капитала не пропорціональны и не вполнѣ отождествляются съ интересами государства *). Данный случай Мальтусъ называетъ единственнымъ значительнымъ исключеніемъ, гдѣ практическіе интересы индивида и государства не пропорціональны, но въ то же время однако, противорѣча себѣ, онъ допускаетъ различіе тѣхъ же интересовъ въ самой мануфуктурной промышленности: „Никто и никогда не сомнѣвался, говоритъ онъ, что индивидуальный интересъ фабриканта шерстяныхъ, шелковыхъ или полотняныхъ издѣлій можетъ потерпѣть ущербъ отъ иностранной конкурренціи и немногіе будутъ отрицать, что ввозъ большаго числа рабочихъ можетъ также понизить заработную плату (слѣд. интересъ рабочихъ)“ **). Мальтусъ забываетъ приэтомъ, что онъ признаетъ и защищаетъ свободу торговли, какъ выгодную и благодѣтельную для страны, а при такомъ условіи опять является противоположность интересовъ фабриканта и государства. Очевидно, что наблюденія дѣйствительной жизни у Мальтуса идутъ въ разрѣзъ съ апріорными построеніями науки. Поэтому Мальтусъ, какъ и Ад. Смитъ, часто темно и неопредѣленно трактуетъ то же самое положеніе, обусловливая его различными исключеніями. Въ вопросѣ иностранной торговли Мальтусъ оспориваетъ мнѣніе Рикардо, что расширеніе иностранной торговли не

---

*) T. R. Malthus: Principles of Political Economy, 1820. Ch. III, Sect. IX, p. 218—225.

**) Idem, p. 217.

увеличиваетъ немедленно сумму цѣнностей въ странѣ, находитъ это положеніе противнымъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ и старается установить принципъ, что иностранная торговля и, вообще, расширеніе рынка способствуютъ увеличенію цѣнностей. Но, доказывая необходимость и всю полезность свободной торговли, онъ въ то же время дѣлаетъ цѣлый рядъ оговорокъ, несогласныхъ съ главнымъ принципомъ. Такъ онъ является защитникомъ фискальныхъ пошлинъ, находя, что величайшая, будто бы, свобода торговли возможна безъ уменьшенія таможеннаго дохода, и наконецъ настоятельно совѣтуетъ обратить вниманіе на совѣтъ Ад. Смита, по поводу необходимости, въ видахъ человѣколюбія, только постепеннаго введенія началъ свободной торговли *).

Ад. Смитъ, Рикардо, Мальтусъ, при всѣхъ разнорѣчіяхъ, твердо установили общіе принципы свободной торговли, въ теоріи, уже къ двадцатымъ годамъ настоящаго столѣтія. Большая часть изслѣдователей экономическихъ явленій раздѣляла ихъ воззрѣнія, но тѣмъ не менѣе на практикѣ, въ дѣйствующемъ законодательствѣ, эти начала нашли свои примѣненія далеко не сразу. Весь періодъ времени отъ выхода въ свѣтъ труда Смита и до 1820 года еще продолжаетъ господствовать прежняя меркантильная политика и только въ нѣкоторыхъ вопросахъ ея замѣчается уклоненіе въ противоположную сторону. Литературное развитіе извѣстныхъ идей, какъ это большею частію бываетъ, значительно опередило ихъ примѣненіе въ самой жизни: требуется довольно времени, чтобы новыя воззрѣнія достаточно распространились въ обществѣ и нашли за тѣмъ мѣсто

---

*) Malthus: Principles of Pol. Economy, Chap. VI, Sec. X, 508.

въ его законодательствѣ. *) Поле для этихъ идей было подготовлено какъ нельзя быть лучше: сильно воспрянувшая промышленность послѣ великихъ изобрѣтеній конца XVIII вѣка уже плохо укладывалась въ рамки старой торговой системы и въ то же время поднимала богатство, а съ нимъ и значеніе, средняго сословія. Этому способствовало также и развитіе государственныхъ займовъ въ теченіе продолжительной войны съ французской республикой и Наполеономъ I: оно увеличило классъ денежныхъ капиталистовъ и усилило ихъ значеніе въ политической жизни страны. Это обстоятельство въ свою очередь не могло не повліять и на самый ходъ развитія экономическихъ идей. Изученіе законовъ производства начинаетъ составлять почти исключительную цѣль политической экономіи. Эта односторонность замѣчается уже у Ад. Смита, но у него далеко она не доходитъ до той крайности, которая составляетъ характеристическій признакъ большей части экономистовъ его школы. Пользуясь отчасти индуктивнымъ методомъ, Смитъ не ограничивается однимъ изученіемъ богатства, однимъ анализомъ матеріальныхъ феноменовъ, относящихся къ производству; онъ весьма часто занимается и другими общественными вопросами, имѣющими связь съ главнымъ предметомъ его занятій (какъ напр. образованіемъ народа). Вообще у Смита замѣчается часто присутствіе этической, соціальной тенденціи, которая мѣшаетъ упустить изъ виду общее

---

*) Разсказываютъ, что знаменитый Боркъ разъ далъ такой отвѣтъ Адаму Смиту по поводу его убѣжденій о необходимости свободной торговли: „Съ профессорской каѳедры, д-ръ Смитъ, вы можете высказывать ваши теоріи о свободѣ торговли такъ же, какъ бы вы читали чистую математику. Но законодатели должны идти только постепенно, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія въ формѣ интересовъ и предразсудковъ." L. Levi: History of Britisch Commerce, 1872, стр. 150.

благо народа, какъ конечную задачу всякой разумной экономической политики. Слѣды этой тенденціи мало-по-малу совершенно исчезаютъ у его учениковъ, особенно въ Англіи. Послѣдователи Смита стѣсняли объемъ его ученія по мѣрѣ того, какъ его развивали и объясняли. Въ ихъ рукахъ политическая экономія сдѣлалась наукой столь же отвлеченной, какъ и наука чиселъ, и столь же мало подвергаемой соображеніямъ политики и философіи, какъ и геометрія. Самое полное, самое рѣзкое выраженіе этой абсолютно отвлеченной политической экономіи находится въ сочиненіяхъ Рикардо. „У него это одностороннее направленіе доходитъ до послѣдней крайности и всякіе слѣды соціальной тенденціи исчезаютъ; государства разсматриваются какъ мастерскія, въ которыхъ производятся богатства, человѣкъ—машина, производящая или потребляющая, а жизнь человѣческая—не болѣе, не менѣе какъ капиталъ. Въ этомъ странномъ мірѣ все взвѣшивается, все исчисляется, и экономическіе законы, подобно роковой, неумолимой необходимости, управляютъ всѣмъ міромъ“ *).

Несмотря на все это благоговѣніе Рикардо, Джемса Милля и другихъ писателей той же школы передъ владычествомъ капитала надъ трудомъ и неограниченной свободой промышленности и торговли, послѣдняя осуществлялась сначала довольно медленно, хотя и быстрѣе, нежели предполагалъ это А. Смитъ. „Ожидать, говорилъ онъ, что свобода торговли можетъ когда-нибудь быть совершенно установлена, было бы такъ же абсурдно, какъ ждать итого, что могутъ быть устроены когда-нибудь Океанія или Утопія. Не только пред-

*) См. превосходную статью—„Пролетаріи и пауперизмъ въ Англіи и во Франціи“ г. В. М-нъ (В. Милютинъ?) въ „Отечеств. Запискахъ“ конца сороковыхъ, или пятидесятыхъ годовъ. Точно № и года опредѣлить не можемъ.

разсудокъ публики, но, что гораздо непобѣдимѣе, этому упорно воспротивятся частные интересы весьма многихъ лицъ" *).

Смитъ очевидно здѣсь разумѣетъ интересы купцовъ и мануфактуристовъ, которые исключительно, будто бы, „изъ своихъ себялюбивыхъ, корыстныхъ видовъ" препятствуютъ введенію началъ свободной конкурренціи. Къ землевладѣльцамъ онъ относится уже гораздо мягче и считаетъ „благородство и великодушіе свойственными ихъ званію" (B. IV, Ch. II). Дѣло въ томъ, что во времена Смита землевладѣльцы были равнодушны, по крайней мѣрѣ сравнительно, къ помощи покровительственнаго тарифа, благодаря тому, что XVIII вѣкъ вплоть до 1768 года отличается большею частію хорошими урожаями и Англія, несмотря на развивавшуюся промышленность, довольствовалась почти исключительно собственнымъ хлѣбомъ и вывозила даже его за границу. Между тѣмъ обратно съ землевладѣльцами, классъ торговый и промышленный является за этотъ періодъ времени упорнымъ защитникомъ протекціи, еще необходимой для его интересовъ. Вообще тогдашнее положеніе Англіи нѣсколько напоминаетъ современные Соединенные Штаты, гдѣ, какъ извѣстно, западные фермеры и южные хлопчатобумажные плантаторы являются сторонниками свободной торговли, а пенсильванскіе угольные и желѣзодѣлательные промышленники и мануфактуристы Новой Англіи упорно защищаютъ покровительственную систему. Послѣ Смита эти роли значительно успѣли перемѣниться. Нѣтъ сомнѣнія, еслибъ онъ дожилъ до того развитія британской промышленности, которое ему сообщили открытія и изобрѣтенія Уатта, Аркрай-

*) A. Smith: Wealth of Nations, Book IV, Clap. II.

та, Корта и другихъ, то онъ бы понялъ истинную причину перемѣны въ экономическихъ воззрѣніяхъ различныхъ классовъ общества. Означенныя изобрѣтенія весьма быстро сдѣлали Англію непобѣдимымъ соперникомъ для всѣхъ мануфактурныхъ странъ Европы, и мануфактуристы, подобно землевладѣльцамъ временъ Смита, пожелали свободнаго и широкаго иностраннаго рынка. Они нашли невыгоднымъ для себя удерживать ввозъ множества иностранныхъ товаровъ, на которые возможно было обмѣнивать ихъ собственные продукты *). Первые слабые симптомы этого новаго движенія замѣчаются уже въ концѣ XVIII в. въ просьбѣ манчестерскихъ и глазговскихъ хлопчато-бумажнымъ ткачей передъ парламентомъ, „какъ уполномоченнымъ (trustees) передъ самимъ небомъ за націю — не душить тяжелыми налогами новорожденную промышленность" **). Тѣмъ не менѣе еще почти всю первую четверть настоящаго вѣка меркантильныя воззрѣнія сохраняютъ преобладаніе въ массѣ англійскаго общества, упорно и открыто защищаясь въ парламентскихъ рѣчахъ и на митингахъ, и только понемногу, шагъ за шагомъ англійская торговля и промышленность освобождаются отъ тѣсныхъ узъ, которыя ее опутывали и, англичане даже начинаютъ приглашать къ тому же и другія націи **).

---

*) L. Levi: History of British Commerce, 872—24. James Thorold Rogers: Cobden and Modern Political Opinion. 1873, p. 18.

**) Когда Соединенные Штаты, въ двадцатыхъ годахъ усилили покровительственную систему для поощренія и развитія собственной промышленности, то извѣстный лордъ Брумъ (Brougham) такъ выразился разъ по этому поводу въ парламентѣ: „Необходимо задушить американскую мануфактуру еще въ колыбели!" На эти слова послѣдовало слѣдующее откровенное замѣчаніе другаго члена парламента: „Безполезно стараться, говорилъ онъ—убѣждать другія націи присоединиться къ намъ въ слѣдованіи за принципами свободной торговли. Другія

Къ концу продолжительной войны съ Франціей англійскій таможенный тарифъ еще находился въ такомъ видѣ: въ немъ не была пропущена ни одна статья привоза, которая только могла сдѣлаться предметомъ общаго потребленія. Такихъ статей находилось въ немъ 1.100 кромѣ 200 предметовъ безусловно запрещенныхъ. Между болѣе важными предметами, хотя и дозволенными къ привозу, но обложенными столь высокими пошлинами, что ихъ можно было считать почти запрещенными, довольно указать на иностраный сахаръ, съ котораго взималось 6 р. 50 к. съ пуда, между тѣмъ какъ съ привозимаго изъ англійскихъ колоній только 3 руб.; на лѣсъ, который если привозился съ береговъ Балтійскаго моря, долженъ былъ платить пошлины отъ 100—500% своей стоимости для покровительства канадскаго, мало годнаго для построекъ *); чай, съ котораго взимали въ казну болѣе 300%

націи знаютъ такъ же хорошо, какъ и почтенный лордъ оппозиціи и тѣ которые дѣйствуютъ съ нимъ, что то̀, что мы подразумѣваемъ подъ именемъ свободной торговли, есть неболѣе ни менѣе какъ средство съ помощью великихъ преимуществъ, которыми мы пользуемся, *получить монополію всѣхъ иностранныхъ рынковъ для нашихъ мануфактуръ и предупредить ихъ* (иностранныя націи) *одну за другой отъ возможности когда-либо сдѣлаться самимъ мануфактурными націями.* Когда напр. система взаимности и свободной торговли была предложена французскому посланнику, его возраженіе состояло въ томъ, что планъ былъ превосходенъ въ теоріи, но для того, чтобы привести его въ исполненіе, нужно было ждать по крайней мѣрѣ полстолѣтія, пока Франція сравняется съ Британіей въ мануфактурѣ, капиталѣ и многихъ иныхъ выгодахъ, которыми послѣдняя сравнительно пользуется". Calvin Colton: Public Economy of United States. New-York. 1848, стр. 401—402.

*) Едва только Канада была присоединена къ Англіи, какъ послѣдняя обратила свое особое вниманіе на выдѣлку и разведеніе конопли и эксплуатацію разныхъ лѣсныхъ продуктовъ „Дальновидные политики, говоритъ Линдсей, особенно Питтъ, знали, что главная цѣль Россіи заклю-

его стоимости. Къ нимъ нужно прибавить еще стеклянныя и кожевенныя издѣлія, многія красильныя вещества, какъ то: кошениль, индиго, имѣющій столь обширное употребленіе на фабрикахъ, рогатый скотъ овцы, мясо и вообще всѣ съѣстные продукты и фабричныя издѣлія, которыя только могли соперничать съ производимыми внутри государства *).

Важный ударъ этой строгой меркантильной системѣ былъ нанесенъ измѣненіемъ хартіи Остъ-Индской компаніи. Какъ мы знаемъ, это общество имѣло право исключительной торговли съ Остъ-Индіей и Китаемъ и не допускало къ ней частныхъ лицъ. Въ 1814 году ея права были ограничены и торговля съ президентствами Мадрасскимъ, Калькутскимъ, Бомбейскимъ и портомъ Пенингъ сдѣлалась доступною для всѣхъ подданныхъ Англіи. Въ то же самое почти время послѣдовало нѣкоторое измѣненіе и въ другой важной части торговой политики, именно въ навигаціонныхъ законахъ. Согласно этимъ постановленіямъ, всѣ продукты Азіи, Африки и Америки дозволялось ввозить только на британскихъ судахъ, но уже вскорѣ послѣ объяв-

---

чается въ соединеніи Балтійскаго моря съ Средиземнымъ (?), въ стремленіи обезопасить торговлю юга морскими богатствами сѣвера и вытѣснить англійскую торговлю изъ Леванта .... Отсюда здравой политикой со стороны Англіи было принять всѣ мѣры увеличить и расширить средства къ судоходству въ ея собственныхъ колоніяхъ. „Самая важная часть поэтому, продолжаетъ этотъ недальновидный фритредеръ, которая обратила вниманіе правительства въ связи съ кораблестроительствомъ, состояла въ поощреніи эмиграціи въ Канаду въ видахъ воздѣлыванія пеньки и рубки лѣсу и развитія другихъ подобныхъ промысловъ *съ цѣлью сдѣлать Англію независимой отъ Россіи* и другихъ сѣверныхъ странъ". W. S. Lindsay: History of Merchant Shipping and Ancient Commerce. 1874. V. II, p. 288.

*) Бальтазаръ Калиновскій: О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли. Спб. 1859, стр. 98.

ленія американской независимости было найдено невозможнымъ съ утратой этихъ важнѣйшихъ колоній держаться прежней политики. Первый шагъ въ противоположномъ смыслѣ былъ сдѣланъ въ 1796 г., когда судамъ Соединенныхъ Штатовъ было дозволено привозить продукты собственной страны прямо въ Великобританію. Причиной были тѣ репрессивныя мѣры, которыя Соединенные Штаты предприняли противъ Англіи и возраставшее торговое значеніе этого юнаго государства. Въ 1808 году та же самая привилегія распространилась и на Португальскія владѣнія въ Южной Америкѣ, а въ 1822 году и на многія другія колоніи и въ этомъ же году послѣдовало не мало важныхъ перемѣнъ относительно европейской торговли. Чтобы убить голландскую транспортную торговлю въ навигаціонныхъ законахъ существовала статья, которая дозволяла ввозъ продуктовъ Германіи, Россіи и Турціи только на судахъ британскихъ, или тѣхъ странъ, которымъ продуктъ принадлежалъ. Поэтому всѣ продукты, разрѣшаемые для ввоза голландцами, были точно и подробно перечислены. Законъ этотъ въ 1822 году былъ также уничтоженъ *).

Въ 1815 году Великобританія заключила торговый трактатъ съ Соединенными Штатами на началахъ полной взаимности, и обѣ страны были поставлены на степень совершеннаго равенства въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ. Понятно что, европейскія государства были недовольны этой исключительною привилегіей Америки и точно на тѣхъ же началахъ желали установить свою торговлю съ Англіей. Въ 1822 г. по этой причинѣ Пруссія значительно увеличила портовыя пошлины на суда всѣхъ тѣхъ націй, которыя

*) L. Levi: History of British Commerce, 158, 159. Калиновскій Свободная торговля, 99.

не допускаютъ прусскія суда на началахъ взаимности. Британское правительство протестовало, но получило въ отвѣтъ ловкое указаніе на собственную исключительную политику, нарушавшую интересы прусскаго торговаго флота. Нельзя было не признать очевидную справедливость этого отвѣта и парламентъ былъ вынужденъ издать *актъ о взаимности пошлинъ* (Reciprocity of duties act), по которому правительство получило власть распространить и на другія страны условія, содержащіяся въ конвенціи 1815 года. На этомъ основаніи заключены были договоры съ Пруссіею, Голландіею, Ганноверомъ, Мекленбургомъ и Даніей, а вскорѣ послѣ того съ Ганзейскими городами, Франціею, Швеціею и Норвегіею, Папскою областью и Мексикою *).

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся интересовъ ослаблялись узы старой системы и постепенно, хотя сначала и медленно, торговая политика Великобританіи, реорганизовалась въ смыслѣ новыхъ воззрѣній, уже установленныхъ экономической наукой. То же движеніе замѣчается и въ другихъ частяхъ прежней политики: такъ въ 1813 г. былъ уничтоженъ устарѣвшій и уже потерявшій смыслъ при новыхъ условіяхъ промышленности—законъ о таксахъ заработной платы; а въ 1815 году покончилъ свое существованіе законъ направленный противъ рабочихъ забастовокъ и союзовъ.

Но самымъ рѣшительнымъ моментомъ въ этой важной борьбѣ меркантилизма съ новыми воззрѣніями можно считать, безъ сомнѣнія, знаменитую петицію лондонскихъ купцовъ, поданную парламенту въ 1820 году. Этотъ любопытный документъ, авторство кото-

*) Porter: The Progress of the Nations etc. Sect. III, Ch. 9. Калиновскій, 99. L. Levi, Part III, Chap. II, 163, 164 etc.

раго приписывается извѣстному Туку, крайне важенъ, какъ первое и серьезное выраженіе идей свободной торговли со стороны средняго класса, уже начинавшаго интересоваться переходомъ къ противной системѣ торговой политики. Прошеніе исходитъ изъ того главнаго пункта, что иностранная торговля существенно необходима для богатства и преуспѣянія страны, давая, во первыхъ, возможность ввозить продукты, для производства которыхъ почва, климатъ, капиталъ и трудъ другихъ странъ наилучшимъ образомъ приспособлены. Во-вторыхъ, она же даетъ возможность въ свою очередь вывозить тѣ товары, для которыхъ лучше всего подходятъ мѣстныя условія самой Великобританіи. Свобода отъ всякаго вмѣшательства, говорилось въ прошеніи, даетъ наибольшее расширеніе столь важной иностранной торговлѣ и сообщаетъ лучшее направленіе для капитала и труда страны; извѣстное практическое правило каждаго торговца въ его частныхъ дѣлахъ: „покупай на самомъ дешевомъ рынкѣ и продавай на самомъ дорогомъ“—строго приложимо и къ торговлѣ цѣлой націи: политика, основанная на этомъ принципѣ, сдѣлаетъ торговлю всего свѣта мѣной взаимной выгоды и распространитъ и увеличитъ богатство между жителями всѣхъ странъ. Далѣе прошеніе сильно возстаетъ противъ защитниковъ государственнаго вмѣшательства и покровительства, стараясь доказать, что усиленный ввозъ иностранныхъ товаровъ предполагаетъ такой же собственный вывозъ, а потому и нѣтъ основаній его опасаться. Прошеніе перечисляетъ тѣ бѣдствія, которыя навлекаетъ на промышленность протекція, угрожающая совершенно исключить Англію съ иностранныхъ рынковъ и тѣмъ подорвать ея благосостояніе. Поэтому прошеніе называетъ охранительную политику „весьма опас-

ной и несправедливой", требуетъ у парламента изслѣдованія и провѣрки ея вредныхъ послѣдствій и рекомендуетъ переходъ къ системѣ свободной торговли, какъ единственно разумной и полезной политикѣ, которая исправитъ все зло, нанесенное въ предшествовавшее время торговымъ дѣламъ Англіи ея меркантильной системой. Въ заключеніе прошеніе ходатайствуетъ объ уничтоженіи всѣхъ пошлинъ и регуляцій, установленныхъ въ видахъ покровительства и оставленіе только тѣхъ, которыя преслѣдуютъ исключительно фискальныя цѣли *). Прошеніе это имѣло огромный успѣхъ, вызвало учрежденіе парламентской коммиссіи, но что̀ важнѣе—имѣло, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на воззрѣнія всего общества, какъ публичное отреченіе купцовъ и фабрикантовъ отъ того символа, который они исповѣдывали столько вѣковъ. Еще сорокъ лѣтъ прошло послѣ этого, пока Англія приблизилась къ тому идеалу свободной торговли, который Смитъ считалъ мечтой и сопоставлялъ съ „Утопіей" и „Океаніей"... Еще много горячихъ преній вызывали въ парламентѣ вопросы покровительственной политики и находили себѣ защитниковъ; но, несмотря на то, знаменитую петицію 1820 года можно считать поворотнымъ пунктомъ англійской торговой политики. Съ этого времени идеи свободной торговли получаютъ право гражданства не въ одной литературѣ, но и въ жизни: онѣ все болѣе и болѣе распространяются въ среднемъ классѣ и при благопріятныхъ къ тому условіяхъ дѣлаются чуть не догматомъ торговой политики британскаго правительства. Единовременно съ измѣнившимся положеніемъ англійской промышленности этому повороту экономическихъ воззрѣній въ двадца-

*) L. Levi, Part. III, Chap. I

тыхъ годахъ не мало способствовало также сильное отягощеніе народа, послѣ войны съ Франціей, разнообразными и крайне стѣснительными налогами. Франція, вынесшая борьбу съ полусвѣтомъ, не говоря уже о революціи, имѣла въ это время податную тягость въ два слишкомъ раза меньшую чѣмъ Великобританія *). Понятно, что такое положеніе финансоваго строя вызывало многочисленныя жалобы и подготовляло въ то же время почву къ воспринятію новыхъ идей. Если промышленники и вообще средніе классы разсчитывали съ принятіемъ системы свободной торговли расширить поле своей дѣятельности и увеличить свое производство, а съ нимъ и богатство, то масса народа надѣялась черезъ это удешевить предметы первой необходимости, начиная съ хлѣба, и вообще избавиться отъ множества налоговъ, которые въ то время опутывали, по выраженію одного современника, всю жизнь англичанина отъ рожденія и до могилы **).

---

*) См. Joseph Lowe: The present State of England. 1823, стр. 58, 237, 269 и т. д.

**) Лордъ Брумъ такъ остроумно характеризовалъ разъ финансовое положеніе Англіи того времени (до періода реформъ): „Налоги существуютъ у насъ для всякаго предмета, который попадаетъ въ ротъ, покрываетъ тѣло, или лежитъ подъ ногами; налоги существуютъ на все, что пріятно видѣть, слышать, чувствовать, нюхать или вкушать, налоги—на все на землѣ, въ водѣ и подъ землею; на все, что получается изъ заграницы, или растетъ дома, — налоги на сырые матеріалы и на все, что получается искусствомъ и трудомъ человѣка; налоги на всякій кусокъ хлѣба, который съѣдаетъ здоровый человѣкъ, и на лѣкарство, которое принимаетъ больной; налогъ — на горностая (erminx), который украшаетъ судью, и на веревку, на которой вѣшается преступникъ; налоги на прихоти богача и на насущную хлѣбъ-соль бѣдняка; налоги на ленты, украшающія невѣсту; и на бронзовые гвозди гроба; однимъ словомъ, мы должны платить налоги за все, начиная съ постели и стола. Школьникъ платитъ налогъ за кубарь, который онъ пускаетъ; безбородый юноша гарцуетъ на лошади, оплачен-

Такимъ образомъ наступилъ конецъ меркантильнаго періода англійской исторіи и совершился переходъ къ принятію въ жизнь новыхъ руководящихъ началъ, выработанныхъ измѣнившимися условіями экономическаго быта.

ной налогомъ, сидя на обложенномъ сѣдлѣ, съ обложенной уздой и хлыстомъ въ рукахъ; умирающій англичанинъ наливаетъ лѣкарство, обложенное налогомъ въ 7%, въ ложку, которая оплачивается 15%, и ложится въ постель, стоимость которой оплачена 22% налога; онъ дѣлаетъ наконецъ завѣщаніе, за которое платитъ 8 фунт. стерл. гербовой пошлины, и испускаетъ духъ на рукахъ врача (apothecary), который платитъ 100 ф. стерл. за привилегію довести его до смерти. Вся его собственность оплачивается налогомъ отъ 2—10% при провѣркѣ завѣщанія и сверхъ того большія деньги еще требуются для погребенія его при церкви. Его добродѣтели возвѣщаются потомству на обложенномъ налогомъ мраморѣ, а главное—онъ самъ отправляется ad patres, чтобъ уже не платить болѣе никакихъ налоговъ...“ C. Colton: Public-Economy of United States, 1848, стр. 375.

